

ISSN 1605-7880

Том 83. Номер 2

Март - Апрель 2024

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

НАУКА

— 1727 —

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 83 № 2 2024 Март—Апрель

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 83 No. 2 2024 March–April

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2024
© The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial Board of “Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language” (editing and composing), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2024, Том 83, Номер 2

О диалогичности жанровой природы замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями»: заметки на полях книги Ю. В. Манна «В поисках живой души...» <i>Е. Г. Падерина</i>	5
Державин и его «Истукан» <i>И. Клейн</i>	22
Итальянские корреспонденты Дмитрия Мережковского: Энрико Барфуччи и Энрико Бемпорад <i>Дж. Джулиано</i>	31
Характер и типы прагматической информации о слове и ее представление в толковом словаре <i>Е. В. Какорина</i>	47
Однородность, разнородность и переосмысление: первые замечания по обработке картвельского материала в базе VivalTur <i>А. А. Ростовцев-Попель</i>	63
Издание писем М. Горького: история и методология <i>А. Г. Плотникова</i>	71
Оптативные конструкции в луговых марийских и горномарийских идиомах <i>А. Н. Закирова</i>	80
Зарубежные письма читателей на русском языке Б. Л. Пастернаку после публикации романа «Доктор Живаго» <i>А. М. Королева</i>	100
Лермонтовские реминисценции в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг» <i>Е. И. Ушакова</i>	111

Рецензии

<i>Федунина О. В.</i> Криминальный бестиарий: зверь – текст – жанр. Тула: Аквариус, 2023. 148 с. <i>В. Б. Зусева-Озкан</i>	117
---	-----

Хроника конференции

Международная научная конференция «Литературное произведение сквозь призму издательских процессов 1920–1930-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые годы советской власти и издательство “Всемирная литература”» <i>Я. Д. Чечнев, Н. А. Дровалева, М. А. Ариас-Вихиль</i>	120
---	-----

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2024, Volume 83, Issue 2

On the Dialogism of Genre Nature of the Concept of “Selected Passages from Correspondence with Friends”: Notes on the Margins of the Book by Iu.V. Mann “In Search of a Living Soul...” <i>E. G. Paderina</i>	5
Derzhavin and his “Marble Bust” <i>Joachim Klein</i>	22
Italian Correspondents of Dmitry Merezhkovsky: Enrico Barfucci and Enrico Bemporad <i>Giuseppina Giuliano</i>	31
The Nature and Types of Pragmatic Information About the Word and Its Presentation in the Explanatory Dictionary <i>E. V. Kakorina</i>	47
Homogeneity, Heterogeneity, and Reanalysis: First Remarks on the Processing of Kartvelian Data for the Database BivalTyp <i>A. A. Rostovtsev-Popiel</i>	63
Edition of M. Gorky’s Letters: History and Methodology <i>A. G. Plotnikova</i>	71
Optative Constructions in Meadow Mari and Hill Mari <i>A. N. Zakirova</i>	80
Readers’ Letters from Abroad, in Russian, Addressed to B. L. Pasternak after the Publication of His Novel “Doctor Zhivago” <i>A. M. Koroleva</i>	100
Lermontov’s Reminiscences in the Story of I. S. Turgenev “Bezhin Meadow” <i>E. I. Ushakova</i>	111

Reviews

[Review:] Fedunina, O. V. Criminal Bestiary: Beast – Text – Genre. Tula, Aquarius Publ., 2023, 148 p. [In Russ.] <i>V. B. Zuseva-Özkan</i>	117
---	-----

Chronicles

An International Scholarly Conference “A Literary Work through the Prism of Publishing Processes in the 1920s and 1930s. Destiny of the Russian Intelligentsia in the Early Years of the Soviet Rule and the ‘World Literature’ Publishers” <i>Ya.D. Chechnev, N. A. Drovaleva, M. A. Arias-Vikhil</i>	120
---	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020018

О диалогичности жанровой природы замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями»: заметки на полях книги Ю. В. Манна «В поисках живой души...»

© 2024 г. Е. Г. Падерина

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
kbogan@yandex.ru

Резюме. Проблема жанровой природы «Выбранных мест из переписки с друзьями» — одна из давних, серьезнейших и до сих пор насущных проблем изучения последней книги Гоголя. С ней столкнулись уже первые читатели и критики в 1847 г., и с тех же пор интерес к жанру книги сопровождается особым вниманием к ее творческой истории. Общеизвестно при этом, что книга родилась в процессе работы Гоголя над вторым томом «Мертвых душ» и что в этот процесс Гоголь вовлек широкий круг близких и далеких читателей. Известно это из вышедшей в 1984 г. книги Ю.В. Манна «В поисках живой души: “Мертвые души”». Писатель — критика — читатель», где многолетний диалог «сочинителя» поэмы с читателем представлен фактическими и документальными подробностями, и в этом контексте ученым сделаны важные для понимания жанровых истоков замысла «Выбранных мест...» наблюдения. За прошедшие с того времени сорок лет существенно пополнился научный арсенал изучения гоголевской книги, и теперь мы можем по достоинству оценить и развить научный ресурс наблюдений Манна о диалогических истоках ее замысла.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», эпистолярный диалог, адресация публичной и приватной речи, личные письма и литература, речевые жанры, замысел.

Для цитирования: Падерина Е.Г. О диалогичности жанровой природы замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями»: заметки на полях книги Ю.В. Манна «В поисках живой души...» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 5–21. DOI: 10.31857/S1605788024020018

On the Dialogism of Genre Nature of the Concept of “Selected Passages from Correspondence with Friends”: Notes on the Margins of the Book by Iu. V. Mann “In Search of a Living Soul...”

© 2024 Ekaterina G. Paderina

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
kbogan@yandex.ru

Abstract. The issue of the genre nature of “Selected passages from correspondence with friends” is one of the oldest, most significant and yet actual problems of studying Gogol’s latest book. The first readers and critics faced this problem in 1847. Since then, interest in the genre of the book has been followed by special attention to its creative history. At the same time, it is well known that the book was created during Gogol’s

work on the second volume of “Dead Souls” and that Gogol involved a wide range of close and distant readers in this process. This was discussed by Yu.V. Mann in his book “In search of a living soul: ‘Dead Souls’. Writer – criticism – reader” (published in 1984), where the long-lasting writer-reader dialogue is presented with factual and documentary details. In this context, Yu.V. Mann made observations, that are important for understanding the genre origins of the concept of “Selected passages ...”. Over the 40 years since that, the scholarly stockpile of studying Gogol’s work has been significantly expanded, and now we can appreciate and develop the scholarly resource of Mann’s observations about the dialogical origins of its idea.

Key words: Gogol, “Selected passages from correspondence with friends”, epistolary dialogue, addressing public and private speech, personal letters and literature, verbal genres, concept.

For citation: Paderina, E.G. *O dialogichnosti zhanrovoi prirody zamysla “Vybrannykh mest iz perepiski s druz'yami”: Zametki na polyakh knigi Yu.V. Manna “V poiskakh zhivoi dushi...”* [On the Dialogism of Genre Nature of the Concept of “Selected Passages from Correspondence with Friends”: Notes on the Margins of the Book by Yu.V. Mann “In Search of a Living Soul...”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 5–21. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020018

Книга Юрия Владимировича Манна «В поисках живой души: “Мертвые души”. Писатель — критика — читатель» вышла в 1984 г., и представленная в ней концепция давно и прочно вошла в научный оборот и в «школьное» знание. Однако далеко не все наблюдения и суждения автора получили в гоголеведении должное внимание. В частности — относящиеся к «Выбранным местам...», а именно к проблеме жанровой формы книги — одной из давних, серьезнейших и до сих пор насущных. С ней столкнулись уже первые читатели и критики в 1847 г. При этом многосторонний взгляд Гоголя — писателя, гражданина и христианина — на судьбы России, на современное состояние мира и человека, на искусство, литературу и писательскую миссию и мн. др. получил столь своеобразное выражение, что и последние 30 лет активного научного интереса именно к жанровому своеобразию «Выбранных мест...» оказались недостаточным сроком для формирования устойчивой научной концепции. В числе прочего — неоднократно возобновлялся разговор о сложности, актуальности и к тому моменту нерешенности проблемы полноценного жанрового определения гоголевской книги. Каждый раз отправной точкой становилось привлечение внимания к новому и/или недостаточно исследованному важному научному аспекту этой проблематики. Такого рода обобщающими утверждениями и более или менее подробными обзорами научных мнений о жанре книги открываются статьи и монографические работы последнего десятилетия XX в. (В.А. Воропаев, Ю.Я. Барабаш, С.А. Гончаров, П.В. Михед, Л.В. Жаравина, М.А. Янушкевич, В. Томачинский) и первого десятилетия XXI в. (В.М. Маркович, А.С. Янушкевич, Е.В. Сартаков и др.). Пройденный путь и накопленный в русле этой тенденции опыт изучения жанра «Выбранных мест...» открывает

неисчерпанный научный ресурс наблюдений и концептуальных суждений Манна о жанровом генезисе книги, сделанных в 1984 г., когда эта научная проблематика только начала выходить из-под запрета официальной идеологии.

* * *

Подробно описанная многолетняя творческая история «Мертвых душ» начинается в книге Манна с зарождения первоначального замысла в 1835 г. и заканчивается, по сути, с уходом писателя из жизни, а с «Выбранными местами...» связан только один этап этой истории. Такая диспозиция соответствует биографическим данным, гоголевским признаниям и его особой заботе о том, чтобы «Переписка с друзьями» вышла из печати непременно раньше, чем появится в продаже второе издание первого тома «Мертвых душ»¹, и предварила появление готовящегося второго тома. Укорененность замысла «Выбранных мест...» в творческом процессе создания поэмы традиционно (в научном описании со времен Н.С. Тихонравова [1, с. 472–473]) отмечалась и отмечается в гоголеведении, в том числе в трудах, посвященных непосредственно последней книге Гоголя².

¹ В письме от 5 октября 1846 г. к С.П. Шевыреву, занимающемуся переизданием поэмы, Гоголь настоятельно просил соблюсти это важное для него условие.

² См., например: «...в течение многих последних лет Гоголя по существу не занимало ничего, кроме “Мертвых душ”, и он всегда очень сердился, когда слышал традиционный вопрос о чем-нибудь “новеньком”»; нигде, ни в одном письме нет и намека на какую-либо работу, — всерьез отвлекающую от “Мертвых душ”, если не считать “Выбранных мест...”, которые Гоголь рассматривал как своего рода промежуточный этап в подготовке второго тома грандиозной своей поэмы, да еще небольшой по объему “Развязки “Ревизора” с “Дополнением” к ней» [2, с. 54].

В описании Манном творческой истории «Мертвых душ» особая роль отведена, как известно, «читателю» и общению с ним автора. По сути, исследователь с хроникальной подробностью и с опорой на факты и документы описал процесс творческого взаимодействия автора поэмы с читателями (слушателями), чей круг все более и более расширялся, так что в октябре 1846 г. Гоголь в известном предисловии к первому тому поэмы во втором издании («К читателю от сочинителя») обратился уже ко всей читающей России с просьбой включиться в создание второго тома. Теперь это относится к общеизвестному знанию, и всем очевидно, что такой ракурс обусловлен биографическими данными, изучение которых и позволило Юрию Владимировичу утверждать уже в начале своей книги: «...само русское общество, так сказать, постоянно вживалось и углублялось в гоголевский замысел, и с каждым этапом писательского труда, с каждым шагом вперед (становившимся известным более или менее широкому кругу слушателей и читателей) открывались все более далекие и значительные горизонты. Больше того — оба явления оказались взаимосвязанными. Чем шире раздвигался горизонт поэмы в сознании читающего мира, чем больше людей втягивал в себя этот процесс, тем интенсивнее становились те импульсы, которые получал Гоголь для продолжения своего труда» [3, с. 23]. И когда исследователь оговорил в 1984 г. важное на тот момент условие включения в это повествование разговора о «Переписке с друзьями...» (что остановится «только на тех аспектах, которые важны для понимания судьбы “Мертвых душ”» [3, с. 237]), то имел в виду ограничение ожиданий своих читателей относительно одиозной и признанной советским гоголеведением реакционной книги Гоголя. А сейчас, по прошествии нескольких десятилетий изучения последней книги Гоголя, включая историко-биографический подход, именно эти аспекты приобретают особое значение: замысел и рождение «Переписки с друзьями» предстает не только этапом творческой биографии автора «Мертвых душ», но и сегментом обозначенного Манном в приведенной выше цитате процесса творческого взаимодействия «сочинителя» с «читателем», т.е. замысел книги возник именно в этом диалоговом поле.

Между тем общая гоголеведческая традиция реконструкции творческой истории «Выбранных мест...» в этом пункте поворачивает в иную сторону: факт зарождения замысла во время работы над вторым томом поэмы признается важным, но творческий импульс и жанровые ориентиры будущей книги рассматриваются исследователями

и комментаторами преимущественно в контексте духовно-религиозных исканий писателя, его глубокого погружения в практику и проблематику христианского служения и соответствующего осмысления своего поприща писателя, в контексте «становления самосознающей души», как много позже гоголевской эпохи сформулировал качественную характеристику личностного развития А. Белый. И побуждающим к изданию Гоголем своих писем импульсом всегда признавалась и признается (с разными, в том числе противоположными, оценками) возросшая потребность Гоголя в поучении окружающих, в наставлениях и пр. Традиция эта укоренена в восприятии книги первыми ее читателями и критиками, среди разнообразных мнений которых наиболее часто встречается жанровое определение — проповедь, и вышла на уровень научной концепции в комментарии Н.С. Тихонравова к книге [1, с. 466] и В.И. Шенрока к биографическим данным [4, с. 7]. Именно из сочетания собственного душевного и духовного опыта и потребности поучать (экстраполировать свое знание «правды» и «истины» жизни вовне в качестве закона для всех), т.е. проповеднического пафоса, и выводится по традиции (в современном гоголеведении в том числе) выбор Гоголем жанровой формы своей книги. В этом же ключе рассматриваются и реальные письма Гоголя, предшествующие ее подготовке.

То, что относится к темам, мотивам, проблематике и т.д., словом — к гоголевской телеологии, представленной в «Выбранных местах...», в целом так же трактуется и Манном. А вот истоки жанровой ориентации замысла — иначе. Поступательное движение по хронологически выстроенным биографическим подробностям гоголевской работы над «ближним сердцу» (по его выражению) художественным замыслом поэмы в параллели с творческой рецепцией Гоголем читательских мнений и суждений о промежуточных результатах этой работы подвело Юрия Владимировича к чрезвычайно интересному наблюдению над одним эпистолярным мотивом 1844 г., который напрямую связан, по его концепции, с идеей жанровой формы будущей «Переписки с друзьями».

Разговор об этом в книге Манна начинается с цитирования двух писем писателя конца декабря 1844 г., в которых говорится о том, как важно в словесном общении осознавать, к кому конкретно ты обращаешь свое слово. «Еще в декабре 1844 года, — читаем у Манна, — Гоголь писал о необходимости для автора видеть перед собой конкретного адресата: “Ради бога, перед тем как будете писать кому-либо с тем, чтобы подействовать

и убедить, представьте себе мысленно его всего» (XII, 443). Константину Аксакову Гоголь советует «вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет. Он пишет к публике, личность публики себе трудно представить, пусть же он на место публики посадит кого-нибудь из своих знакомых...» Гоголь сожалеет, что сам не применял «этот способ»: «Я бы гораздо больше сделал дела...» (XII, 407, 408)» [3, с. 238]. Особая наблюдательность ученого при чтении общеизвестных, надо сказать, гоголевских писем привела его к очень точному выводу о речевой стратегии Гоголя, относящейся к жанровой специфике последней книги: ««Выбранные места...» — *есть реализация описанного способа. Абстрактное понятие «публики» здесь последовательно дифференцировано на ряд конкретных личностей (воображаемых или реальных — неважно), чьи наклонности и свойства автору хорошо известны»* [3, с. 239; выделено автором. — *Е.П.*].

По сути, Юрий Владимирович указал на *диалогичность* авторской программы в замысле будущей книги, программы — зародившейся в этот «момент», т.е. на рубеже 1844–1845 гг., когда Гоголь нащупал опорную точку своего высказывания о проблемах современности, адресованного в каждом своем предметно-тематическом и стилевом сегменте — к конкретному адресату, но предъявленного всем.

Именно к этому наблюдению ученого, на вид простому, понятному и органично вытекающему из специфической истории создания «Мертвых душ», но порождающему разные вопросы к устойчивым представлениям о «Выбранных местах...», и относятся наши маргиналии.

* * *

Прежде всего нуждается в конкретизации тот самый «способ», реализованный Гоголем. Здесь важен эпистолярный контекст (и протяженный, и локализованный в одном письме) процитированных Манном советов А.О. Смирновой и К.С. Аксакову. И особенно важно подчеркнуть при извлечении предмета обсуждения из научного повествования Манна и тем самым из контекста общения «сочинителя» с «читателем», что оба совета были порождены собственным опытом Гоголя — человека и писателя — в формировании диалога с близкими (друзьями) и далекими (читателями) современниками.

Первым (по хронологии) был дан совет Константину Аксакову, это было сделано не прямо, а в письме к Сергею Тимофеевичу от 22 декабря 1844 г. и по конкретному поводу — в ответ

на сообщение последнего, что «Костя переписывает набело свою диссертацию» [5, с. 137] — «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Подчеркнув (совсем не в первый раз) аналитические и филологические способности Константина, Гоголь посоветовал — прежде всего, не спешить, отложить работу на время, а позднее взглянуть на нее отстраненно, чтобы увидеть и скорректировать как поспешные суждения, так и способ изъяснения мысли, добываясь большей ясности. И процитированный Манном совет следует в гоголевском письме сразу после оценки стиля письменной (публичной — прежде всего) речи Константина, не удерживающей, по Гоголю, живой энергии и ясности умопостроений, собственных его устной речи: «Все, о чем ни выражается он ясно на словах, выходит у него темно, когда напишет на бумаге. Если бы он был в силах схватить тот склад речи, который выражается у него в разговоре, он был бы жив и силен в письме, стало быть имел бы непременно читателей и почитателей» [6, т. 12, с. 407]. Именно способ преодоления *этой* проблемы — проблемы адекватной формы выражения мысли в публичном письменном высказывании — и предложил Гоголь. И немаловажны подробности совета, опущенные Манном в цитате: «...пусть же он на место публики посадит кого-нибудь из своих знакомых, *живо представит себе его ум, способности, степень понятливости и развития и говорит, соображаясь со всем этим и снисходя к нему*, — слово его непременно будет яснее» [6, т. 12, с. 407; курсив наш. — *Е.П.*]; и лучше всего, добавил Гоголь, было бы попробовать рассказывать «маленькой сестрице» [6, т. 12, с. 408].

В предыстории этого совета — двойная связь с изданным первым томом «Мертвых душ» и ряд подобных этому совету предостережений. Гоголь опирался на очень близкий во времени и сходный у них обоих опыт столкновения автора высказывания (художественного и критического) с непониманием и неприятием его читателями: поэма по выходе в 1842 г. «озадачила» (выражение старшего Аксакова) практически всех читателей и вызвала полярные оценки — от восторгов до полного неприятия, и подобной же была реакция читателей и рецензентов на вышедшую летом того же 1842 г. брошюру Константина Аксакова о поэме. Но сам Гоголь, для которого это был далеко не первый, как известно, опыт встречи с «озадаченностью» и негативизмом большей части читателей, уже выработал трезвое, по возможности, отношение к этому и равно признавал как существенную долю непонимания в неумеренных похвалах, так одновременно и свою долю правоты

и правомерности в упреках враждебной критики. Так именно, исходя из своего опыта, в 1842 г. он воспринял и сообщение старшего Аксакова (в письме от 8 июля 1842 г. из Гаврилково) о написанной Константином восторженной рецензии на поэму и об отказе М.П. Погодина поместить её в «Москвитяине». Еще не зная о выходе в июне того года статьи младшего Аксакова отдельной брошюрой, Гоголь попытался предостеречь его, указав на объективные факторы возможного неприятия публикой мнения еще не авторитетного (поспешившего поперек батьки в пекло, условно говоря) молодого критика³. А в конце ноября того же года, отвечая на письмо Константина о поэме и ее критиках, попытался указать ему на ощутимую разницу между убедительностью его устной формы изложения даже не вполне глубоко продуманных мыслей («сопровожаемых жаром и пылом юности») и их «вялостью» «на бумаге» [6, т. 12, с. 126]⁴. Затем, прочитав статью и ответ ее автора на критику Белинского⁵, Гоголь 18 марта н. ст. 1843 г. писал о том же, по сути, старшему Аксакову, естественным образом включив рассуждение о брошюре в разговор о реакции критики на его собственные сочинения («Браня, все-таки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тех, которые восхищаются, невольно поселается пристрастие и невольно заслоняет недостатки» и т.п. [6, т. 12, с. 151–152]) и добавив при этом еще один важный нюанс в описание все той же проблемы публичного высказывания: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основном своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным

созданием, горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, *видного всем*, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем. И вообще, *чем глубже мысль, тем она может быть девственной самой мелкой мысли*» [6, т. 12, с. 151; курсив наш. — Е.П.]⁶.

То, что совет исходил из собственного опыта (включая анализ объективных и субъективных факторов, препятствующих диалогу с читателем и, напротив, способствующих ему), Гоголь сам подчеркнул в декабрьском письме 1844 г. Аксакову: «Живой пример ему я. Я старше годами, умею более себя обуздывать, а при всем том сколько я натворил глупостей в моих сочинениях, именно стремясь к той полноте, которой во мне самом еще не было, хотя мне и казалось, что я очень уже созрел; и над многими местами в моих сочинениях, которые даже были похвалены одними, другие очень справедливо посмеялись. Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге; а всего смешней в них претензии на то, чего в них, покамест, нет. <...> Это (предостережение. — Е.П.) не совет, а скорее братское увещание человека, уже искушившегося и который хотел бы сколько-нибудь помочь своею собственною бедою, обратив ее не в беду, а в пользу другому» [6, т. 12, с. 405–406]. И для понимания генезиса «Выбранных мест...» важно особо отметить в процитированных выше гоголевских суждениях — заботу о том, чтобы сделать «видной всем» глубокую мысль, и констатацию того, что чем более мысль глубока, тем сложнее задача дать ей понятную всем форму выражения, и того, что автор в большей степени несет ответственность за непонимание читателями публично высказанной мысли, чем читатель (во всяком случае до тех пор, пока последний не становится сам автором публичного высказывания). Причем то, что относится к выражению глубокой мысли, в актуальных для 1842–1843 гг. заботах Гоголя-автора

³ Ср. в письме к С.Т. Аксакову от 18 августа н. ст. 1842 г.: «Вы говорите, что молодое поколение лучше и скорее поймет. Но горе, если бы не было стариков. У молодого слишком много любви к тому, что восхитило его; а где жаркая и сильная любовь, там уже невольное пристрастие» [6, т. 12, с. 92]. И еще: «Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос: почему многие не могут понять “Мертвых душ” с первого раза, оскорбит многих. Мой совет напечатать ее зимою, после двух или трех других критик. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понимающих. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому, в минуты хлопот и мыслей о другом, прослушать замечательное слово» [6, т. 12, с. 93].

⁴ Эту разницу отмечают и исследователи литературно-публицистического наследия славянофилов, а Иван Сергеевич считал это врожденным качеством старшего брата (см. об этом: [7, с. 93]).

⁵ О дискуссии в печати по поводу рецензии К. Аксакова на поэму см.: [3, с. 176–195]; [8, с. 597–599].

⁶ Примечательно, что Сергей Тимофеевич прочитал гоголевские объяснения по поводу стиля рецензии совершенно по-другому — не как заботу о Константине Сергеевиче, а как заботу Гоголя о себе — авторе поэмы: «Гоголь также остался недоволен появлением брошюры Константина, осуждая не столько ее смысл, как то, что она появилась не вовремя, в минуту общего недоумения, поражения, так сказать, произведенного “Мертвыми душами”, когда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонников Гоголя, не знало, что делать: хвалить или бранить? Первого не хотелось делать, на второе не смели вдруг решиться. Брошюра Константина как будто развязала им язык, и скрываемая многими злоба на Гоголя излилась сначала на сочинителя брошюры, а потом и на творца поэмы» [5, с. 78–79].

связывалось с художественным высказыванием, а в его прежнем опыте раскритикованного автора был и более близкий ситуации Константина прецедент — со статьями «Арабесок», которые не только Сенковским, но и Белинским были признаны неудовлетворительными.

Иная подоплека и иная направленность у совета, данного Гоголем Смирновой в письме к ней от 28 декабря 1844 г. Здесь Гоголь обсуждает проблему частной переписки и пишет не о форме, а о содержании высказывания, причем — частного и, следовательно, обращенного к конкретному адресату (в рамках устного или эпистолярного общения). Проблема, по Гоголю, возникает тогда, когда адресация формальна, а на поверку высказывание — ни к кому не обращено, поскольку индивидуальный характер, опыт и проч. личные особенности адресата вовсе не взяты в расчет. Поводом к совету сообразовываться с личностью адресата стала попытка Смирновой убедить Гоголя отказаться от намерения учредить на деньги, вырученные от продажи его сочинений, фонд поддержки нуждающихся талантливых студентов Петербургского и Московского университетов. Гоголь по этому поводу в начале декабря обратился к П.А. Плетневу [6, т. 12, с. 389–391], который, в свою очередь, обратился за советом к Смирновой. Об этом 18 декабря 1844 г. Смирнова и написала Гоголю, изложив общее с Плетневым негативное отношение к такой идее в довольно жесткой, надо сказать, форме⁷, вдобавок упрекнув его в гордыне (см. об этом: [10, с. 423]) и объяснив, — как *надо* поступить с вырученными от продажи издания деньгами, памятуя прежде всего о долге перед матерью и сестрами и о собственном безденежье.

Словом, в процитированном Манном гоголевском письме перед нами не совсем совет. Это скорее ответ на назидание⁸, ответ — в вежливой форме совета учитывать его (Гоголя) опыт, характер и конкретные обстоятельства.

Немаловажен и в этом случае речевой контекст цитаты: «Я ставил на место себя опрометчивого и горячего юношу, способного на то донкишотство,

⁷ Ср., например: «С вашими планами для студентов вы мне напомнили одного фурьериста, который свой капитал растратил для общественного блага, а потом сам с женой и детьми умирал с голоду» [9, с. 143–144].

⁸ Ср. первую эмоциональную реакцию Гоголя на это назидание в начале ответного письма: «...вы взяли даже на себя отвагу перерешить все дело, объявить мне, что я делаю глупость, что делу следует быть вот как и что вы, не спрашивая даже согласия моего, даете ему другой оборот и приступаете по этому поводу к нужным распоряжениям» [6, т. 12, с. 427].

которое вы приписываете мне, и рассматривал эти страницы вашего письма уже не в отношении ко мне, а в отношении ко взятому юноше, но нашел, что они и ему не придутся; они, кроме того, что невольно, они лишены силы сердечного убеждения, в них отсутствие того, что может тронуть душу. Они как будто писаны на воздух, а не направлены собственно к какому-нибудь лицу, которого личность и природу вы видели перед своими глазами, когда писали. Друг мой, если вы будете таким образом убеждать кого-либо, то я не удивлюсь, что слова ваши не будут иметь действия и доброе стремление ваше не достигнет цели. Ради бога, перед тем как будете писать к кому-либо с тем, чтобы подействовать на него и убедить, представьте себе мысленно его всего, его поступки во всех других родах, сообразите все, не уничтожают ли уже в нем находящиеся другие свойства того, что вы в нем предполагаете. А сообразивши все, помолитесь богу, чтобы он <дал> вам слово убеждающее. Взгляните также на самих себя. Имейте для этого на столе духовное зеркало, то есть какую-нибудь книгу <...>» [6, т. 12, с. 442–443; выделено автором. — Е.П.]

Кроме того, в предыстории этого «совета» в рамках переписки со Смирновой 1844 г. — неоднократные обращения Гоголя к ней с тем же, по сути, увещанием и тоже в ответ на ее обращения к нему «невпопад» — только по другим поводам. Например, 14 апреля н. ст. она написала Гоголю о сложном и пугающем окружающих душевном состоянии графа В.А. Перовского, о том, что уныние, в которое он впал, раскаиваясь в прежних грехах и читая и перечитывая Евангелие, но не имея рядом духовного наставника, может привести к суициду, а ее собственные усилия не принесли результата и т.д. [9, с. 601–602]. Следом Смирнова, нуждавшаяся в свое время в подобной поддержке и получившая ее от Гоголя, обратилась к нему с просьбой помочь Перовскому советом и тем спасти его. Примечательны при этом ее разъяснения, превращающие просьбу в требование, к тому же — в форме поручения с подробной инструкцией: «Спасите его. Вам надо сейчас, не медля, помолясь Богу, ему писать. Вы не должны и намекнуть на меня. Начинайте с того, что вы узнали, что Алеше⁹ лучше, и что его гувернер им хвалится в письме к Овербек, и присовокупите, что в воспитании его не надобно упускать религию, именно нашу, из виду; отсюда польется тьма выводов, которые могут на него действовать. Укажите ему на Павского;

⁹ Заболевшему незаконнорожденному, но горячо любимому сыну Перовского.

в таком состоянии души слова много значат. Теперь вспомните и мое слово: когда сбудется, я вам свою мысль открою. Поспешите письмом вашим; он хужеет очень, это меня очень пугает. Как люди слепы, когда говорят, что чудес нет! Жуковскому ни слова об этом, и нежный поклон им обоим» [9, с. 602].

Гоголь ответил (20 апреля н. ст.) объяснением, почему он не является и *не может быть универсальным советчиком и наставником*: «Вы требуете от меня того, что один только святой или, справедливее, сам Бог только может исполнить. Именно вы требуете, чтобы я, не заглянувши прежде моими собственными глазами в душу другого, отвечал бы на все вопросы его души. Вы хотите, чтобы я написал Перовскому письмо, послужившее бы ответом прямо на его душевную тревогу. Я, точно, могу сказать многое полезное душе, но только тогда, когда душа эта будет предо мною открыта вся, до последних и малейших ее изгибов; а без того я, просто, глуп и как в лесу. Иногда сокрытие одного, по-видимому ничтожного, обстоятельства может ввести в заблуждение и все дело может показать в другом виде» [6, т. 12, с. 293]. А после этого объяснил, почему он считает возможным давать советы ей лично: «Вы вспомните, что для этого нужен был почти год приуготовительного занятия, что мы прочли весьма многое, что заставляет обнаруживаться душу; вспомните, что мы еще очень, очень недавно отыскиали язык, на котором можем сколько-нибудь понимать друг друга; вспомните также, что мне нужно было много терпенья, чтобы достигнуть даже того, чтобы стать именно в этих отношениях, в каких мы находимся с вами, потому что вы на всяком шагу противопоставляли мне непрерывные препятствия к тому» [6, т. 12, с. 293].

Эти две выдержки имеют, на наш взгляд, непосредственное отношение к вопросу о жанровом генезисе «Выбранных мест...». Из них мы извлекаем своего рода перечень принципиальных для Гоголя условий, которые побуждают дать совет ближнему или, напротив, делают такую форму сочувствия ближнему неуместной и даже вредной. И заметим: осторожность и избирательность, какую он проявил в провокационных, надо сказать, обстоятельствах, а также его сознательные установки в отношении роли советчика и наставника в душевных затруднениях — явно противоречат устойчивому представлению о возросшей в нем и распространяющейся на всех и вся потребности советовать и поучать. Особо следует выделить при этом важность для него полноты знания о человеке, к кому предстоит обратиться, и обо всех

сопутствующих обстоятельствах и необходимость *взаимопонятно* языка общения, на выработку которого, в его представлении, требуются — общая к тому готовность, общие усилия и длительное время.

Такова, подчеркнем еще раз, была его установка в эпистолярном общении в целом и в отношении советов в частности¹⁰ весной 1844 г. И в конце декабря того года (в ответе на назидания Смирновой) — он подтвердил важность этих условий, подчеркнув еще раз, что даже и в установившемся эпистолярном диалоге определенная продуманность формулировок сохраняет свое значение: «Мы люди свои, мы не должны взвешивать слов своих, когда говорим друг другу; но все-таки *портрет* друг друга мы должны иметь пред глазами, когда мы пишем друг к другу. Иначе слово будет холодно и не всегда впопад» [6, т. 12, с. 443].

По сути, Гоголь настаивал на том, что между письменным и устным приватным высказыванием есть существенная разница и письменная речь лишена того дополнительного ресурса убедительности и/или внятности, который обеспечивается в устной речи эмоционально-душевым сопровождением, с одной стороны (напомним его совет К. Аксакову), и быстрым и уместным реагированием и преодолением тех или иных помех в понимании, с другой. То есть в отношении общего языка и формы высказывания в приватном диалоге, как и в сфере публичного обращения к читателю, важна была для него, кроме прочего, и эта дифференциация.

Подведем некоторые предварительные итоги. Во-первых, способ обеспечить слову (высказыванию) ясность, живость и убедительность, легший, по наблюдению Манна, в основу жанровой формы «Выбранных мест...», относится к двум сферам писательской практики Гоголя и двум уровням (или сторонам) будущей жанровой целостности книги — литературному (публичному) и эпистолярному (частному). Во-вторых, этот способ был эксплицирован Гоголем в обоих случаях из собственного опыта общения — с читателями (в том числе критиками) его произведений и с читателями его писем (в определенной части это были одни и те же лица), и в обоих случаях к концу 1844 г. это был его опыт общения с совершенно конкретными читателями и одновременно опыт выстраивания *диалога*.

Подчеркнем еще раз, что соответствующие усилия Гоголя-писателя, автора поэмы, в подробностях

¹⁰ Письмо Перовскому он все-таки написал, и его основной совет в нем — необходимость довериться священнику.

разобраны Юрием Владимировичем в его книге. В числе прочего это относится к характеру его, Гоголя, восприимчивости к критическим замечаниям¹¹. А в приватной сфере к рождению в конце 1844 г. формулы успешного эпистолярного диалога имеет отношение также опыт письменного общения, точнее — двустороннего эпистолярного выяснения отношений, Гоголя со старшим Аксаковым и с Плетневым.

Известно ревнивое отношение московских и петербургских друзей к Гоголю, но мы о другом — о недоразумениях с личной адресацией и о разного рода препятствиях к взаимопониманию, опыт преодоления которых сыграл свою роль в формировании советов К. Аксакову и Смирновой и тем самым — в выборе «способа» организации будущего литературного высказывания как выборки «из переписки с друзьями».

В самом начале года (2 февраля н. ст.) Гоголь допустил оплошность (как после выяснилось) именно в плане адресации обращения, написав одно письмо (поздравление с Новым годом) трем московским друзьям — С.Т. Аксакову, Погодину и Шевыреву и в этом письме дав один на всех совет — внимательно и неторопливо, в порционном ежедневном режиме прочитать «Подражание Христу» Фомы Кемпийского, извлекая непосредственно относящиеся к актуальным жизненным тревогам подсказки, так сказать, т.е. сопроводить чтение душевной и духовной работой. При этом к Шевыреву сразу, а к Погодину и Аксакову несколькими днями позднее Гоголь написал и личные письма, включающие в разной степени подробный разговор о том же совете. Известно, что Шевырев и Погодин восприняли совет спокойно, а Сергей Тимофеевич — в штыки. Сказалась разница в характерах адресатов, но главное — в сопутствующих обстоятельствах.

Дело в том, что гоголевский совет для Шевырева был ответом на его запрос — и внутренний психологический, и в определенном смысле эпистолярный, о чем можно судить по началу письма к нему Гоголя от 10 февраля¹². В отношениях

¹¹ Ср., например, обобщение о «мотивах неудовольствия автора своим творением»: «Гоголь принимает, усваивает и разбивает ту же критику (С.Т. Аксакова или Белинского. — *Е.П.*) со своих позиций, не отступаясь от основного задания поэмы, но только совершенствуя и уточняя. Позитивное содержание недостаточно приближено к читателю — таков вывод Гоголя» [3, с. 221; выделено автором. — *Е.П.*].

¹² «Благодарю тебя за письмо, за отчеты, а более всего за вести о твоём состоянии душевном. <...> Ты говоришь только, что не знаешь, как уйти в себя и какими силами принудить и заставить себя. Сказать на это я могу только то, что это очень трудно. Я имею право сказать это, как человек, прошедший

с Погодиным к этому времени только-только миновал свою острую фазу кризис (в сентябре 1843 г. Погодиным была восстановлена доброжелательная переписка), и оба прилагали усилия к восстановлению дружбы. А в отношении Аксакова совет был «невпопад». Предыстория этого «недоразумения» тесно связана с двумя другими адресатами, а именно — с коллективными (в том числе — объединенными) эпистолярными усилиями осени 1843 г. по восстановлению дружеских взаимоотношений Погодина и Гоголя, с посредничеством Аксакова и Шевырева и их общей заботой о возвращении и поддержании душевного равновесия Погодина. Письма Погодина и Гоголя, адресованные друг к другу, были посланы через Аксакова, гоголевский ответ (ок. 2 ноября 1843 г. [6, т. 12, с. 226–232]) последним обсуждался с Шевыревым, был признан неуместным своей жесткостью и Погодину не передан, а Аксаков написал об этом общем с Шевыревым решении Гоголю в ноябре-декабре (см. подробно: [11, с. 149–155]). Там же он, помимо прочего, обозначил разницу своих убеждений с гоголевскими в понимании «истинной» и «искренней» дружбы. Коротко говоря, Гоголь видел основу верной дружбы в христианской любви, считая, что в споре друзей оба в чем-то правы, а в чем-то виноваты, а Аксаков — в человеческих качествах, полном доверии и сходстве убеждений («Можно найти причину его действий, извинить, оправдать их; можно уважать, даже любить этого человека; но дружба требует непременно одинаковости верований в некоторые предметы, одинаковости мнений о человеческом достоинстве» [5, с. 127]) и отказывался видеть эту основу дружбы с Погодиным и для себя, и для Гоголя, попутно упрекнув Гоголя в скрытности.

Именно это тревожное недовольство Аксакова им, его письмом к Погодину и самим Погодиным и побудило Гоголя присоединить, так сказать, Сергея Тимофеевича к двум другим московским корреспондентам в общем совете сосредоточиться на себе и успокоиться душеполезным чтением.

Раздражение и даже обиду Аксакова (письмо от 17 апреля ст. ст.) на обращенный ко всем сразу совет Манн и другие биографы трактуют как результат недоразумения — обманутого ожидания Аксакова, по случайности получившего

в борьбе с собой многие годы жизни и лишениями добившийся до этого права. В награду за настойчивость я узнал следующую истину: *уходить в себя мы можем среди всех препятствий и волнений*. Истину я узнал, но пребывать в ней неотлучно самому не нашел средств» (и далее о том средстве, которое всем троим поможет в преодолении «душевных беспоконийств и тревог») [6, т. 12, с. 250; выделено автором. — *Е.П.*].

раньше общего лично к нему адресованное письмо (от 14 февраля) и решившего, что подарком явится поэма [3, с. 218–219]. Но в обсуждаемом нами контексте проступает иная подоплека. Отказ Аксакова принять такой совет и его обида в большой степени были вызваны безличной, безотносительной к его личному душевному опыту и убеждениям (в том числе — в вопросах истинной дружбы) и уравнивающей всех формой совета: «Терпеть не могу нравственных рецептов; ничего похожего на веру в талисманы...» (а гоголевский совет для всех, действительно, по формулировке скорее напоминает рецептуру); «И вдруг вы меня сажаете, как мальчика, за чтение Фомы Кемпийского, *насилно, не зная моих убеждений*, да как еще? в узаконенное время» и т.д. [5, с. 131, 132; курсив наш. — Е.П.]. Гоголь писал в начале Великого поста и пожелал своим адресатам «спокойствия душевного», и Аксаков с исповедальной откровенностью поведал ему об уже ранее достигнутом «спокойствии», пусть и иллюзорном, но достаточном для душевного равновесия, так что испытываемый им теперь за это стыд ничего не может изменить («Итак, уже поздно. Оставим это дело навсегда» [5, с. 132]). Примечательно, что в целом отношение Аксакова к полученному от Гоголя совету можно выразить именно теми словами, в каких Гоголь в конце того года объяснялся со Смирновой: «Ради бога, перед тем как будете писать кому-либо с тем, чтобы подействовать и убедить, представьте себе мысленно его всего, его поступки во всех других родах» и т.д. [6, т. 12, 443]. Гоголь, надо сказать, получив это раздраженное, но искреннее (без снисхождения к себе) письмо, попытался исправить ситуацию письмами от 16 мая, потом от 12 ноября н. ст., после чего получил наконец ответ (от 16 ноября ст. ст.)¹³. А следующим письмом Гоголя к Аксакову стало именно то, где прозвучал совет Константину Сергеевичу, с которого начался наш разговор.

Эта личная оплошность Гоголя со старшим Аксаковым не была единственной причиной трещины в их эпистолярном общении, и позднее не принявшем диалогового в строгом смысле характера. Но отрицательный опыт пришедшихся

¹³ В ответном письме Аксакова, кстати, в числе прочего есть высказывания, предваряющие декабрьское утверждение Гоголя (в письме к Смирновой) о специфических задачах эпистолярного диалога: «На бумаге не то, что на словах: многого не скажешь, да и сказать нельзя»; «Вы, конечно, не подумаете, что ваше письмо было причиной моего долговременного молчания. Совсем нет: конечно, я не отвечал на него немедленно по неудобству переписки такого рода» [5, с. 136].

«невпопад» благих намерений, безусловно, был Гоголем утчен.

Выработанную к декабрю 1844 г. «формулу» успешного диалога (в публичной и частной сферах словесного высказывания) предваряет еще одно эпистолярное выяснение по поводу уместности советов и наставлений, а также условий истинной дружбы в ее эпистолярных формах. В этом случае упрек получил Плетнев от Гоголя, и особо важно для нашей темы то, что речь шла и о писательской деятельности.

Выяснение началось с гоголевского письма Плетневу от 24 октября н. ст. о «целых облаках недоразумений» из-за недоговоренностей и околичностей, как и в истории с московскими друзьями. По сути, Гоголь столкнулся с тем, что сам он как адресат своим корреспондентам (как московским, так и петербургским) непонятен, что его «портрет» в их представлении не соответствует реальности, что этот фантом сформирован отчасти толками и пересудами (включая слухи о «подлости и двуличности» [6, т. 12, с. 355]), отчасти догадками и предположениями, а в какой-то части — внутренними запросами (от пожеланий до требований; см. его рассуждения об этом: [6, т. 12, с. 432–433]). «На все мои запросы я получал одни только намеки, всякий точно боится слово сказать, у всех недосказанности, какие-то странные смягчения и наконец такого рода противоположности и противуречия, что я чуть не потерял совершенно голову» [6, т. 12, с. 354], — написал он Плетневу по поводу косвенных признаков недовольства последнего и призвал его к откровенности в переписке как к основе их будущего диалога: «Почему знать, может быть с этого письма начнутся между нами сношения откровеннее прежних, мы более оценим друг друга и узнаем истинно, что на здешней земле должен сделать друг для друга» [6, т. 12, с. 355].

Ответ Плетнева (от 27 октября с. ст.) был жестким, он известен своей нелицеприятной оценкой человеческих качеств Гоголя¹⁴, и Я.К. Грот, публикуя письмо, даже назвал его «ответедью» [13, с. 34]. Но «портрету» Гоголя — человека и писателя — с перечнем его недостатков отведена только часть письма, которая предварена, кстати, описанием собственной роли Плетнева в литературном процессе. И выражение обиды редактора «Современника», как традиционно толкуется это плетневское письмо, — тоже лишь сегмент

¹⁴ По выражению Плетнева из письма Я.К. Гроту, он «со всею искренностью высказал ему, как он недостойн ни уважения, ни дружбы по характеру его и по пренебрежению первых авторских обязанностей» [12, с. 342].

целого. Меняются по ходу письма и определения своей позиции говорящего Гоголю «правду» (как друг, как не друг именно, а вообще человек и христианин, как отказавшийся от звания друга, но не от готовности помочь человек), но соответствующие ремарки лишь индексируют смену ракурса и предмета разговора. А все письмо целиком по стилю, с точки зрения речевых жанров, является наставлением и даже назиданием, а по структуре высказывания и целевой направленности — напутствием представителя старшего литературного поколения («Дельвига, Гнедича, Пушкина, Жуковского и Крылова»), призывающего Гоголя — «гения-самоучку» в сравнении с Крыловым, Жуковским и Пушкиным — к усилиям встать с ними вровень [13, с. 36].

По сути, Плетнев переключил внимание Гоголя с психологических проблем (множащихся недоразумений в человеческих взаимоотношениях) и житейских («прозаических», по формулировке Гоголя) забот (на то и другое пожаловался ему Гоголь) на сферу его, Гоголя, писательского предназначения, соответственно трактуя и свою роль друга. Обвинил Гоголя в остановке в развитии недюжего природного дара (за «пренебрежение первых авторских обязанностей: изучения тонкости языка в употреблении и расширения в себе идей об искусстве» [12, с. 342]) и в безответственном отношении к писательскому поприщу, Плетнев наметил для него программу роста: «Я не предлагаю тебе никакой перемены в жизни, занятиях и отношениях твоих. Я только желал бы, чтобы ты возвысился до настоящего нравственного чувства, проливающего в сердце свет на обязанности наши к Богу, к людям, отечеству и даже к нашему здесь призванию и принятым уже убеждениям. Ясное созерцание этих предметов само преобразовало бы жизнь твою, теперь только поэтическую, но неполную и несовершенную нашему веку. Ты, не прерывая главных своих, обдуманых уже творений, должен строже определить себе, как надлежит тебе содействовать развитию в человечестве высшего религиозного и морального настроения, распространению в отечестве вечных начал науки и искусства, как довершить в себе недостатки литературные и как поражать все, несогласное с принятыми тобой правилами. Мы живем не при Шекспире, а после Гёте и Шиллера, которые, творя как художники, в то же время боролись с врагами истинных идей и неизменного вкуса. Зачем тебе, пользующемуся репутациею, не вести других по хорошей дороге, указывая на заблуждения судей-самозванцев и торгашей литературных? <...> Не презирай даже того, что в России мелко и жалко. Как Русский,

ты должен на это смотреть глазами врача. Но главное: ты приучись мыслить, излагать и отстаивать идеи, защищать убеждения сердца и укрощать буйное невежество» [13, с. 37].

Глядя на это назидание-напутствие Плетнева ретроспективно — со стороны авторской телеологии и жанровой целостности «Выбранных мест...», можно утверждать, что в нем заложен, по сути, проект авторской стратегии будущей гоголевской книги.

Особое значение этого письма Плетнева в генезисе «Выбранных мест...» отметили уже комментаторы советского академического издания, педалировавшие, разумеется, особую роль в формировании «реакционно-мистических настроений» и «ложного представления о своей писательской миссии» [6, т. 12, с. 660]. Очевидно между тем, что следовать подобным плетневской рекомендациям без объективной внутренней готовности невозможно, и из гоголевской биографии известно, что его духовные поиски и художнические устремления 1840-х годов уже были ориентированы — на «обязанности наши к Богу, к людям, отечеству и даже к нашему здесь призванию и принятым уже убеждениям», как направлял его Плетнев (см. выше). Другое дело, что известные нам соответствующие подробности гоголевской биографии были эксплицированы усилиями И.П. Золотусского, Манна, В.А. Воропаева и др. с опорой на эпистолярное наследие Гоголя, а Плетнев судил по отдельным высказываниям, адресованным ему и/или Смирновой, отчего и упрекал Гоголя в скрытности и недоверчивости¹⁵. Но существенное, на наш взгляд, воздействие плетневское наставление оказало на Гоголя своей уверенностью в необходимом единстве разных ипостасей и в том, что точкой сборки (условно говоря) является художественное творчество: «Это борение (с “врагами истинных идей и неизменного вкуса”. — *Е.П.*) укажет тебе на изыскание способов, как и в себе дополнить недостающее и в других поразить ложное. Из гения-самоучки ты возвысишься, как Гёте, до гения-художника и гения-просветителя» [13, с. 37]. И опять же — оказалось не сообщением того, что Гоголем и без того ощущалось и осознавалось, а уверенным подтверждением, что в этом правда его жизни.

¹⁵ Собственно говоря, в таком же положении фрагментарно осведомленных и этим неудовлетворенных находились в тот период и все друзья-корреспонденты Гоголя за немногим исключением (Смирнова и Языков, например, были сосредоточены на объединяющей их с гоголевскими размышлениями и рассуждениями теме и не испытывали ощущения нехватки понимания).

Ответное письмо Гоголя им самим не датировано, в гоголеведении принята предположительная датировка – не ранее 1 декабря и не позднее 14 декабря, вычисленная В.И. Шенроком [14, с. 519–520, примеч. 4]. Нам важно, что временной промежуток между письмом Плетнева и ответом Гоголя не указывает на сколь-нибудь протяженное обдумывание, что подтверждается и автографом письма. Оно длинное (шесть страниц некрупным почерком) и со множеством поправок, а отдельные синтаксические конструкции не вполне сформированы, то есть писалось оно спонтанно, правилось на ходу и не перечитывалось.

Плетнев в определенном смысле застал Гоголя врасплох. И ответное письмо вольно (в утверждениях) и невольно (неустойчивостью реакции на назидательную часть) зафиксировало промежуточное положение автоконцепции, незавершенность внутренних процессов самопознания и самостроения (о чем много говорится в письме) в плане согласования личного (человеческого), социального (писательского) и художнического (авторского). Сказались также и сознательный отказ от преждевременного выстраивания своего эпистолярного образа, и очевидная сложность задачи выговорить многое о себе корреспонденту, который и знает мало, и доверяет мало¹⁶. Часть упреков Гоголь принял, часть – нет, обозначенную Плетневым цель саморазвития признал истинной и уже для него очевидной («Я слишком хорошо знаю, что я должен это выполнить. <...> Цель, о которой говоришь ты, стоит неизменно передо мною» [6, т. 12, с. 384]), а вот предложенный способ («инструкцию») отвел – как по незнанию отвлеченный: «Ты был довольно проникателен, сказавши, что главная вина моих недостатков мое невежество и невоспитание. Ты это почувствовал, но ты был только несправедлив, указывая мне пути, как избавиться от этого – дело, которое требует слишком большого изучения природы того человека, которому дается инструкция» [6, т. 12, с. 383–384].

По поводу незнания или неполного знания Плетнева у Гоголя еще прежде процитированного заявления возникла чрезвычайно любопытная – «свободная» на тот момент – ассоциация: «...как судить о скрытном человеке, в котором все внутри, которого характер даже не образовался, но который в душе своей еще воспитывается

и которого всякое движение производит только одно недоразумение? Как заключить о таком человеке, основываясь по каким-нибудь ненароком из него высунувшимся свойствам? Не будет ли это значить то же самое, что заключить о книге по нескольким выдернутым из нее фразам, и не по порядку, а из разных мест ее? Конечно, и отдельно взятые фразы могут подать некоторую идею о книге, но разве из них узнаешь, что такое сама книга? Бог знает, иногда в книге они имеют другой смысл, иногда даже противоположный прежнему» [6, т. 12, с. 381–382].

Эта вариация барочной метафоры, уподобляющая целостность и многосложность человеческой личности литературному произведению в жанре книги, самопроизвольно возникла у Гоголя из усилий емко и доходчиво выразить в словах осложненную множеством подробностей свою жизненную и творческую ситуацию. А тяготение к подобному рода сложной организации и целостности проявилось в творческой биографии Гоголя и в циклизации (в разных родах и жанрах), и в особой архитектонике выпущенного в 1842 г. Собрания сочинений (только художественных, заметим), и, наконец, в задуманном продолжении поэмы. И в определенном смысле мы можем считать это уподобление себя книге (причем в рамках целого письма – еще не завершенной книге) – сигналом начала процесса эстетической самообъективации, который выльется в согласованность и взаимосвязь всех ипостасей в образе автора «Выбранных мест...».

Подчеркнем, что мы не видим в этой биографической точке признаков замысла «Переписки с друзьями». И Плетнев в сформулированной программе не подразумевал, разумеется, того, что открывается сейчас ретроспективному взгляду, и Гоголь не замысливал еще предъявить миру свой автопортрет в кругу друзей. Однако знаменательно случившееся перемещение центра тяжести в гоголевском эстетическом тяготении к формированию универсума в художественных высказываниях [15] – с самого высказывания на его автора, чья картина мира и представление о правде жизни объемнее не только того, что выражено одной повестью, эссе, статьей, пьесой или одной частью поэмы, но и того, что предстает в цикле, четырехтомном издании, то есть – на творческую и творящую личность в целом¹⁷. Так что можно

¹⁶ Ср.: «...не стыдно ли тебе сказать мне, что я променял тебя на другого. Скажу тебе на это одну чистую правду, хотя и знаю, что ее не примешь ты за правду, словам моим не верят, как же мне отважиться быть откровенным, если бы я даже был и в силах быть откровенным» [6, т. 12, с. 382].

¹⁷ Соответствующее ощущение несовпадения обогащенного внутреннего душевного и духовного опыта с выраженным прежними сочинениями было осознано Гоголем до получения письма Плетнева, и в ноябре 1844 г., в частности, он писал об этом Смирновой (по поводу Ю.Ф. Самарина,

говорить о некоем предчувствии будущего высказывания в жанре, полноценно отражающем многогранный взгляд автора на мир и обеспечивающем каждой «букве», «слову», «фразе» в этом высказывании свою позицию в архитектонике целого и тем самым — адекватный авторскому представлению о мире в целом смысловой объем. И, заметим, в этом предощущении Гоголя заложено примечательное свойство жанра книги (в его понимании): не авторской только волей определяется итоговый смысл каждого отдельного компонента целостности.

Примечательно, что именно в этом своем ответе Плетневу Гоголь, перейдя от самохарактеристики и признаний к «прозаическим» делам и заботам, и высказал ту идею об учреждении фонда для талантливых нуждающихся студентов, которую потом обсуждал со Смирновой в письме к ней от 28 декабря н. ст. с советом о конкретной адресации высказывания как необходимом условии диалога.

Итак, в конце 1844 г. в сознании Гоголя публичная и приватная сферы письменной речи были разделены, и условие личной адресации высказывания того и другого типа предполагало разную функциональную нагрузку и разную целевую ориентацию (в одном случае стилевую — на достижение внятности и действенности письменной речи в публичном высказывании, в другом содержательную — на уместность и полезность советов в приватном общении), а возможное объединение двух сфер (а значит — и двух типов адресации) эпистолярной речи в творческой практике лишь предчувствовалось (что отразилось в его ответе Плетневу в начале декабря того же года).

* * *

Вернемся к «способу» организации эпистолярной формы «Выбранных мест...», вытекающему из опыта выстраивания Гоголем *диалога*.

Известно, что диалог Гоголя — писателя, критика, преподавателя и мыслителя — с читателем (другом, критиком) был очень важен для него, но практически всегда — затруднен¹⁸. Но и опыт его приватного эпистолярного общения

«который может судить обо мне только предположительно или же по моим сочинениям» [6, т. 12, с. 366]) и А.М. Вильгорской («Вы напрасно ищите в моих сочинениях меня и притом еще в прежних» [6, т. 12, с. 375]).

¹⁸ Ср. наблюдение И.П. Золотусского: «Все его сочинения, как и критики, станут диалогом с читателем, даже тяжбою, весьма похожей на ту, которую безнадежно затеяли два его героя в “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”» [16, с. 165].

в 1843—1844 гг. тоже, как следует из его переписки, был осложнен многими стихийно сформировавшимися условиями, затрудняющими диалог или даже прямо препятствующими ему. Из представленных выше эпизодов извлечем важные, в нашем представлении, для понимания истоков будущего замысла книги и дополняющие известное компоненты гоголевской переписки с упоминаемыми выше давними друзьями: его собственный опыт адресата писем — с советами, требованиями и назиданиями его друзей, его собственную речевую установку на *ответную* реплику и совместное с конкретным корреспондентом (индивидуализированное) движение к «правде» и/или к «истине» (т.е. сократовскую, можно сказать, способность слышать собеседника и отвечать ему, корректируя себя и свои высказывания), настойчивые попытки опираться на общий с адресатом понятийный язык и общую предметно-тематическую заинтересованность, а при этом — множась недоразумения («целые облака недоразумений», по выражению Гоголя) и необходимость объяснять свои мотивы, решения и разъяснять высказывания, т.е. необходимость автокомментирования. Нечто подобное, надо сказать, мы можем увидеть и в экспликации Манном диалога автора «Мертвых душ» с читателем в эти годы, а Гоголь, переписываясь с друзьями, не переставал быть писателем и соответственно воспринимать жизнь.

В этом свете комментарий Манна, конкретизирующий его собственное представление о «способе», не представляется нам верным: «Автор намерен поучать не всех вместе, но вести к желанному идеалу каждого в отдельности. Он педагог и наставник, знающий индивидуальные свойства своих подопечных» [3, с. 239]. Это суждение возвращает нас к традиционному взгляду на замысел книги Гоголя как на реализацию его проповеднических установок (с разной в гоголевском ведении трактовкой и оценкой — как потребность поделить опытом прозрения правды или как удовлетворение личных амбиций), и уточнение Манна, по сути, указывает на то, что в авторском замысле книга была ориентирована на жанр сборника индивидуально адресованных поучений (проповедей) или на жанр «учительных сборников» (С.А. Гончаров). Но представленные эпистолярные материалы этому противоречат, свидетельствуя о *диалогических* истоках и установках замысла, в то время как проповедь (церковная, гражданская или бытовая, с исповедальным компонентом или без) — монологична по определению, транслируя окончательное знание и нивелируя индивидуально-человеческие качества адресата («разную природу» души, «разную

степень ее развития» и «разные струны, ею двигающие», по выражению Гоголя в упоминаемом выше письме Смирновой от 20 апреля н. ст. 1844 г. [6, т. 12, с. 294])¹⁹. И по поводу усматриваемого Манном в авторском замысле намерения «поучать» и «вести» каждого «подопечного» возразим: реальные письма Гоголя, вошедшие в книгу, были репликами в непосредственном живом (наполненном шероховатостями и «недоразумениями») диалоге со своими корреспондентами и, по замыслу автора, отразившемуся в названии книги — «Выбранные места из переписки с друзьями», являются фрагментами его эпистолярного общения (о значении авторского названия в жанровой концепции см.: [17]) и вовсе не сводятся к советам, тем более к поучениям, а представляют еще и мысли, чувства, суждения Гоголя о мире и человеке, об отечестве и служении, о себе и о своем творчестве и проч., словом — наблюдения «пилигрима» (в определенном, принятом гоголеведением смысле) над собой и миром, над «нынешним порядком вещей в России», по его выражению.

И здесь возникает естественный и немаловажный, на наш взгляд, для понимания жанровой специфики в замысле и в реализации вопрос, пока не имеющий ответа. «Способ», легший в основу организации авторской речи в книге, сформировался в процессе эпистолярного общения Гоголя с друзьями, чей круг был существенно шире адресатов, «места из переписки» с которыми он в нее включил. Почему, к примеру, среди них нет А.С. Данилевского, или матери с сестрами, или Плетнева? или одного из Аксаковых? или Погодина? или Н.Н. Шереметьевой? Ведь с каждым из названных (с одними — в солидарном режиме, с другими — в полемическом) в числе прочего обсуждались темы, проблемы и вопросы, ставшие предметами гоголевских рассуждений и высказываний в тех или иных главах (см., например, экспликацию Е.И. Анненковой предшествующего эпистолярного материала главы «Русский помещик» в письмах к родным и к другу детства Данилевскому: [18, с. 31–33]). Любопытно и показательно, кстати, что С.Т. Аксаков, когда по Москве распространился опередивший издание «Выбранных мест...» слух о новой книге Гоголя, первым делом предположил: «Вероятно, там помещено много из его писем к А.О.

(т.е. к Смирновой. — *Е.П.*), к Языкову и ко мне» [5, с. 159; курсив наш. — *Е.П.*].

Ряд вопросов, вытекающих из представленных подробностей гоголевской переписки, относится к феноменологии перемещения им своих эпистолярных высказываний из жизни в литературу.

Е.И. Анненкова (единственный, насколько нам известно, исследователь, привлечший заинтересовавшие нас наблюдения Манна к размышлениям и рассуждениям о «Выбранных местах...») исследовала гоголевские механизмы «преобразования документального текста в структурообразующую форму текста литературного (в котором художественное начало не было основополагающим, но не исключалось)» [18, с. 21] (см. также: [19]). И по ее наблюдениям, личные письма Гоголя, легшие в основу ряда глав создаваемой книги, определили общий стиль и тон специально написанных для нее частей, в которых прослеживается «сохранение личной интонации», поддержание «впечатления текста становящегося, рождающегося чуть ли не на глазах у читателей» и «ощущения живого послания» [18, с. 22].

Но кроме этого, по нашему мнению, важно учитывать ту самую разность функционального плана реальной (эмпирической) речи и ее литературной, обработанной и/или стилизованной, формы. Заметим, в частности, что открытая индивидуальная адресность частного письма, соответствуя единичной и конкретной в предметно-тематическом и понятийном плане ситуации общения, логически противоречит как скрытой в процессе порождения речи адресации публичного обращения или высказывания (совет К. Аксакову), так и открытой форме «прикрепления» публичного письма к поименованному адресату в его социальной роли — писателя, редактора журнала и т.п. (традиционная в отечественном, в частности, литературном процессе жанровая модификация эпистолярная). Реальное письмо, бытуя за пределами литературы и являясь словесной, письменной формой общения, использует соответствующие конкретному случаю речевые жанры и соответствующие этим традиционным жанрам (первичным «жанрово-речевым клише», по М.М. Бахтину) функционально-стилевые особенности. В жизни функциональные стили речи довольно жестко разграничены между пятью типами социально-речевой, эпистолярной, в частности, практики, и официальные письма, например, не терпят фамильярности, личные (разговорные) письменные диалоги, напротив, не терпят

¹⁹ Сомнения и возражения традиционной трактовке возникновения замысла книги из потребности «поделиться назидательными советами с читающей публикой» [1, с. 466] уже высказывались гоголеведами, наблюдающими гоголевскую переписку 1840-х годов; ср., например: [2, с. 21–22].

формализации²⁰ или публицистичности²¹, а также «литературности», тоже выводящей личное и индивидуализированное общение на площадь, условно говоря²². При этом литературный стиль речи и соседствует с другими, и использует их без особых ограничений. Соответствующие навыки владения регуляторными механизмами человеческого общения укоренены в образовании и воспитании и шлифуются жизненным опытом, хотя это не всеми осознается. Однако Гоголь, как мы постарались показать, относился к проблеме уместности высказывания и его прагматике в целом — осознанно и в жизни, и в литературе. Между тем «всеядный», условно говоря, в жизни литературный стиль речи сам, в свою очередь, может быть инкорпорирован в литературное произведение как высказывание, в том числе — наряду со всеми другими. И так оно и есть в «Мертвых душах», например, где представлен весь спектр речевых практик персонажей, и так оно и есть в «Выбранных местах...», централизующую роль в которых играет разнообразно ориентированная и охватывающая максимальный объем жизнедеятельности слова авторская речь.

Отсюда вопрос: каково структурное и прочее соотношение первичных речевых жанров и их литературно опосредованных модификаций в гоголевской книге? Напомним по этому поводу, что уже первые критически настроенные читатели (Н.Ф. Павлов и В.Г. Белинский, в частности) упрекали Гоголя за расплывчатость границ с фигуративной литературой в образах адресатов и автора. Между тем сама эпистолярная форма речи автора, перемещенная в литературу (уже в замысле и/или в его воплощении, или постфактум), к середине 1840-х годов была для читателя делом совершенно традиционным (см. об этом: [17, с. 94]).

К этому вопросу примыкает другой: как повлияло перемещение вместе с реальными письмами их конкретной жанрово-речевой структуры?

Не с такими ли процессами «преображения документа» диалогической направленности связана специфическая и глубокая оригинальность

²⁰ Ср. протест С.Т. Аксакова против «рецепта» Гоголя и гоголевский протест против «инструкции» Плетнева.

²¹ См. о подобном недоразумении в 1846 г. — со Смирновой по поводу адресованного ей, но уже пограничного эмпирической жизни и литературе, писавшегося уже для книги письма о заботах губернаторши: [18, с. 30].

²² В этом плане жанр дружеского письма начала XIX в. предполагал локализацию в дружеском сообществе с общим понятийным арсеналом и, как оказалось в 1840-е годы, в том числе в гоголевской практике, был способен к бытованию совсем не в любом сообществе, считающем себя дружеским.

«Выбранных мест...» как целого произведения? Ведь его компоненты (главы целиком, отдельные положения, конкретные суждения, мотивы) довольно легко проецируются на разнообразные традиционные жанровые формы (личное и открытое письмо, публицистическая статья, литературно-критическое эссе, исповедь, проповедь или поучение, духовное завещание, дружеское наставление, утопия и антиутопия, критика и антикритика и т.д.), перечисляя которые, кстати, мы (сейчас — сознательно) смешиваем первичные и вторичные, по бахтинской терминологии (т.е. из репертуара литературных жанров и жанровых форм).

Например, ставшая одним из камней преткновения для читателей-современников первая глава книги — «Завещание» — претензии вызвала именно своей формальной структурой официального документа (который между тем может интерпретироваться как отсроченное послание наследникам) и упразднением традиционных, но вовсе не узаконенных компонентов — ограниченного числа адресатов и времени обнародования. Вообще в гоголевской книге представлены и все функциональные стили речи, и соответствующие им разные жанровые формы и речевые стратегии (учительная, полемическая, исповедальная, аналитическая и проч.), и с этой точки зрения появление в книге официально-делового сегмента не должно нас удивлять. Другое дело, что включение его в состав книги — не простая инкрустация, а содержание, композиционная роль и место в архитектонике книги выводят значение этого «документа» и его оригинальной литературной авторизации далеко за пределы роли одной из «глав», пусть даже и первой. Так что мы совершенно солидарны с позицией О.Н. Бахтиной, еще в 1999 г. указавшей на значение жанровой традиции «духовного завещания» в творческой истории «Выбранных мест...» [20], но целостность книги и ее принципиальность для Гоголя промежуточный характер в процессе диалога «сочинителя» поэмы с читателем этим не определяется. В числе прочего потому, что этот вектор не доминирует среди других.

Здесь стоит посоветовать на то, что в научных описаниях и рассуждениях о тех или иных жанровых приметах гоголевской книги происходит смешение разнородных определений — терминов, паратерминов и фигуральных выражений, что во многом, на наш взгляд, еще больше запутывает дело. В числе прочего до сих пор (со времен восприятия книги первыми читателями и литературной критикой) в научных работах о книге

расплывчата граница между понятиями, применимыми к эмпирической и к литературной речевой практике.

В вопросе о том, как задумывалась книга и в какую архитектонику высказывания это вылилось, необходимо, на наш взгляд, учитывать тесную, хотя и неодинаковую связность адресации письма в жизни и в литературе с предметно-тематическим выбором (или отбором). Напомним, что обсуждаемые Гоголем проблемы имеют узнаваемую (хотя и разнообразную) предметно-тематическую локализацию: религия, духовные поиски, этика, государственное устройство, сословная иерархия, служба, хозяйственно-экономическая практика и частная жизнь с житейскими заботами, социально-общественные роли – женщины, писателя, поэта, а также литература, живопись, театр, творчество как таковое и т.д.

Для современного гоголеведения, надо сказать, характерно почти единодушное признание безусловной жанровой целостности книги, включая эстетический уровень жанрообразования, логически связываемый исследователями с единым образом автора, какую бы доминирующую концепцию жанра они ни выдвигали. Но этот единый образ автора «Выбранных мест...» представляет синкретическое множество разных эпистасей автора книги (художник, писатель, критик, гражданин, человек, христианин и проч.), что тоже признается исследователями, хотя часто – в форме оговаривания, не влияющего на общую концепцию. На наш взгляд, именно многогранность образа глубокой и разносторонней личности автора затрудняла и затрудняет в большой степени решение вопроса о жанре «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Признавая эту книгу литературным явлением, мы вольно и невольно ищем аналогичные явления в предшествующей литературе и в жанровом отношении проецируем «Выбранные места...» на зафиксированные традицией или прецедентами литературные жанры (точнее – жанровые формы промежуточной литературы), подчеркивая новизну и оригинальность гоголевской модификации. Но не в том ли дело, что книга как целое не преобразовывала те или иные жанровые образцы, а стала результатом порождения такой формы выражения, которая была сообразна цели и наиболее подходила для выражения той самой «глубокой» мысли (точнее – клубка тесно переплетенных между собой глубоких мыслей), о какой Гоголь писал К. Аксакову? И могла ли быть эта цель проще (яснее) и/или однозначнее самой

личности автора – мыслящей, чувствующей, страдающей и творящей?

Такая постановка вопроса, разумеется, не снимает проблемы разных, в том числе литературных (включая духовную прозу), источников воплощения замысла, в котором именно и закладываются осознанно или подспудно жанровые ориентиры литературного высказывания не художественно-фигуративного вида. Но вопрос в том, с каким уровнем текстопорождения мы их соотносим. И если признать верным, что замысел зародился в процессе эмпирической эпистолярной практики (из успешного и неуспешного общения по поводу жизни, отношений, духовно-нравственных и прочих проблем, но также и по поводу восприятия собственного творчества, о чем и повествует книга Манна), то основательную долю задуманного целевого назначения книги следует отнести к заботе Гоголя о том, чтобы у его читателей сформировалось адекватное представление о нем как о человеке, писателе и авторе, а это, в свою очередь, мыслилось им (и история гоголеведения подтверждает в конечном итоге его правоту) как условие адекватного восприятия читателем всей смысловой полноты его художественного творения, т.е. поэмы прежде всего, и его произведений в целом.

В заключение обратим внимание на замечательное название книги Юрия Владимировича: метафорическое определение основной творческой интенции автора «Мертвых душ» («В поисках живой души»), снабженное поясняющим подзаголовком с акцентом на диалоге «сочинителя» с читателем, – применимо к творческим и жизненным устремлениям Гоголя-писателя в существенно более широких границах. Заглавие родилось, как мы думаем, из выражения гоголевского героя второго тома «Мертвых душ» Муразова, который, увещевая Чичикова, сказал: «Подумайте не о мертвых душах, а своей живой душе». А в соотнесении с известным предсмертным обращением Гоголя к современникам – «Будьте живые, а не мертвые души!» – заглавие книги Манна воспринимается не только как установка автора поэмы, но и как сопутствующая творческой биографии этих лет личная интенция Гоголя. И рождение замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями» тоже связано с этим «поиском живой души».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тихонравов Н.С.* Примечания редактора и варианты. «Выбранные места из переписки с друзьями» //

- Сочинения Н.В. Гоголя. 10-е изд. М.: Изд. книжного магазина В. Думнова, под фирмой «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 4. С. 465–547.
2. *Барабаш Ю.Я.* Гоголь. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями». Опыт непредвзятого прочтения). М.: Худ. лит., 1993. 269 с.
 3. *Манн Ю.В.* В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984. 416 с.
 4. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 4. VIII, 978 с.
 5. *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 294 с.
 6. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. <Б.м.>: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
 7. *Анненкова Е.И.* Константин Аксаков. Веселье духа. СПб.: Росток, 2018. 328 с.
 8. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Наука, 2012. 878 с.
 9. А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. Т. 58. № 6. С. 597–610.
 10. *Манн Ю.В.* Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835–1845. М.: РГГУ, 2012. 552 с.
 11. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 8. 629 с.
 12. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: в 3 т. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1896. Т. 2. 704 с.
 13. Письма Плетнева к Гоголю (1844–1851) // Русский Вестник. 1890. Т. 211. № 11. С. 34–68.
 14. Письма Н.В. Гоголя / Под ред. В.И. Шенрока: в 4 т. СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1901. Т. 2. 587 с.
 15. *Янушкевич А.С.* Философия и поэтика гоголевского Всемира // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя / Под ред. М.Н. Виролайнен и А.А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011. С. 33–49.
 16. *Золотуский И.П.* Очная ставка с памятью. М.: Современник, 1983. 288 с.
 17. *Падерина Е.Г.* «Не шумное по названию» произведение Гоголя: «Выбранные места из переписки с друзьями» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 93–98.
 18. *Анненкова Е.И.* От писем к «Выбранным местам...» // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 4. С. 21–37.
 19. *Анненкова Е.И.* Письмо в структуре «Выбранных мест из переписки с друзьями» и эпистолярное наследие Гоголя // Н.В. Гоголь и его творческое наследие: Десятые Юбилейные Гоголевские чтения. М.: Фестпартнер, 2010. С. 45–52.
 20. *Бахтина О.Н.* Жанр духовного завещания в творчестве позднего Гоголя // Гоголь и время. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. Вып. 2. С. 12–23.

REFERENCES

1. Tikhonravov, N.S. *Primechaniia redaktora i varianty. "Vybrannye mesta iz perepiski s друзями"* [Editor's Notes and Options. Selected Places from Correspondence with Friends]. *Sochineniia N.V. Gogolia. 10-e izd. [Works by N.V. Gogol. 10th Edition]. Vol. 4.* Moscow: Bookstore by V. Dumnoy under the firm "Heirs of the Solovyov brothers" Publ., 1889, pp. 465–547. (In Russ.)
2. Barabash, Iu.Ia. *Gogol. Zagadka "Proshchalnoi povesi" ("Vybrannye mesta iz perepiski s друзями"). Opyt nepredvzyatogo prochteniia* [Gogol. The Riddle of the "Farewell Tale" ("Selected Passages from Correspondence with Friends"). An Unbiased Reading Experience]. Moscow: Fiction Publ., 1993. 269 p. (In Russ.)
3. Mann, Iu.V. *V poiskakh zhivoi dushi: "Mertvyie dushi". Pisatel – kritika – chitatel* [In Search of a Living Soul: Dead Souls. Writer – Criticism – Reader]. Moscow: Kniga Publ., 1984. 416 p. (In Russ.)
4. Shenrok, V.I. *Materialy dlia biografii Gogolia* [Materials for the Biography of Gogol]. Vol. 4. Moscow: A.I. Mamontov Publ., 1897, VIII. 978 p. (In Russ.)
5. Aksakov, S.T. *Istoriia moiego znakomstva s Gogolem* [The Story of my Acquaintance with Gogol]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. 294 p. (In Russ.)
6. Gogol, N.V. *Polnoie sobraniie sochinenii: v 14 t.* [Complete Collection of Works: in 14 Vols.] Izd-vo AN SSSR Publ., 1937–1952. (In Russ.)
7. Annenkova, E.I. *Konstantin Aksakov. Vesele dukha* [Konstantin Aksakov. Joy of the Spirit]. St. Petersburg: Rostok Publ., 2018. 328 p. (In Russ.)
8. Gogol, N.V. *Polnoie sobraniie sochinenii i pisem: v 23 t. T. 7. Kn. 2.* [Complete Collection of Works and Letters: in 14 Vols. Vol. 7. Part 2.] Moscow: Nauka Publ., 2012. 878 p. (In Russ.)
9. A.O. Smirnova i N.V. Gogol. *Pisma k Gogoliu Smirnovoi. 1844–1851 gg.* [A.O. Smirnova and N.V. Gogol. Gogol's Letters to Smirnova. 1844–1851]. *Russkaia Starina* [Russian Antiquity]. 1888, Vol. 58, No 6, pp. 597–610. (In Russ.)
10. Mann, Yu.V. *Gogol. Kniga vtoraiia. Na vershine: 1835–1845* [Gogol. Book two. On Top: 1835–1845]. Moscow: RSGU Publ., 2012. 552 p. (In Russ.)
11. Barsukov, N.P. *Zhizn i trudy M.P. Pogodina: v 22 t.* [Life and Works of M.P. Pogodin: in 22 Vols.]. Vol. 8. Moscow: M.M. Stasiulevich Publ., 1894. 629 p. (In Russ.)

12. *Perepiska Ia.K. Grota s P.A. Pletnevym: v 3 t.* [Ya.K. Grot's Correspondence with P.A. Pletnev] St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1896. Vol. 2. 704 p. (In Russ.)
13. *Pisma Pletneva k Gogoliu (1844–1851)* [Pletnev's Letters to Smirnova (1844–1851)]. *Russkii vestnik* [Russian Messenger]. 1890, Vol. 211, No 11, pp. 34–68. (In Russ.)
14. *Pisma N.V. Gogolia* [N.V. Gogol's Letters]. Ed. by V.I. Shenrok: in 4 Vols. St. Petersburg: Izd-vo A.F. Marksa Publ., 1901, Vol. 2. 587 p. (In Russ.)
15. Ianushkevich, A.S. *Filosofiya i poetika gogolevskogo Vsemira* [Philosophy and Poetics of Gogol's World]. *Fenomen Gogolia: Materialy Yubileynoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia N.V. Gogolia* [The Gogol Phenomenon: Proceedings of the Jubilee International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of N.V. Gogol]. Ed. by M.N. Virolaynen, A.A. Karpov. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2011, pp. 33–49. (In Russ.)
16. Zolotusskiy, I.P. *Ochnaia stavka s pamyatiu* [Face to Face with Memory]. Moscow: Sovremennik Publ., 1983. 288 p. (In Russ.)
17. Paderina, E.G. “*Ne shumnoie po nazvaniuu*” proizvedeniie Gogolia: “*Vybrannye mesta iz perepiski s družiami*” [“Not noisy by name” Gogol's work: “Selected passages from correspondence with friends”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. 2022, No 2, pp. 93–98. (In Russ.)
18. Annenkova, E.I. *Ot pisem k “Vybrannym mestam...”* [From Letters to “Selected Places...”]. *N.V. Gogol. Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol. Materials and Research]. Issue 4. Moscow: IWL RAS Publ., 2019, pp. 21–37. (In Russ.)
19. Annenkova, E.I. *Pismo v strukture “Vybrannykh mest iz perepiski s družiami” i epistoliarnoie nasledie Gogolia* [Letter in the Structure of “Selected Places from Correspondence with Friends” and Gogol's Epistolary Legacy]. *N.V. Gogol i ego tvorcheskoe nasledie. Desyatye Yubileynye Gogolevskie chteniia.* [N.V. Gogol and His Creative Heritage. Tenth Anniversary Gogol Readings]. Moscow: Festpartner Publ., 2010, pp. 45–52. (In Russ.)
20. Bakhtina, O.N. *Zhanr dukhovnogo zaveshchaniia v tvorchestve pozdnego Gogolia* [The Genre of Spiritual Testament in the Late Gogol's Works]. *Gogol i vremya* [Gogol and Time]. Issue 2. Tomsk: Tomsk University Publ., 2005, pp. 12–23. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 29 июля 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on November 17, 2023

Revised on December 7, 2023

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020026

Державин и его «Истукан»

© 2024 г. Иоахим Клейн

Доктор филологических наук,
почетный профессор Лейденского университета, Нидерланды,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Резюме. Статья посвящена автобиографической поэзии Державина и, в частности, его стихотворению «Мой истукан». Мраморный бюст, который Державин заказал для себя, является для его лирического субъекта источником надежды и сомнения в самом в себе. Заслуживает ли он в самом деле такую честь, а если заслужил, по каким причинам? Лирический монолог соответственным образом представляет собой ряд резко противоположных настроений (заявления об уверенности в себе чередуются с самокритикой) и является уникальным в русской поэзии XVIII века. Драматизм этого монолога к концу стихотворения снижается, происходит успокоение в духе горацианской мудрости. Стихотворение заслуживает внимание из-за его автоироничного и автокритического характера. Статья завершается экскурсом о претензии Державина на вечную славу.

Благодарность. Автор благодарит Ирину Паперно за помощь в переводе статьи с немецкого на русский язык.

Ключевые слова: автобиографическая поэзия, стихотворение Державина «Мой истукан», самоирония, Гораций, вечная слава.

Для цитирования: Клейн И. Державин и его «Истукан» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 22–30. DOI: 10.31857/S1605788024020026

Derzhavin and his “Marble Bust”

© 2024 Joachim Klein

Doct. Sci. (Philol.),
Professor Emeritus at The University of Leiden, The Netherlands,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Abstract. This paper deals with Derzhavin’s autobiographical poetry as exemplified by his poem “My Bust”. A marble bust which Derzhavin had ordered for himself is a source of hope and self-doubt for his lyrical speaker. Does he actually deserve the honour represented by this sculpture and, if the answer is yes, on which grounds? Accordingly, the lyrical monologue turns into a sequence of sharply contrasting moods of confidence and self-deprecation, which is unique in eighteenth-century Russian poetry. The dramatism of this monologue calms down at the end of the poem in a spirit of Horatian wisdom. The poem is remarkable for its self-critical and self-ironic character. The article closes with a reflection on Derzhavin and his claim of eternal fame.

Acknowledgements. The author thanks Irina Paperno for her help in translating this article.

Key words: autobiographical poetry, Derzhavin’s poem “My Bust”, conflicted monologue, self-irony, Horace, eternal fame.

For citation: Klein, Joachim. *Derzhavin i yego “Istukan”* [Derzhavin and his “Marble Bust”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 22–30. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020026

В поэзии Державина лирический субъект часто не задан жанром, как в одах Ломоносова или в элегиях Сумарокова. Ведь он сам любил выступать в роли лирического субъекта, часто используя темы и мотивы из собственной жизни, благодаря чему его стихотворения приобретали автобиографический характер (см., например: [1, с. XXXIII]; [2, с. 15]). Державин представлял собой при этом не только носителя определенных чувств или мыслей, а также, например, хозяина частного дома, которому не нравится поведение одного соседа [3, т. 1, с. 65–69], или человека, предпринимающего с женой прогулку по озеру царскосельского парка [3, т. 1, с. 301–302]. В стихотворении «Евгению. Жизнь званская» Державин фигурирует как известный всем поэт, который отправляется в свой кабинет, чтобы там заниматься поэзией вместе с Горацием и Пиндаром, а в конце упоминает свои оды «Фелица» и «Бог» [3, т. 2, с. 404–410].

Вместо нормативной ориентации на жанр мы встречаем здесь более свободную ориентацию на собственную жизнь. В результате Державин, или, точнее говоря, тот образ себя, который он создал, является одним из центров его лирического творчества (другой центр — это монарх, адресат его панегирической поэзии). Русский читатель мог теперь узнать, какой поэтический потенциал скрывается в жизни отдельного, частного человека.

Об этом говорят и многочисленные «Объяснения» и «Примечания», которыми Державин комментировал свои стихотворения на старости лет. Это, как и его «Записки», автобиографические тексты. «Записки» относятся к его жизни как государственного деятеля; из «Объяснений» и «Примечаний» узнаем о его жизни как поэта. Державин говорит в них о биографическом фоне своей поэзии, истолковывает тематические подробности и расшифровывает намеки. Державин понял к концу жизни пользу таких комментариев для понимания своих стихотворений, но он также хотел, чтобы они воспринимались как часть его жизни.

В этих автокомментариях поэт часто говорит и о том, каким образом возникали его стихотворения. Мы узнаем, например, о том, что он своим стихотворением «Свобода» 1803 г. отреагировал на увольнение с поста министра юстиции (см.: [3, т. 2, с. 287–288]; «объяснение»: [3, т. 3, с. 603]). Так обстоит дело и со стихотворением «Горелки» 1803 г. об игре, в которой Державин участвовал вместе с двумя внуками Екатерины II в царскосельском парке (см.: [3, т. 1, с. 385–386]; «объяснение»: [3, т. 3, с. 535]).

Он как поэт превратил эту игру в дидактическую аллгорию о пользе благородного соревнования.

Последний пример показывает нам, как следует понимать стихотворения Державина, которые возникли тем или другим образом: это не «отражения» каких-то личных событий. Эти стихотворения являются, напротив, свободными произведениями искусства, созданными поэтом в определенной ситуации своей жизни. Это «окказиональные» стихотворения, которые сочинялись не по официальному поводу, как его панегирические оды, а по личным жизненным переживаниям и ситуациям. Вместе с Гёте можно сказать: такие стихотворения Державина «не взяты из воздуха» — “sind nicht aus der Luft gegriffen”, а имеют под собой свою солидную почву в действительности его же жизни¹. Своими «Объяснениями» и «Примечаниями» Державин стремился внушить своим читателям мысль о «реальном», т.е. автобиографическом характере своей поэзии.

Однако Державин говорит в этих комментариях не только о возникновении своих стихотворений. Мы также узнаем, для кого он их сочинял. Дело в том, что они были назначены иногда не только для его читателей, а для самого себя (что, правда, не мешало ему публиковать их). Это бывало, когда Державин пытался от неприятных событий своей жизни дистанцироваться сочинением стихотворений. Возьмем, например, его стихотворение «Помощь Божия» (1793), парафразу 120 псалма [3, т. 1, с. 387–388]. На первый взгляд, это только более или менее удачный перевод библейского текста. Однако мы читаем в одном из «Примечаний» Державина, что он написал это стихотворение «себе в утешение», когда ожидал в Москве исхода процесса, который был затеян против него (см.: [6, с. 112]; в «Объяснениях» он напоминает другой, однако такой же неприятный повод [3, т. 3, с. 479]). Как мы увидим в дальнейшем, аналогично дело обстояло и со стихотворением «Мой истукан» (1794) [3, т. 1, с. 421–428] (далее его текст цитируется по этому изданию).

Три бюста

Предыстория стихотворения «Мой истукан» несколько сложнее. В последних десятилетиях

¹ См. разговор Гёте с Эккерманом 18 сентября 1823 г.: «Мир — так велик и жизнь так разнообразна, что никогда не будет нехватки поводов для стихотворений. Однако нужно, чтобы это были окказиональные стихотворения, т.е. действительность должна давать им повод и содержание». Выше читаем: «Настоящее время имеет свои права; те мысли и чувства, которые она каждый день навязывает поэту, должны быть высказаны» [4, без пагинации]. О попытке Гёте реабилитировать старомодную окказиональную поэзию см.: [5].

XVIII в. стало модным среди придворных вельмож увековечить себя портретным бюстом [7, с. 246–250]. Державин, который сам уже принадлежал к этой элите, не хотел отстать от других. Думая при этом, правда, не только о себе, но также и о супруге, он заказал два бюста у французского скульптора Рашета из Императорской академии искусств [8, с. 90]. Однако этот второй бюст (изображение супруги) упоминается только в конце стихотворения. Остальной текст посвящен бюсту Державина: «Готов кумир, желанный мною! / Рашет его изобразил: / Он хитрою своей рукою / Меня и в камне оживил» (строфа 1).

Однако к предыстории этого стихотворения принадлежит еще один бюст — бюст Ломоносова, созданный через много лет после его смерти русским скульптором Ф.И. Шубиным. Екатерина II заказала этот бюст для своей коллекции скульптур в Камероновой галерее у Царскосельского дворца [9, с. 35]. Это было в 1793 г., то есть около года до того, как Державин получил свой бюст. Среди античных императоров, полководцев, поэтов и философов в Камероновой галерее Ломоносов был одним из трех представителей нового времени и единственным русским [9, с. 10–37].

Бюст Ломоносова не упоминается в нашем стихотворении, зато фигурирует Камеронова галерея, как мы еще увидим. Но в одном «Объяснении» речь идет и о бюсте Ломоносова. Державин говорит здесь о себе в третьем лице (как позднее и в своих автобиографических «Записках»): «В Царском Селе была колоннада, уставленная полукумирами, или бюстами славных людей, между коими был и Ломоносов; то и автор со временем думал иметь на то право» [3, т. 3, с. 530]².

Оказывается, кроме получения своего бюста у Державина был еще один повод для сочинения стихотворения «Мой истукан». Это было чувство обиды, которое возникло у него от того, что Екатерина II дала место в Камероновой галерее только Ломоносову, а не ему. Державин мог объяснить себе это тем, что его отношения с императрицей ухудшились в это время (см. его «Записки» [3, т. 6, с. 622–625] и [10, с. 410–412]). Но, как бы то ни было, он при этом не учитывал, что Ломоносов получил свое место в Камероновой галерее только после смерти, а посвящение Державину бюста при жизни вызвало бы протесты других вельмож.

² Державин прибегает здесь к прошедшему времени, поскольку, когда он писал свое «Объяснение», Павел I уже приказал удалить эти бюсты из галереи [3, т. 3, с. 520].

Был еще один момент, который Державин не принял в расчет. Несмотря на две оды, которые Ломоносов посвятил императрице в 1762 и 1763 гг., он был, как кажется, для нее в первую очередь не поэтом, а ученым. Это видно по обстоятельствам ее визита к нему 7 июня 1764 г.: при этом визите речь шла не о поэзии Ломоносова, а о его мозаиках, о физике и химии, хотя в конце этого визита он вручил императрице одно хвалебное стихотворение [11, с. 406]. Что же касается самой Екатерины II, она считала себя, как известно, писательницей, но стихов не сочиняла, интересуясь ими только, когда они были написаны в ее честь (как правильно отмечает В.Ф. Ходасевич [12, с. 105]). Поэтому ей просто не пришло в голову включить бюст Державина-поэта в свою галерею. Не настало еще то время, когда воздвигались памятники русским поэтам.

Как мы еще увидим, второй повод для возникновения нашего стихотворения, т.е. чувство обиды, повлиял на его содержание, но не напрямую. Дело в том, что Державин преодолел эту обиду, создавая свое стихотворение совсем в другом духе. Главной его темой является не конкуренция с Ломоносовым, уж не говоря о зависти, а нравственный самоанализ.

Неуверенность в себе

Стихотворение «Мой истукан» состоит из 24 одических строф. В первой строфе лирический субъект радуется завершению своего бюста. Однако он сразу задает себе вопрос, какими достижениями он заслужил этот бюст и имеет ли он право на ту бессмертную славу, которую бюст символизирует:

Готов кумир! — и будет чтиться
Искусство Праксителя в нем.
Но мне какую честью чтиться
В бессмертном истукане сем?
Без славных дел, гремящих в мире,
Ничто и царь в своем кумире.

После этой вводной строфы начинается первая часть нашего стихотворения (строфы 2–10). Лирический субъект несколько меняет здесь свою тему, говоря о таких отвлеченных предметах, как ложная и истинная слава, и выражает свою уверенность в том, что последнюю можно приобрести только добрыми поступками. Во второй части (строфы 11–24) он возвращается к теме первой строфы — вновь выражает сомнение в себе и в своих заслугах. «Мой истукан» отличается этим как нельзя более резко от стихотворения «Памятник», опубликованного Державиным в следующем, 1795 году (см. примеч. В.А. Западова: [13, с. 417]). И там речь идет о личной славе, но

с противоположной точки зрения: лирический субъект «Памятника» поражает читателя своей непоколебимой уверенностью в себе, безоговорочно претендуя на вечную славу.

Не так в стихотворении «Мой истукан». Личная слава является здесь источником тяжелого морального беспокойства лирического субъекта. Поэтому его монолог представляет собой во второй части стихотворения уже не спокойное размышление, а контрастный ряд резко меняющихся точек зрения, настроений и тональностей, исполненных драматизма, для которого в русской лирике XVIII века нет precedентов. Этот монолог также отличается театральностью; не трудно представить себе лирического субъекта на сцене: перед нами жестикулирующий человек, который эффектно выражает свои чувства риторическими вопросами, экскламациями и обращениями к себе и к отсутствующим. Стилиевой диапазон этого монолога широк, охватывая грубовато разговорные и пафосно возвышенные выражения.

Вторая часть монолога начинается в 11-й строфе тем, что лирический субъект сравнивает себя с великими мужами российской истории, которых он перечислил в предыдущей 10-й строфе (среди них на первом месте Петр Великий), и приходит к смиренному выводу, что ведет «безвестну жизнь», и поэтому не может «быть... на ряду» с такими героями. Он обосновывает этот диагноз в 11-й строфе перечислением тех подвигов, которые были совершены, как он повторяет несколько раз, не им, а названными выше полубогами. В 12-й строфе его печальное настроение достигает надира глумлением над самим собой:

Увы! — Почто ж сему болвану
На свете место занимать?
Дурную, лысу обезьяну³
На смех ли детям представлять,
Чтоб видели меня потомки
Под паутиною в пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли? —
Нет! лучше быть от всех забвенным,
Чем брошенным и ввек презренным.

Изначальная радость лирического субъекта по поводу своего бюста превратилась теперь в презрение к самому себе, которое побуждает его велеть скульптору уничтожить бюст: «Разбей же, мой второй создатель, / Разбей мой истукан,

³ Бюст действительно изображает лысого Державина, который в других случаях предпочитал, чтобы его отображали с головным убором, как, например, на портрете Сальваторе Тончи. См.: derzhavin-site.narod.ru/ikonograf.htm («Прижизненная иконография Гаврилы Романовича Державина»).

Рашет!» (строфа 13). Однако затем происходит еще одна смена настроения: Рашет должен остановиться, поскольку лирический субъект вспомнил некоторые свои заслуги, которыми можно было бы оправдать создание бюста, но тут же сводит эту скромную гордость на нет, называя свои заслуги «безделками», прежде чем в следующей, 14-й строфе перечислить их. При этом он выступает как усердный и человеколюбивый слушатель отечеству, который «...с пленных снял железы, / Закон и правду сохранил, / Отер сиротски, вдовьи слезы, / Невинных оправдатель был...»⁴.

Вернувшись в следующей, 15-й, строфе к самокритике, лирический субъект испытывает нравственную необходимость осудить всякое честолюбие, а тем самым и самого себя. Ведь мы узнали уже в первой строфе, что он сам заказал свой бюст: «Готов кумир, желанный мною!» И в 15-й строфе мы читаем, что «все знаки чести», которые мы уделяем самим себе, являются «плодами тщеславия и лести», что относится также к монархам. Только «низкая душа» стремится к похвалам и награждениям. Строфа завершается афоризмами, которые сводятся к тому, что настоящей славы не бывает при жизни героя: «По смерти слава хороша; / Заслуги в гробе созревают, / Герои в вечности сияют».

После этой высоконравственной проповеди происходит новая смена настроения (в строфе 16). Лирический субъект теперь уже выступает не как государственный деятель, а как поэт. В этой роли он выдвигает для себя одну особенную заслугу, которая, правда, также не может, как ему кажется, оправдать создание бюста. Он дает нам здесь тем не менее понять, что его поэтическая заслуга выше его гражданских заслуг. Ведь он как поэт обладал способностью «чтить достоинства», т.е. достоинства Екатерины II, которые он так успешно восхвалял в своей оде «Фелица» 1782 г. Лирический субъект при этом снова превозносит императрицу как «небесну благодать во плоти» и гордится тем, что воспел «Россов ту царицу, / Какой другой нам не найти / Ни днесь, ни впродь в пространстве мира...».

Лирический субъект восхваляет здесь не только Екатерину II, но и свою лиру, которой он воспел ее, а следовательно, и самого себя: «Хвались, моя, хвались тем, лира!» (строфа 16). Его удрученность превратилась теперь в эйфорию, которая продолжается в следующей строфе.

⁴ В «Объяснениях» Державин указывает на автобиографические основания этого перечня заслуг [3, т. 3, с. 530]; см. также в «Примечаниях»: [8, с. 90–91].

Персонафицированная лира должна вознести его бюст в «храм славы», в «прекрасную колоннаду» императрицы, то есть в Камеронову галерею. Какое-то смирение дает себя заметить и здесь: речь идет уже не о каменном, т.е. мраморном, как в первой строфе, а о «скудельном» бюсте. Лирический субъект особенно гордится тем, что ода «Фелица» была «приятной» императрице, «кропя» ее глаза «тихой некогда слезой» (строфа 17).

Это ликование продолжается до 19-й строфы, где снова происходит смена настроения. Радостная речь звучит еще в начале этой строфы, но прерывается потом строгим обращением лирического субъекта к самому себе:

Прострется облак благовонный,
Коврами вокруг меня цветы...
Постой, пиит, восторга полный!
Высоко залетел уж ты...

Чрезмерная радость сменяется трезвостью: лирического субъекта беспокоят теперь сомнения в постоянстве не только собственной, но и всякой славы. Ведь он знает, что даже «Омиры» «валялись в пыли»⁵ и что «потомство грозный судия».

В начале следующей (20-й) строфы лирический субъект считает вполне возможным, что его как панегириста будут называть «льстецом»⁶. Он поэтому предвидит печальную судьбу для своего бюста. В одной наглядно воображаемой сцене, происходящей в Камероновой галерее, его бюст, может быть, «слетит» «...через решетки золотые» и «...рассмешит весь мир, / Стуча с крыльца, ступень с ступени, / И скатится в древесны тени».

Горацианская мудрость

Завиден тот лишь состояньем,
Кто среднюю стезей идет...
(«На умеренность», 1792 [3, т. 1, с. 349–352])

Рашет должен теперь снова разбить бюст, и ему снова велят остановиться. Вновь проснулась гордость. Но в этот раз это уже не скромная гордость, ведь Державин дает нам понять, что он — самый крупный русский поэт своего времени. Будет иметь право разбить его бюст только тот, «...кто с большим дарованьем / Мог добродетель прославлять, / С усерднейшим, чем я стараньем / Желать добра и исполнять...» (строфа 21).

⁵ Может быть, Державин вспоминает здесь критику Гомера в ходе французского «спора древних и новых», который был хорошо известен в России XVIII века (см. [14]).

⁶ Об обвинении Державина в лести см. в его «Примечаниях» к стихотворению «Видение Мурзы» (1783): [6, с. 115].

Лирический субъект, который мечтает не только о своей славе, но также об «отечества блаженстве», поднимается теперь до патриотического предвидения будущего: «Дай больше Небо таковых [как меня], / Российской силы к совершенству, / Сынов ей верных и прямых!» (строфа 22). Далее он предвидит, что в этом прекрасном будущем будут реализованы все свыше санкционированные претензии Российской империи на внешнеполитические цели: «Определения судьбины / Тогда исполнятся во всем: / Доступим мира мы середины [т.е. покорим Константинополь], / С Гангеса злато соберем, / Гордыню усмирим Китая, / Как кедр наш корень утверждая». Это предвидение продолжается в следующей, 23-й строфе, которая начинается с обращения к Рашету:

Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца
Живой струей испустят искры
И в внучатах возжут сердца.
Смотря на образ Марафона,
Зальется Фемистокл слезой;
Отдаст Арману Петр полтрона,
Чтоб править научил другой;
В их урнах фениксы взродятся
И вслед их славы воскрылятся.

Восторженный тон сочетается здесь с туманностью содержания. Кто, например, скрывается за «Фемистоклом»? Ясно только, что это какой-то будущий, по всей вероятности, русский герой, который радуется какой-то победе над врагами отечества. «Объяснение» Державина не помогает нам в этом отношении, но зато сообщает нам, кто такой названный в этой строфе «Арман»: «Когда Петр I был в Париже и увидел бюст [кардинала] Армана Ришелье, то, обняв его, сказал, может быть во угождение французам: “Великий муж; ежели бы ты был у меня, то я отдал бы тебе половину царства чтоб ты научил бы меня править другой”». Державин тут счел уместным добавить: «Насмешники сказали: “Тогда бы он отнял у тебя и другую”» [3, т. 3, с. 531].

Мы теперь понимаем, что лирический субъект имеет в виду те бессвязные мысли, которые он выразил в процитированной 32-й строфе: здесь он так же высоко «залетел», как в 19-й строфе, где это было мотивировано «восторгом». То же самое относится к его предвидению будущих триумфов имперской политики в предыдущей строфе⁷.

⁷ Как явствует из соответствующего «Объяснения», политическое предвидение лирического субъекта соответствует высказыванию стареющей Екатерины II: «Императрица один раз высказала в своем восторге, что она не умрет прежде, покуда не выгонит из Европы Турков, т.е. не достигнет мира середины, не учредит торгога с Индией, или с Гангеса злата не соберет, и гордыню не усмирят Китая» [3, т. 3, с. 530–531].

На этом фоне последняя – 24-я – строфа производит своим разумным и умеренным характером впечатление иронического контраста (мы уже заметили – в связи с образом «дурной, лысой обезьяны» в 12-й строфе – склонность Державина насмешливо относиться к самому себе: в русской поэзии XVIII века и это было редкое явление). Теперь наступила новая – и последняя – смена настроения. Лирический субъект обращается к жизненной мудрости Горация⁸, а в особенности к той «средней стезе», которая нам известна из процитированного выше стихотворения Державина «На умеренность». Это стихотворение является частичным переводом оды Горация “*Rectius vives, Licini...*” (книга II, ода 10) (см. комментарий Грота: [3, т. 1, 352]), где «средняя стезя» находит свой эквивалент в пословичной формуле второй строфы: “*aurea... mediocritas*” [17] – «золотая середина».

Этому идеалу лирический субъект следует в последней строфе стихотворения «Мой истукан». После крайнего душевного беспокойства он нашел наконец «золотую середину» между крайностями восторга и удрученности. Отказавшись от честолюбивого желания получить место для своего бюста в Камероновой галерее, он сейчас обращается спокойным голосом к «любезной супруге». Он просит ее принести его бюст «для себя, родни и друга» в ее скромную – «серпаную» – комнату и поставить там «пред зеркалом» рядом с ее бюстом. Это должно быть «знаком» того, что «...слава, счастье нам прямое – / Жить с нашей совестью в покое».

Как видим, значение державинского бюста изменилось. То же самое относится к понятию «славы»: Слава теперь уже не представляет собой предмет амбициозного стремления, а приближается к понятию личного счастья и к эпикурейскому идеалу Горация – идеалу душевного спокойствия: *tranquillitas animi*.

Кажется, Державин употребляет здесь слово «восторг», несколько дистанцируясь от сказанного, как и его лирический субъект в 19-й строфе нашего стихотворения (критическая установка Державина по отношению к внешней политике Екатерины II объясняет, что стихотворение «Мой истукан» смогло выйти из печати только в 1798 г., после ее смерти; о датировке см. «Объяснение» [3, т. 3, с. 528]). Политические сомнения Державина подтверждаются замечанием в его «Записках» о слишком честолюбивых целях Екатерины II. Он там говорит о ней, что она была в последние годы своего царствования «упоена» «славою своих побед» и «уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скиптру своему новым царств» [3, т. 6, с. 670]. Возможно, впрочем, что это относится только к Персидской кампании, которую императрица затеяла в последний год своей жизни (1796), и которая была прекращена ее сыном и наследником Павлом I.

⁸ На тему «Державин и Гораций» см. прежде всего [15] и [16, с. 70–86].

Экскурс: Державин и его слава

В поэзии Державина тема славы играет значительную, но не всегда положительную роль. Одно из его стихотворений имеет заглавие «На тщету земной славы» (1796) и говорит об истинном бессмертии, которое возможно только в том мире [3, т. 1, с. 495–496]. В 19-й строфе стихотворения «Мой истукан» выражаются и секулярные сомнения в славе, в том числе и литературной, поскольку забвение грозит даже «Омирам».

Однако такие сомнения не мешали Державину сочинить кроме стихотворения «Мой истукан» еще такие стихотворения, как «Памятник» (1795) и «Лебедь» (1804). В стихотворении «Мой истукан» лирический субъект сомневается в своей славе, а в других двух он претендует на нее с непоколебимой уверенностью в себе. В стихотворении «Мой истукан» он обосновывает свою надежду на славу своей одой «Фелица», называя на втором месте оду «Бог». На «Фелицу» он ссылается также в «Памятнике»: «...первый я дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить...» [3, т. 1, с. 534].

При всем этом нельзя не заметить, что в этих двух стихотворениях Державина речь идет о славе не первого, а второго порядка: слава поэта подчинена высшей славе императрицы; это слава панегириста, придворного поэта. Подчиненность собственной славы выражается у Державина и прямо. В конце стихотворения «Видение Мурзы» (1783) лирический субъект уверяет, обращаясь к Екатерине II: «Превознесу тебя, прославлю, / Тобой бессмертен буду сам» [3, т. 1, с. 106–111]. И в конце дедикационного стихотворения «Приношение монархине» (1795) лирический субъект говорит: «Под именем твоим она [= моя лира] громка пребудет; / Ты славою – твоим я эхом буду жить» [3, т. 1, с. 491–492; выделение автора]. В обоих случаях Державин видит себя как панегириста императрицы. Это соответствует пониманию поэзии, которое было в екатерининской России не менее в ходу, чем во Франции Людовика XIV (о последнем см.: [18]).

«Памятник» Державина был, как известно, подражанием оде Горация “*Exegi monumentum...*” (книга III, ода 30). Однако у Горация мы встречаем концепцию личной славы, которая фундаментально отличается от представления Державина. Правда, и Гораций гордится тем, что он был «первым» в определенном отношении. Однако это первенство относится не к похвале властителю. Несмотря на то что Гораций иногда и выступал панегиристом, его лирический субъект гордится в данном стихотворении чисто литературным достижением, т.е. тем, что «первым» ввел в латинскую поэзию эольский стих:

“...Principes Aeolium carmen at Italos / deduxisse modos” [17, Bd. 1, S. 176].

В этой связи стоит посмотреть и на пушкинскую разновидность этой оды (см. прежде всего: [19, S. 193–194]). Создавая ее, Пушкин опирался на державинскую версию (см. комментарий Грота: [3, т. 1, с. 535]). Однако эпиграф пушкинского стихотворения – “Eхegi monumentum” – относится не к Державину, а к Горацию. И у Пушкина не говорится ни о похвале властителем, ни о второстепенности собственной славы. Ведь его лирический субъект провозглашает уже в самом начале стихотворения: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный, / <...> / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа» [20, т. 3, с. 340].

У Пушкина слава поэта не ниже, а выше царской славы; вместо того чтобы хвалить монарха, лирический субъект Пушкина хвалит самого себя. Это было скандальным отказом от культа царя, который должен был теперь уступить место романтическому культу поэта. Кроме того, Пушкин здесь сводит на нет традиционное представление о том, что главная задача поэта состоит в похвале властителем и героям⁹.

Но как обстоит дело со стихотворением Державина «Лебедь» (1804) (см. о нем: [24])? Как в державинском «Памятнике» и как у Горация, мы встречаем здесь мотив огромного географического пространства, наполненного славой поэта (строфа 7). Однако Державин обосновывает эту славу здесь не так, как в других его стихотворениях. В стихотворении «Лебедь» речь уже не идет о славе Екатерины II, умершей восемь лет тому назад (в 1796). И в 1804 г. Державин еще не принадлежал к обожателям Александра I, ее внука и преемника на троне; это изменилось только после русской победы над Наполеоном. Ода Державина на возвращение победоносного царя в 1814 г. завершается следующими, не новыми для нас словами: «Меня народы не забудут: / Хвалы мои ему [= Александру I] век будут / Моря и горы повторять» [3, т. 3, с. 163–169].

⁹ См. об этом: [21, S. 141]; [22, S. 52–60, 111–112]. Эта концепция, которая восходит к античности, встречается также у Ломоносова в его переводе седьмой строфы Горация “Ne forte credas...” (книга IV, ода 9); см. его «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» [23, т. 7, с. 467–472, здесь 471]. Мы читаем подобное и в его панегирическом слове в честь Елизаветы Петровны 1759 г. Здесь задача не только историков, но и поэтов заключается в том, чтобы «исторгать» «прехвальные дела великих Государей из мрачных челюстей едка древности» [23, т. 8, с. 213–229, здесь 226]. Эта доктрина повторяется и у молодого Державина в его неоконченной «эпистоле» о пугачевском восстании [3, т. 3, с. 238–245, здесь ст. 109–113].

Своеобразие оды «Лебедь», возникшей за десять лет до того, состоит в том, что Державин смотрит на свою славу здесь не как на отблеск царской славы. Это видно по 6-й строфе. Превращенный в горацева лебедя, лирический субъект парит высоко над землей, гордясь уже не одой «Фелица», а одой «Бог»:

Лечу, парю, — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать Богу песнь.
[3, т. 3, с. 315]

Как видим, в стихотворении «Лебедь» слава лирического субъекта освобождена от своего второстепенного статуса, получив характер самостоятельной ценности. Но в поэзии Державина это было исключением, и вопрос о его славе этим еще не исчерпан. Вспомним, что в стихотворении «Мой истукан» лирический субъект говорит не только о своих поэтических, но также о своих служебных заслугах, хотя только на втором месте, не приписывая этим «безделкам» особенной ценности. Дело обстоит иначе в 9-й строфе «Лебедя», где обожающие поэта читатели восклицают: «Вот тот летит, что, строя лиру, / Языком сердца говорил / И, проповедуя мир миру, / Себя всех счастьем веселил». Здесь, правда, говорится и о поэтических заслугах, однако на том же уровне, как о государственной службе. При этом фраза «проповедуя мир миру» несколько неожиданна. Из соответствующего «Объяснения» явствует, что речь идет здесь не о пацифизме, а об одном административном деле — о проекте третейского суда, безуспешно предлагавшегося Державиным в качестве министра юстиции (см.: [3, т. 3, с. 593]; о его деятельности как третейского судьи см.: [10, с. 475–478]).

Как мы видим, лирический субъект Державина выступает в стихотворении «Лебедь» в двух ролях — поэта и государственного деятеля. Так обстоит дело и в стихотворении «Мой истукан». Различие заключается в том, что эти роли обладают здесь одинаковой значимостью. Несмотря на все мечтания о поэтической славе, это полностью соответствует представлению поэта о себе и о своей служебной деятельности (эта двойная роль находит особенное яркое выражение в державинском стихотворении «К Меркурию», 1794). Ведь он был очень прилежным и энергичным государственным деятелем. Административная деятельность, которую он понимал как борьбу против взяточничества, за справедливость и защиту слабых (см., например: [12, с. 123]), имела для него такое же значение, как его поэтическое творчество, даже если он на службе не мог надеяться на громкую славу. Трудности возникали только тогда, когда ему не хватало времени

для поэзии (см.: [26]). Мы теперь понимаем, что его «Записки», с одной стороны, и его «Объяснения» и «Примечания» — с другой, носят взаимодополняющий характер: они относятся к двум равноценным сторонам его жизненной деятельности (см.: [27]). Как пишет В.Ф. Ходасевич в своей биографии Державина, «...поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига» [12, с. 100].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуковский Г.А.* Г.Р. Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1947. С. V–LVI. (Б-ка поэта, малая серия).
2. *Зорин А.Л.* Глагол времен: Издания Г.Р. Державина и русские читатели // Свой подвиг свершив: О судьбе произведений Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского. М.: Книга, 1987. С. 5–154.
3. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примеч. Я.К. Грота. 2-е акад. изд. Т. 1–7. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868–1878.
4. *Eckermann J.P.* Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Jena: Insel Verlag, 1908.
5. *Segebrecht W.* Gelegenheitsgedicht // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1997. Bd. 1. S. 688–691.
6. *Кононко Е.Н.* Примечания на сочинения Державина (продолжение) // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 1 (23). С. 81–93.
7. *Ильина Т.В.* Русское искусство XVIII века. М.: Высшая школа 1999. 398 с.
8. *Кононко Е. Н.* Примечания на сочинения Державина // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 107–116.
9. *Воронов М.Г., Ходасевич Г.Д.* Архитектурный ансамбль Камерона в Пушкине. Л.: Лениздат, 1982. 106 с.
10. *Грот Я.К.* Жизнь Державина [1883]. М.: Алгоритм, 1997. 685 с.
11. Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова / Составители В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 436 с.
12. *Ходасевич В.Ф.* Державин [1931]. М.: Книга, 1988. 326 с.
13. *Державин Г.Р.* Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого; примеч. В.А. Западава. Л.: Сов. писатель, 1957. 549 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е).
14. *Rosenberg K.* The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia // Russia and the West in the Eighteenth Century / Ed.: A. Cross. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1983. P. 196–205.

15. *Пинчук А.Л.* Гораций в творчестве Г.Р. Державина // Учен. зап. Томского гос. ун-та. 1955. Т. 24. С. 71–86.
16. *Busch W.* Horaz in Russland. Studien und Materialien. München: Eidos Verlag, 1964. 270 S.
17. *Horaz.* Sämtliche Werke. Lateinisch und Deutsch. Übersetzt von Hans Färber. München: Heimeran Verlag, 1957. Bd. 1–2.
18. *Burke P.* The Fabrication of Louis XIV. New Haven; L.: Yale University Press, 1992. 242 p.
19. *Keil R.-D.* Zur Deutung von Puškins "Pamjatnik" // Die Welt der Slaven. 1961. Bd. 6. S. 174–220.
20. *Пушкин А.С.* Полн. собр. сочинений: В 10 т. Изд. 4-е. Л.: Наука. 1977–1979.
21. *Burckhard J.* Die Kultur der Renaissance in Italien [1860]. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1966. 542 S.
22. *Zinsel E.* Die Entstehung des Geniebegriffs. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der Antike und des Frühkapitalismus. Tübingen: Mohr, 1926. 346 S.
23. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. сочинений: В 10 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / [Под ред. Е.Е. Бабаевой, В.М. Живова, Л.И. Сазоновой]. М.; СПб.: Наука, 2011–2012.
24. *Вендитти М.* «Лебедь» Г. Р. Державина: гораццианская традиция и образ поэта // History and Literature in Eighteenth-Century Russia / Ed. by S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Hartley. L., 2013. P. 48–60.
25. *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: НЛО, 2007. 448 с.
26. *Клейн И.* Служба, лень и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века // Клейн И. При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 243–262.
27. *Фоменко И.Ю.* Автобиографическая проза Г.Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 143–164.

REFERENCES

1. Gukovskiy, G.A. G.R. Derzhavin. Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel Publ., 1947, pp. V–LVI. (In Russ.)
2. Zorin, A.L. *Glagol vremeni: Izdaniya G.R. Derzhavina i russkiye chitateli* [Verb of Tenses: Editions of G.R. Derzhavin and Russian Readers]. *Svoy podvig svershiv: O sudbe proizvedeniy G.R. Derzhavina, K.N. Batyushkova, V.A. Zhukovskogo* [Having Accomplished his Feat: On the Fate of the Works of G.R. Derzhavin, K.N. Batyushkov, V.A. Zhukovsky]. Moscow: Kniga Publ., 1987, pp. 5–154. (In Russ.)
3. Derzhavin, G.R. *Sochineniya. S obyasnitelnyimi primech. Ya.K. Grot. 2-e akad. izd.* [Works. With Explanatory

- Notes by Ya.K. Grott. 2nd Acad. Ed.]. Vol. 1–7. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk Publ., 1868–1878. (In Russ.)
4. Eckermann, J.P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Jena, Insel-Verlag, 1908. (In German)
 5. Segebrecht, W. Gelegenheitsgedicht. Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997, Bd. 1, S. 688–691. (In German)
 6. Kononko, E.N. *Primechaniia na sochineniia Derzhavina (prodolzhenie)* [Notes on the Writings of Derzhavin (Continued)]. *Voprosy russkoi literatury* [Topics in the Study of Russian Literature]. Lvov, 1974, Issue 1 (23), pp. 81–93. (In Russ.)
 7. Ilyina, T.V. *Russkoe iskusstvo XVIII veka* [Russian Art of the 18th Century]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1999. 398 p. (In Russ.)
 8. Kononko, E.N. *Primechaniya na sochineniia Derzhavina* [Notes on the Writings of Derzhavin]. *Voprosy russkoi literatury* [Topics in the Study of Russian Literature]. Lvov, 1973, Issue 2 (22), pp. 107–116. (In Russ.)
 9. Voronov, M.G., Khodasevich, G.D. *Arkhitekturnyi ansambl Kamerona v Pushkine* [The Architectural Ensemble of Cameron in Pushkin]. Leningrad: Leninzdat Publ., 1982. 106 p. (In Russ.)
 10. Grot, Ja.K. *Zhizn Derzhavina* [Life of Derzhavin]. Moscow: Algoritm Publ., 1997. 685 p. (In Russ.)
 11. *Letopis zhizni i tvorchestva M.V. Lomonosova* [Chronicle of the Life and Work of M.V. Lomonosov]. Compiled by V.L. Chenakal, G.A. Andreeva, G.E. Pavlova, N.V. Sokolov. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 436 p. (In Russ.)
 12. Khodasevich, V.F. *Derzhavin* [1931]. Moscow: Kniga Publ., 1988. 326 p. (In Russ.)
 13. Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel Publ., 1957. 549 p. (In Russ.)
 14. Rosenberg, K. The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia. *Russia and the West in the Eighteenth Century*. Ed.: A. Cross. Newtonville: Mass., Oriental Research Partners, 1983, pp. 196–205.
 15. Pinchuk, A.L. *Goratsii v tvorchestve G. R. Derzhavina* [Horace in the Works of G.R. Derzhavin]. *Uchenye zapiski Tomskogo gos. un-ta* [Scientific Notes of the Tomsk State University]. 1955, No. 24, pp. 71–86. (In Russ.)
 16. Busch, W. Horaz in Russland. Studien und Materialien. München: Eidos Verlag, 1964. 270 S. (In German)
 17. Horaz. Sämtliche Werke. Lateinisch und Deutsch. Übersetzt von Hans Färber. München: Heimeran Verlag, 1957. Bd. 1–2. (In German)
 18. Burke, P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven, London: Yale University Press, 1992. 242 p.
 19. Keil, R.-D. Zur Deutung von Puškins “Pamjatnik”. *Die Welt der Slaven*, 1961, Bd. 6, S. 174–220. (In German)
 20. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* [Complete Works in 10 Vols.]. 4th edition. Leningrad: Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
 21. Burckhard, J. Die Kultur der Renaissance in Italien [1860]. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1966. 542 S. (In German)
 22. Zinsel, E. Die Entstehung des Geniebegriffs. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der Antike und des Frühkapitalismus. Tübingen: Mohr, 1926. 346 S. (In German)
 23. Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Complete Works: In 10 volumes. Ed. 2nd, rev. and additional]. Ed. by E.E. Babaeva, V.M. Zhivov, L.I. Sazonova. Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ., 2011–2012. (In Russ.)
 24. Venditti, M. “Lebed” G.R. Derzhavina: goratsianskaia traditsiia i obraz poeta [“The Swan” by G.R. Derzhavin: the Horatian Tradition and the Image of the Poet]. *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*. Ed.: S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Hartley. London: Study Group on Eighteenth-Century Russia, 2013, pp. 48–60. (In Russ.)
 25. Altshuller, M. *Beseda ljubitelei russkogo sloga. U istokov russkogo slavianofilstva* [Conversation of Lovers of the Russian Word. At the Origins of Russian Slavophilism]. Ed. 2nd, add. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. 448 p. (In Russ.)
 26. Klein, J. *Sluzhba, len i “sladostnyi dosug” v russkoi dvorianskoi kulture XVIII veka* [Service, Laziness and “Sweet Leisure” in the Russian Noble Culture of the 18th Century]. Klein, J. *Pri Ekaterine. Trudy po russkoi literature XVIII veka* [Under Catherine. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: YaSK Publishing House, 2021, pp. 243–262. (In Russ.)
 27. Fomenko, I.Ju. *Avtobiograficheskaya proza G.R. Derzhavina i problema professionalizatsii russkogo pisatelja* [Autobiographical Prose of G.R. Derzhavin and the Problem of Professionalization of the Russian Writer]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 14. Leningrad: Nauka Publ., 1983, pp. 143–164. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 июня 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 августа 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on June 25, 2023

Revised on August 6, 2023

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020036

Итальянские корреспонденты Дмитрия Мережковского: Энрико Барфуччи и Энрико Бемпорад

© 2024 г. Джузеппина Джулиано

Доцент русского языка и литературы университета Салерно, Италия,
Università degli Studi di Salerno,
132 Via Giovanni Paolo II, 84084 Fisciano, Italy
ggiuliano@unisa.it

Резюме. В статье впервые публикуются 6 писем Д.С. Мережковского и одно письмо З.Н. Гиппиус к журналисту Э. Барфуччи (Barfucci, 1889–1966), написанные в 1932–1933 гг., а также часть переписки Мережковского с издателем Э. Бемпорадом (Bemporad, 1868–1944) (всего 16 писем за период 1933–1934 гг.).

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Э. Барфуччи, Э. Бемпорад, переписка, литература русского зарубежья 1930-х годов, русско-итальянские литературные связи.

Для цитирования: Джулиано Дж. Итальянские корреспонденты Дмитрия Мережковского: Энрико Барфуччи и Энрико Бемпорад // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 31–46. DOI: 10.31857/S1605788024020036

Italian Correspondents of Dmitry Merezhkovsky: Enrico Barfucci and Enrico Bemporad

© 2024 Giuseppina Giuliano

Associate Professor of Russian Language and Literature
at the University of Salerno,
Università degli Studi di Salerno,
132 Via Giovanni Paolo II, 84084 Fisciano, Italy
ggiuliano@unisa.it

Abstract. The article for the first time publishes 6 letters by D.S. Merezhkovsky and one letter by Z.N. Gippius to the journalist E. Barfucci (1889–1966), written in 1932–1933, as well as part of the correspondence between Merezhkovsky and the publisher E. Bemporad (1868–1944) in 1933–1934. (16 letters in total).

Key words: D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, E. Barfucci, E. Bemporad, correspondence, literature of Russian abroad in the 1930s, Russian-Italian literary relations.

For citation: Giuliano, Giuseppina. *Italianiye korrespondenty Dmitriya Merezhkovskogo: Enrico Barfucci i Enrico Bemporad* [Italian Correspondents of Dmitry Merezhkovsky: Enrico Barfucci and Enrico Bemporad]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 31–46. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020036

Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус неоднократно бывали в Италии, особенно в эмигрантский период (см.: [1, с. 192–193, 444–446]), и имели с итальянскими писателями, интеллектуалами и издателями деловые и дружеские

отношения, от которых осталось немало следов в разных итальянских архивах¹.

¹ Данная публикация дополняет итальянскими материалами сегодняшнее знание об отношениях Гиппиус и Мережковского с европейскими интеллектуалами и культурными

Здесь впервые публикуются 6 писем Мережковского и одно письмо Гиппиус к журналисту Энрико Барфуччи (Barfucci, 1889–1966)², написанные в 1932–1933 гг., а также часть переписки Мережковского с издателем Энрико Бемпорадом (Bemporad, 1868–1944), относящаяся к периоду 1933–1934 гг. (16 писем)³.

Во время своего пребывания в Париже Мережковский пытался публиковать свои произведения в Италии, зачастую предлагая их одновременно разным издателям, в поиске самых лучших денежных условий и контактов с крупными деятелями фашистской культуры, которые могли бы помочь ему перебраться в случае необходимости из Франции в Италию.

Барфуччи был директором отдела печати и пропаганды издательства Бемпорада, а также основателем «Ассоциации культурной деятельности» в Тоскане (Ente attività per la Toscana); именно в рамках деятельности этого учреждения он пригласил Мережковского во Флоренцию прочитать лекцию «Леонардо и мы»⁴ 16 мая 1932 г. в Палаццо Веккьо. Конференцию включили в программу IV международной книжной ярмарки, во время которой в течение месяца в престижном Зале Двухсот выступали итальянские докладчики Джованни Папини (Papini, 1881–1956) и Альфредо Панцини (Panzini, 1863–1939), а также видные австрийские, немецкие, французские и американские писатели: Стефан

учреждениями (ср. Slavica Occitana. 2022. № 54. *Zinaïda Gippius et Dmitri Mérejkovski, deux intellectuels russes face à l'Europe*. Ed. Olga Blinova, Victoire Feuillebois & Daria Sinichkina. Toulouse: Département de Slavistique, Laboratoire "Lettres, Langues et Arts", 2022. 495 p.; Мережковские и Европа / под общ. ред. В.В. Полонского, ред.-сост.: Е.А. Андрущенко, О.А. Блинова, В.М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 496 с.). Публикация также является продолжением наших работ: [8], [13].

² Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Sezione Manoscritti, Fondo Enrico Barfucci, C. Vari 533, 46 "Merezkovskij Dimitrij" (далее BNCF SM FEB C. Vari 533, 46). О Барфуччи см. справку "Sistema Informativo Unificato per le Soprintendenze Archivistiche": <http://siusa.archivi.beniculturali.it/cgi-bin/pagina.pl?TipoPag=prodpersona&Chiave=54217&RicDimF=2&RicProgetto=personalita/>.

³ Archivio storico Giunti Editore, Firenze, Fondo Bemporad, 87.7 "Merejkovskij Dimitri e Poggioli Renato" (далее ASGE FB 87.7). О Бемпораде см.: [2 ([http://www.treccani.it/enciclopedia/enrico-bemporad_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/enrico-bemporad_(Dizionario-Biografico)/)); [3]; [4, p. 198–202, 269–272].

⁴ Текст лекции на русском языке был опубликован в журнале: «Возрождение» (1932. № 2579, 24 июня; № 2580, 25 июня), но в фонде Барфуччи хранится машинописный вариант доклада на французском языке ("Leonardo et nous") с авторской правкой, а также рукопись краткого предисловия к выступлению, см.: Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Sezione Manoscritti, Fondo Enrico Barfucci, C. Vari 533, 48 "Merezkovskij Dimitrij". (Текст этого предисловия мы приводим чуть ниже.)

Цвейг, Эмиль Людвиг, Поль Моран, Синклер Льюис и Эзра Паунд⁵.

Мережковский был автором книги «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», которая, будучи впервые напечатана в журнале «Мир Божий» в 1900 г. (первое отдельное издание – 1902 г.), была сразу же переведена на итальянский язык⁶. Текст флорентийской лекции Мережковского является в основном изложением содержания этой книги. Однако любопытно обратить внимание на само название лекции: «Леонардо и мы» и на дошедшее до нас краткое предисловие к ней:

Messieurs, Mesdames!

Avant de faire ma conférence je voudrais vous remercier pour l'accueil plus qu'amical, – fraternel que j'ai trouvais à Florence au Comité de la *Prima Vera Fiorentina*⁷ qui est pour moi l'incarnation de votre Cité dont l'âme est l'éternel Printemps.

Dostoevsky, le profète <sic> de la Russie de l'avenir a une paroles profonde: "nous autres, Russes, nous avons deux patries, notre Russie et l'Europe". Dans les trois jours que j'ai passé à Florence après trente ans d'absence, j'avais des moments où, dans une communion fraternelle d'esprit, je ressentais l'envie de préciser <sic> ainsi cette parole, "nous autres, Russes, nous avons deux patries, la Russie et l'Italie". Pourquoi cette envie, me venait-elle, vous comprendrez mieux, j'espère, après ma conférence⁸.

⁵ См. программу в: *Illustrazione Toscana e dell'Etruria. Serie II. Anno X. 1932. 1 Maggio. P. 16–17*. Книжная ярмарка была основана Барфуччи и Бемпорадом в 1922 г. Ср. *Campisano C. La Fiera internazionale del Libro di Firenze 1922–1932 // La Fabbrica del Libro. Bollettino di storia dell'editoria in Italia. Anno XIII. 2007. № 1. P. 19–22; Depaolis F., Scancarrello W. Un editore e le sue idee. Enrico Bemporad e la prima Fiera internazionale del libro di Firenze. Macerata: Biblohaus, 2023.*

⁶ *Merežkovskij D.S. La resurrezione degli Dei: il romanzo di Leonardo da Vinci / Traduzione dal russo di Nina Romanowsky, autorizzata dall'autore. Milano: F.lli Treves, 1901* (переиздания: 1908, 1926, 1927, 1929, 1930, 1931).

⁷ Ежегодное весеннее флорентийское культурное мероприятие, во время которого состоялась и Международная книжная ярмарка.

⁸ «Дамы и господа! Прежде чем я прочитаю свою лекцию, я хотел бы поблагодарить вас за более чем дружеский, братский прием, оказанный мне во Флоренции в Комитете Флорентийской весны, который для меня является воплощением вашего города, душой которого является вечная весна.

У Достоевского, пророка России будущего, есть про никновенные слова: "У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа". За те три дня, что я провел во Флоренции после тридцатилетнего отсутствия, у меня были моменты, когда в братском душевном общении я чувствовал желание уточнить эти слова таким образом: "У нас, русских, есть две родины, Россия и Италия". Почему это желание возникло у меня, вы поймете лучше, я надеюсь, после моей лекции». Приведенная Мережковским фраза Достоевского взята из «Дневника писателя» за 1876 год (*Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. С. 30*).

Из публикуемых далее писем Мережковского к Барфуччи (см. Приложение 1) первые три письма, отправленные им перед отъездом из Парижа, касаются чисто организационных вопросов (время приезда, гостиница, длительность лекции), а следующие три письма Мережковского и одно письмо Зинаиды Гиппиус, написанные после возвращения во Францию, содержат впечатления, полученные ими от пребывания во Флоренции, и сведения о лицах, с которыми они общались и хотели бы сотрудничать, планируя новую поездку в Италию.

Как Мережковский пишет Барфуччи, во Флоренции он познакомился с педагогом и членом первой комиссии Верховного совета народного просвещения (Consiglio superiore della Pubblica Istruzione) Эрнесто Кодиньолой (Codignola, 1885–1965)⁹, который пообещал поговорить о деле Мережковского с сенатором Джованни Джентиле (Gentile, 1875–1944)¹⁰, то есть с самым влиятельным культурным деятелем того времени. Русский автор вступил также в личные отношения с писателем Гвидо Манакорда (Manacorda, 1879–1965)¹¹, который первым показал произведения Мережковского известному издателю Арнольдо Мондадори (Mondadori, 1889–1971)¹².

Особо интересным является письмо Зинаиды Гиппиус к Барфуччи от 15 июня 1932 г., где мы можем ознакомиться с мнением писательницы о «Книге утешений» Барфуччи, изданной в 1926 г. [7] (и переизданной в 1932 г.), которую, по всей вероятности, автор подарил ей во время её пребывания во Флоренции. Гиппиус критикует эпизод книги, где Барфуччи говорит о семейных чувствах и обстоятельствах; она сравнивает при этом мысль итальянского писателя с примерами из жизни русских классиков – Толстого и Достоевского.

Несмотря на все хлопоты и старания, Мережковский и Гиппиус смогли вернуться в Италию только в конце 1934 г., и благодаря помощи уже не Барфуччи, Кодиньолы и других, а издателя Бемпорада, через которого Мережковский даже добился личной встречи с Муссолини.

Переписка Дмитрия Мережковского с издателем состоит из 37 писем Мережковского к Бемпораду и

33 черновиков писем Энрико Бемпорада и его сотрудников к Мережковскому, написанных с 1930 по самый конец 1934 г.¹³

История отношений между Мережковским и Бемпорадом началась 17 мая 1930 г., когда издательство отправило писателю не дошедшее до нас письмо с вопросом о возможности публикации перевода его книги о Наполеоне.

Бемпорад заинтересовался Мережковским, после того как получил от парижского литературного агентства “Paul Winkler”¹⁴ письмо, где его спрашивали, не хочет ли он опубликовать итальянские переводы французских изданий книг Мережковского¹⁵. Получив письмо, издатель решил опубликовать переводы не с французского, а с русского языка¹⁶.

Мережковский с энтузиазмом ответил Бемпораду¹⁷, который впоследствии напечатал следующие его книги: «Наполеон» (1931), «Иисус

¹³ К их переписке приложена переписка Бемпорада с ученым и переводчиком Ренато Поджоли (Renato Poggioli, 1907–1963), которая состоит из 11 писем и телеграмм Поджоли к Бемпораду и 13 писем Бемпорада к Поджоли, датированных с 1935 по 1938 г. В переписке речь идет о переводе «Миссии Иисуса» Мережковского (ASGE FB 87.7). О Поджоли см.: [1, с. 530–531]. См. также: *Béghin L. Un comparatista slavista sotto il fascismo: gli anni di formazione di Renato Poggioli (1928–1838)* // Archivio russo-italiano IV. Salerno: Europa Orientalis, 2005. P. 395–432; *Béghin L. Bibliografia di Renato di Poggioli (1928–1838)* // Там же. P. 433–446; *Sulpasso B. “Sarà il mio congedo dagli studi russi...”*. *Materiali di Russistica nel fondo Renato poggioli: note preliminari* // Europa Orientalis. (42) 2023. P. 341–364.

¹⁴ Об агентстве “Paul Winkler” см.: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/paul-winkler/>

¹⁵ В письме перечисляются следующие книги: *Vie de Napoléon / Trad. de Michel Dumesnil de Gramont. Paris: Calmann-Lévy, 1930; Le mystère d’Alexandre Ier / Trad. du russe par Ely Halpérine-Kaminski. Paris: Calmann-Lévy, 1922; Les Mystères de l’Orient (Égypte-Babylone) / Trad. du russe par Michel Dumesnil de Gramont. Paris: l’Artisan du Livre, 1927; Atlantide-Europe, le Mystère de l’Occident* (последнее произведение было переведено на французский язык только в 1995 г. *Mérekovsky D. Atlantide-Europe, le Mystère de l’Occident, Lausanne, Paris: l’Âge d’homme, 1995*), так что трудно сказать, какое именно издание Винклер хотел предложить Бемпораду (см. ASGE FB 87.7. Письмо Винклера в издательство Бемпорад от 12 мая 1930 г.).

¹⁶ Ср. ASGE FB 87.7. Письмо Бемпорада к Мережковскому от 23 мая 1930 г. Это письмо было недавно опубликовано вместе с письмом Мережковского к Бемпораду от 20 мая 1930 г. в книге: [6, р. 198–199]. Перевод «Наполеона» выполнила Раиса Григорьевна Олькеницкая-Нальди (1886–1978), хотя Мережковский предложил услуги Нины Романовской (1861–1951), которая до тех пор, по словам писателя (см. ASGE FB 87.7. Письмо Мережковского к Бемпораду от 30 мая 1930 г.), переводила почти все его произведения (в итальянских изданиях начала века не всегда указывали имя переводчика). О двух этих переводчицах см.: [1, с. 491–492, 569].

¹⁷ ASGE FB 87. Письмо Мережковского к Бемпораду от 17 мая 1930 г.

⁹ См. о нем: [2 (http://www.treccani.it/enciclopedia/ernesto-codignola_%28Dizionario-Biografico%29/); об отношениях Кодиньолы с русскими интеллектуалами см.: [5]; [6].

¹⁰ Джованни Джентиле был философом, историком, академиком, а также министром образования с 1922 по 1924 г. См. о нем: [2 (<http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-gentile/>)).

¹¹ См. о нем: [2 (http://www.treccani.it/enciclopedia/guido-manacorda_%28Dizionario-Biografico%29/)).

¹² См. о нем: [2 ([http://www.treccani.it/enciclopedia/arnoldo-mondadori_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/arnoldo-mondadori_(Dizionario-Biografico)/))).

Неизвестный» (1933), «Тайна Александра Первого» (1935). Когда издательство переименовали в «Мардзокко»¹⁸, там была опубликована еще и книга «Миссия Иисуса» (1937)¹⁹.

В письмах 1932 и 1933 гг. (письма 1931 г. в папке отсутствуют) речь всегда идет о договорах, финансовых условиях, авансах, гонорарах, переводчиках и вообще о процессе опубликования книг.

Мережковский и Бемпорад познакомились лично во время пребывания писателя во Флоренции в мае 1932 г.²⁰ Возможно, именно поэтому 12 января 1933 г. (см. ниже в «Приложении 2» письмо 8) Мережковский обратился к Бемпораду с просьбой о том, чтобы издатель попросил какую-нибудь итальянскую академию или литературное общество поддержать его кандидатуру на получение Нобелевской премии. Однако Бемпорад ответил на это (см. письмо 9), что вряд ли итальянские культурные учреждения будут помогать в этом деле иностранному писателю, так как в Италии также есть достойные кандидаты на такую престижную премию.

В дальнейших письмах 1933 г. Нобелевская премия больше не упоминалась; видимо, Мережковский понял, что издатель ничем не сможет ему помочь. Речь шла теперь только о публикации книг «Наполеон» и «Иисус Неизвестный». 5 июля 1933 г. (см. письмо 10), Мережковский попросил Бемпорада выслать ему два или три экземпляра книги «Иисус Неизвестный», а также переслать главе итальянского правительства один экземпляр с посвящением и личным письмом²¹. Поскольку книга еще

не была издана из-за задержки со стороны переводчика Поджоли (см. письмо 11), Мережковский повторил просьбу в ноябре (см. письма 12 и 13), но получил книги только в декабре 1933 г. (см. письмо 14).

26 января 1934 г. Бемпорад спрашивает Мережковского, отправил ли он копию «Иисуса Неизвестного» Муссолини, и ответил ли ему дуче (см. письмо 15), а 6 февраля 1934 г. русский писатель отправляет обратно издателю обещанный экземпляр «Иисуса Неизвестного» с посвящением Муссолини, а также личное письмо к нему, содержащее, скорее всего, просьбу о финансировании поездки в Италию (см. письмо 16).

12 февраля 1934 г. издатель отвечает, что обязательно передаст Муссолини письмо и книгу и убеждает Мережковского в том, что для того, чтобы глава правительства ответил положительно на его «просьбу», обязательно нужна рекомендация самого Бемпорада (см. письмо 17). Видимо, таким образом Бемпорад хочет, во-первых, продемонстрировать Мережковскому свою близость с дуче, а во-вторых, воспользоваться талантом и славой иностранного писателя, чтобы показать самому Муссолини значимость своего издательства.

16 марта 1934 г. издатель сообщает Мережковскому, что книга и письмо уже в руках у Муссолини (см. письмо 18), а в письме от 16 апреля того же года²² советует ему написать письмо еще и личному секретарю дуче, Освальдо Себастиани (Sebastiani, 1888–1944), чтобы ускорить ответ Муссолини, так до сих пор и не полученный Мережковским.

Желанный ответ пришел только к концу года. 25 октября 1934 г. Мережковский сообщил Бемпораду, что итальянское правительство назначило ему пособие для поездки в Италию, а также попросил издателя связать его с какими-нибудь важными особами, которые могли бы устроить для него личную встречу с Муссолини (см. письмо 19). Четыре дня спустя, 29 октября 1934 г., Бемпорад ответил Мережковскому (см. письмо 20), что ему удалось получить пособие, по всей

¹⁸ Бемпорад был из еврейской семьи, и издательство вынуждено было сменить название после осени 1938 г., когда в Италии были приняты расовые законы.

¹⁹ Полный список итальянских изданий книг Мережковского см.: [8].

²⁰ См.: ASGE FB 87.7. Письмо Бемпорада к Мережковскому от 8 мая 1932 г.

²¹ С 1934 по 1937 г. Мережковский написал Муссолини по меньшей мере пять писем. Возможно, они хранились в личной папке Мережковского в архиве Особого секретариата дуче, который сегодня находится в Государственном центральном архиве Рима (Archivio Centrale dello Stato, Segreteria Particolare del Duce, Carteggio Ordinario). Нам удалось найти шифр папки (157.961), но сама папка в фонде отсутствует. Мережковский также трижды побывал на аудиенции у дуче: 4 декабря 1934 г., 30 апреля и 11 июня 1936 г. Об этом см.: [8]; [9]; [10]; [11]; [12]; [13]; [14]. В статье И. Винокуровой [15] напечатан русский перевод единственного дошедшего до нас письма Мережковского к Муссолини; оригинальное письмо на французском было написано после аудиенции 30 апреля 1936 г. и хранится в фонде Мережковского в Иллинойском университете (University of Illinois Archives, Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection, 1901–1996, Dmitrii Merezkovskii Papers, Box 18). См. также: *Мережковский Д.*

Встреча с Муссолини. Из книги о Данте // Иллюстрированная Россия. № 8 (13. II. 1937). С. 1–2; *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза. Роман. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус / под ред. Т. Пахмусс. Анн Арбор: Эрмитаж, 1984; Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову // Звезда. № 7. 1995. С. 158–169; *Гиппиус З.* Итальянский дневник // НЛО. № 27. 1997. С. 237–251.

²² ASGE FB 87. Письмо Бемпорада к Мережковскому от 16 апреля 1934 г. Мережковский отвечает Бемпораду 1 мая 1934 г., спрашивая, на какой адрес отправить письмо для Себастиани (Там же).

вероятности, именно благодаря помощи Себастиани, с которым поговорил сам Бемпорад.

Следующее письмо Мережковского написано уже из Италии, куда они с Зинаидой Гиппиус приехали в ноябре. Как известно, 4 декабря 1934 г. русский писатель был принят Муссолини в Риме во дворце Венеции. Буквально за несколько часов до приема он написал Бемпораду, что будет говорить с дуче о своих новых проектах книг о знаменитых итальянцах – Франциске Ассизском и Данте Алигьери (см. письмо 21). Бемпорад был заинтересован в публикации обоих произведений, как сообщал он в телеграмме к писателю 5 декабря (см. письмо 22), но по воле Муссолини «Франциск Ассизский» был напечатан издательством Мондадори²³, а «Данте» – болонским издательством Дзаникелли (Zanichelli).

О том, что Муссолини сам занялся публикацией «Франциска Ассизского», Бемпорад узнал из письма, которое Мережковский написал ему 9 декабря 1934 г., перед самым отъездом в Париж. Мережковский признавался Бемпораду, что ему хотелось бы поговорить с ним о «Данте», когда он вернется в Италию весной следующего года (см. письмо 23).

Бемпорад даже выразил Муссолини свое огорчение решением дуче опубликовать «Франциска Ассизского» в другом издательстве²⁴, но, очевидно, ему не удалось уговорить главу правительства. Более того, уже в январе 1935 г. из-за финансовых обстоятельств часть акций его издательства была продана, и Бемпорад был вынужден уступить свою должность председателя новому партнеру.

Эта ситуация была, впрочем, не единичным случаем в отношениях Муссолини с итальянскими издателями. Книгу Мережковского о Данте также должен был напечатать вначале издатель Мондадори, которому Мережковский, вероятно, отдавал предпочтение после публикации им «Франциска»²⁵, но Муссолини пожелал, чтобы книга была издана Дзаникелли.

²³ В личном архиве Мережковского в Иллинойском университете хранится письмо Мондадори к писателю 1936 г., но мы не знаем, идет ли в нем речь о публикации этой книги.

²⁴ См. письма Бемпорада к Озвальдо Себастиани, написанные 11 и 15 декабря 1934 г.: *Giuliano G. I russi alla 'corte' di Mussolini // Archivio Russo-Italiano V. Russi in Italia. Salerno: Europa Orientalis, 2009. P. 304–305, прим. 5* (письма хранятся в Центральном государственном архиве в Риме: *Archivio Centrale dello Stato, Roma, Segreteria Particolare del Duce, Carteggio Ordinario, f. 509.230, Casa editrice Bemporad*).

²⁵ Ср. письмо Мережковского к Злобину от 10 мая 1936 г. в кн. [10, с. 375]. См. также письмо Злобина к Мережковскому от 12 мая 1936 г.: *Pachmuss T. Письма В.А. Злобина З.Н. и*

Дискуссией Мережковского и Бемпорада о решениях главы итальянского правительства и оканчивается их переписка²⁶.

* * *

Все публикуемые ниже письма хранятся в архиве в рукописном автографе. Источники публикаций указаны выше (см. сноски 2 и 3). Тексты печатаются с сохранением оригинальной французской орфографии авторов (иногда встречающиеся ошибки отмечаются знаком <sic!>). Курсивом обозначаются слова, подчеркнутые Мережковским. Переводы на русский язык даются в угловых скобках после текста оригинала.

Приложение 1

Письма Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус
к Энрико Барфуччи (1932–1933)

1. Мережковский – Барфуччи. 26 апреля 1932 г., Париж

26 IV 32
11 bis av. Colonel Bonnet
Paris XVI

Cher Monsieur,
j'ai bien reçues <sic!> les 5.000 lire <sic!> (cinq mille) et je vous en renvoie la quittance. J'espère que vous n'avez pas oublié de m'envoyer *les visas*, pour moi et pour Madame Merejkovsky. Je me renseignerai auprès du Consulat d'Italie. En cas que les visas ne sont pas encore arrivées, je vous prie de faire les démarches nécessaires <sic!> *immédiatement et de m'en avertir par télégramme*, car il ne reste que juste le temps pour commander les billets du wagon-lit <sic!>.

Je les commanderai pour le 9, 10 ou 11 Mai selon que je pourrai les avoir.

Ayez la bonté de me faire savoir dans *quel hôtel* de Florence²⁷ sera retenu l'appartement.

Ma conférence sera un peu plus longue que ne la pensais <sic!>: non 45 minutes, mais environ *une heure*. Je voudrais donc, si c'est possible, la diviser en deux parties: la première – 40 minutes <sic!> et la seconde – 20–25 minutes avec un entr'acte de 10 minutes. Le titre exacte de la conférence serait: "*Léonardo da Vinci et nous*".

En vous remerciant pour toute votre bonté, je vous prie, cher Monsieur, de me croire votre respectueusement dévoué

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

я получил 5000 лир и отправляю Вам квитанцию. Надеюсь, Вы не забыли выслать визы для нас с мадам Мережковской. Я уточню через итальянское консульство.

Д.С. Мережковским, 1934–1936 // *Revue des études slaves. T. 71. Fasc. 1. 1999. С. 148–149.*

²⁶ См. письмо сотрудников Бемпорада к Мережковскому от 14 декабря 1934 г., письмо Мережковского к сотрудникам Бемпорада от 22 декабря 1934 г., а также последнее письмо Бемпорада к Мережковскому от 28 декабря 1934 г. (ASGE FB 87.7).

²⁷ Мережковский и Гиппиус остановились во Флоренции в гостинице Гран Бретань (см. письмо 3).

В том случае, если визы еще не готовы, я прошу вас немедленно предпринять все необходимые шаги и уведомить меня об этом телеграммой, поскольку у нас осталось время только на то, чтобы заказать билеты в вагон со спальными местами.

Я куплю их на 9, 10 или 11 мая, в зависимости от того, смогу ли я получить визы.

Прошу Вас сообщить мне, в каком отеле во Флоренции будут забронированы апартаменты.

Моя лекция будет немного длиннее, чем я ожидал: не 45 минут, а, скорее, около часа. Поэтому я хотел бы, если это возможно, разделить ее на две части: первая — 40 минут, а вторая — 20—25 минут с перерывом на 10 минут. Точное название лекции будет следующее: «Леонардо да Винчи и мы». Выражаю огромную благодарность за всю Вашу доброту и внимание. Милостивый государь, разрешите заверить Вас в моей бесконечной преданности. Дм. Мережковский»²⁸

2. Мережковский — Барфуччи. 27 апреля 1932 г., Париж

27 IV 32

11 bis av. Colonel Bonnet
Paris (XVI)

Cher Monsieur,

Je me suis renseigné auprès du Consulat d'Italie: les *visas* pour moi et M.me Merejkovsky n'y sont pas encore reçue <sic!>. J'en suis bien contrarié, car il n'y a que juste le temps pour commander les places du wagon-lits <sic!>.

Je vous prie donc instamment de faire les démarches <sic!> nécessaires auprès de votre Ministère sans quoi je risque de ne pas arriver à temps et m'en avertir *par télégramme*.

N'ayant pas de visas et n'étant pas sûre <sic!> d'en avoir à temps <sic!>, il serait imprudent de commander les places à jour fixe.

Veillez me croire, cher Monsieur, votre respectueusement dévoué

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

я уточнил в итальянском консульстве: визы для меня и госпожи Мережковской там еще не готовы. Я из-за этого обстоятельства очень расстроен, поскольку осталось время только на то, чтобы заказать спальные места в поезде.

Поэтому я настоятельно прошу Вас договориться о необходимых шагах через ваше Министерство, уведомите меня об этом телеграммой, иначе есть риск, что я не буду на месте вовремя. Не имея виз и не будучи уверенным, что нам хватит времени на дорогу, было бы неразумно бронировать места на фиксированную дату.

Милостивый государь, разрешите заверить Вас в моей бесконечной преданности. С уважением,
Д. Мережковский>

3. Мережковский — Барфуччи. 7 мая 1932 г., Париж

7 V 32

11 bis av. Colonel Bonnet
Paris (XVI)

Cher Monsieur,

après des longues <sic!> et pénibles démarches (on a exigé au Consulat des références de notre ancien ministre

²⁸ Переводы с французского всех приводимых здесь писем выполнены С.В. Полонской.

Maclakoff²⁹, comme si j'étais un personnage suspect ...) j'ai enfin obtenu <sic!> hier les visas, absolument nécessaires <sic!> pour en émigré Russe.

Nous partons de Paris le 11 Mai et nous arrivons à Florence le 12 Mai à 5 heures d[u]s[oir], à l'Hôtel Grande Bretagne.

Je vous prie de remercier la princesse et le prince Strozzi³⁰ de leur invitation si aimable. M-me Merejkovsky et moi, nous serons très heureux de dîner chez eux le 17 Mai, après le jour de ma conférence (16 Mai).

Veillez agréer, cher Monsieur, l'expression de mes sentiments respectueusement dévoués.

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

после долгих и мучительных выяснений (в консульстве потребовали справки от нашего бывшего министра Маклакова, словно я был какой-то подзрительной фигурой...) вчера я наконец получил визы, совершенно необходимые для русского эмигранта.

Мы уезжаем из Парижа 11 мая и прибываем во Флоренцию 12 мая в 5 часов вечера, в отель Гранд Бретань.

Я прошу Вас поблагодарить княгиню и князя Строщи за столь любезное приглашение. Мы с госпожой Мережковской будем очень рады пообедать у них 17 мая, сразу после моей лекции (16 мая).

Милостивый государь, примите мои уверения в самом глубоком расположении к Вам.

Преданный Вам, Д. Мережковский>

4. Мережковский — Барфуччи. 22 мая 1932 г., Париж

22 Mai 1932

11 bis av. Colonel Bonnet
Paris (XVI)

Cher Monsieur,

nous voici à Paris qui après Florence, après l'Italie, nous paraît un exil. En regardant les dernières roses Florentines se faner dans un vase, nous aurions envie de pleurer, si nous n'avions l'espoir de revenir bientôt à Florence et la certitude que vous ferez tout votre possible pour réaliser ce projet.

M-eur Ernesto Codignola m'a promis d'en parler au Sénateur Giovanni Gentile³¹. Je vous prie de lui rappeler cette promesse.

Personne mieux que vous ne pourrait lui expliquer pourquoi ma propagande de la nouvelle Renaissance <sic!> Italienne serait utile à votre grande et noble cause, et je pourrais dire, — notre cause commune.

Gastone Madori³², aux derniers instants avant notre départ, m'a communiqué votre projet très important et

²⁹ Василий Алексеевич Маклаков (1869—1957) — адвокат и политический деятель, считается последним послом Российской империи во Франции, хотя он приехал в Париж только в октябре 1917 г., где узнал о большевистском перевороте. Служил послом несуществующего государства до 1924 г., когда Франция признала СССР.

³⁰ Вероятно, князь Роберто Строщи Майорка Ренци (Roberto Strozzi Majorca Renzi, 1861—1951) и его жена Уберта Никколини Сиригатти (Uberta Niccolini Sirigatti, 1883—1963).

³¹ См. о них выше в преамбуле к данной публикации.

³² Гастоне Мадори (Gastone Madori, ? — после 1985 г.), сотрудник Барфуччи (см. Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Sezione Manoscritti, Fondo Enrico Barfucci, C. Vari 533, 29 "Lettere di Gastone Madori a Enrico Barfucci"), в 30-е годы руководитель Кабинета иностранных дел при Федерации

qui me paraît parfaitement réalisable de faire une tentative auprès des éditeurs *Slavia*³³ pour les obliger de me racheter des droits d'auteur pour "Alexandre I" que Bemporad³⁴ vient d'acquérir, sans heureusement rien savoir de l'édition annoncée par la *Slavia*.

Cela serait d'autant plus possible que comme je viens de le savoir ici à Paris, "Alexandre I", étant paru *en première édition allemande non en Russie, mais en Allemagne*, chez l'éditeur Piper, à Munich³⁵, tous les droits d'auteur pour les traductions et les adaptations en sont protégés par la convention de Berne. Il faudrait seulement se bien renseigner si la loi Italienne de 1921 sur les droits d'auteur³⁶ (dont m'a parlé Bemporad assez vaguement) me serait favorable, car cette première édition Allemande est parue *avant l'année 1921*.

N'ayant presque aucun espoir que Bemporad pourrait accepter mes autres ouvrages, il me serait infiniment important que vous les proposiez à Montadori³⁷ <sic>. Il me paraît que l'"Atlantide – Europe"³⁸ et "Les Mystères de l'Orient" (Égypte et Babylone)³⁹ seraient les plus acceptables pour lui.

A la liste de mes ouvrages que vous avez j'ajoute encore deux:

1. *L'âme de Dostoïevsky*⁴⁰
2. *La Religion de Tolstoï et Dostoïevsky*⁴¹

Tous les deux sont inédits en Italie.

по перемещению иностранных лиц во Флоренции (Ufficio Esteri della Federazione per il movimento forestieri in Firenze, см. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. ANNO 74. 1933, 20 settembre. P. 4204), директор Итальянского учреждения радиовещательных передач (E.I.A.R., Ente italiano per le audizioni radiofoniche), а также секретарь Алессандро Паволини (Alessandro Pavolini, 1903–1945), министра народной культуры с 1939 по 1943 г. (см. Mancini C.M. L'Archivio del Ministero degli Affari Esteri della Repubblica Sociale Italiana. Roma: Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale, 2023. P. 144, 901, 1590, 1592).

³³ При туринском издательстве «Славия» Мережковский опубликовал книгу: *L'Anticristo*: (Pietro e Alessio) / Prima traduzione dall'originale russo di Anna Ruska con pagine introduttive di P. Kogan e notizie sull'autore. Torino: Slavia, 1932. О самом издательстве см: [16].

³⁴ О переговорах о публикации «Александра I» ср. ASGE FB 87.7. Переписка Бемпорада и Мережковского за май 1932 г.

³⁵ См.: *Mereschkowski D. Alexander I. Historischer Roman*. München: R. Piper & Co., 1913.

³⁶ См.: ASGE FB 87.7. Переписка Бемпорада и Мережковского за май 1932 г. О проблеме авторских прав в Италии времен фашизма см.: [17]. Мережковский имеет в виду, скорее всего, законопроект министра Бортоло Белотти (Bortolo Belotti, 1877–1944), обсуждавшийся в парламенте в декабре 1921 г. (см.: [17, с. 210]).

³⁷ О переговорах Мережковского с издателем Мондатори см. следующее письмо.

³⁸ *Мережковский Д.С. Атлантида – Европа. Тайна запада*. Белград: Изд. комис. Палата акад. наука, 1930 (обл. 1931). Об этой книге см. выше в преамбуле к нашей публикации.

³⁹ *Mérezkovsky D. Les Mystères de l'Orient. Égypte, Babylone*. Paris: L'Artisan du livre, 1927.

⁴⁰ *Mereschkowski D. L'âme de Dostoïevski*. Paris: Gallimard, s.d.

⁴¹ Очевидно, имеется в виду издание *Mereschkowski D. Tolstoï et Dostoïevsky*. Paris: Perrin, 1903.

Parlez de moi à Manacorda⁴² qui, me paraît-il, vaudrait faire un effort sérieux pour m'aider de <sic> revenir en Italie.

Oh! si nous pouvions passer un ou deux mois (Juiller <sic> – Aout) a Vallombrosa⁴³ pour nous reposer un peu... et pour vous assister (du moins en esprit) à <sic> vos projets du *Couvent des Intellectuels*⁴⁴ – grande œuvre dont je pense beaucoup.

Croyez-vous que notre projet d'une brochure ou d'un petit volume avec les articles (de quelques pages) de vous, de Pappini <sic>⁴⁵, de Manacorda, de M-me Merejkovsky (ses impressions de Florence "après trente ans") et mon discours sur Leonard pourrait se réaliser? Cela pourrait être assez important comme un *premier pas* de propagande de nos idées.

M-me Merejkovsky me prie de saluer très cordialement Madame Barfucci⁴⁶ et vous. Certes, nous n'oublieront jamais la délicieuse petite villa de la Via Pratellina⁴⁷ et l'accueil vraiment fraternelle que nous y avons <sic> reçu.

Votre affectueux dévoué
et reconnaissant.

D. Merejkovsky

P.S. Voici l'extrait du contrat avec Bemporad sur "Alexandre I" qui pourrait vous être utile⁴⁸.

<Милостивый государь,

вот мы и в Париже, который после Флоренции, после Италии кажется нам местом ссылки. Наблюдая, как увядают последние флорентийские розы, стоящие в вазе, мы бы плакали, если бы не надежда на скорое возвращение во Флоренцию и уверенность в том, что вы сделаете все возможное для осуществления этого проекта.

Господин Эрнесто Кодиньола обещал мне обсудить его с сенатором Джованни Джентиле. Я прошу вас напомнить ему об этом обещании.

Никому лучше Вас не удалось бы объяснить ему, почему моя пропаганда нового итальянского Возрождения была бы полезна для вашего великого и благородного дела, и – я мог бы сказать – нашего общего дела.

Гастоне Мадори в последние минуты перед нашим отъездом сообщил мне о Вашем очень важном и, как мне кажется, вполне осуществимом проекте – о попытке заставить издательство "Slavia" выкупить у меня авторские права на «Александра I», которые Бемпорад только что приобрел, к счастью, ничего не зная об упомянутом издательстве.

Это было бы тем более возможно, поскольку, как я только что узнал здесь, в Париже, «Александр I» вышел в первом немецком издании не в России, а в Германии, у издателя Пайпера в Мюнхене, а все авторские права

⁴² Об этом см. выше в преамбуле к нашей публикации.

⁴³ Местность в Тоскане, в окрестностях Флоренции.

⁴⁴ Считается, что проект Приюта интеллектуалов так и не был осуществлен.

⁴⁵ В 1929 г. в Париже, а в 1936 и 1937 гг. в Италии, Мережковский общался с Папини (см. о нем: www.giovanripapini.it) и состоял с ним в личной переписке (см. Fondazione Primo Conti, Fiesole, Archivio Giovanni Papini, Merezkovski Dmitrij, FC/AP LII C.2061, в данный момент письма Мережковского к Папини находятся в печати при римском издательстве "Edizioni di Storia e Letteratura"). Об их отношениях см: [8].

⁴⁶ Жену Барфуччи звали Ева Сторай (Eva Storai).

⁴⁷ Via del Pratellino – улица во Флоренции, где жил Барфуччи.

⁴⁸ Договор хранится в папке лекции: BNCF SM FEB C. Vari 533, 48.

на его переводы и переработки защищены законом Бернской конвенции. Следовало бы только хорошенько подумать, будет ли мне полезен итальянский закон об авторском праве 1921 года (о котором мне довольно распылчато рассказал Бемпорад), поскольку это первое немецкое издание вышло до 1921 года.

Поскольку у меня почти нет надежды на то, что Бемпорад сможет принять другие мои работы, для меня было бы бесконечно важно, чтобы вы предложили их Мондадори. Мне кажется, что «Атлантида – Европа» и «Тайны Востока» (Египет и Вавилон) были бы для него наиболее интересны.

К списку, который у вас есть, я добавляю еще две работы:

- 1) «Душа Достоевского»
- 2) «Религия Толстого и Достоевского»

Обе они еще не издавались в Италии.

Поговорите обо мне с Манакорда, которому, как мне кажется, стоило бы приложить серьезные усилия, чтобы помочь мне вернуться в Италию.

О, если бы мы могли провести один или два месяца (с июля по август) в Валломброзе, чтобы немного отдохнуть... и чтобы помочь Вам (по крайней мере, мысленно) осуществить проект *Приюта интеллектуалов* – грандиозный проект, о котором я много думаю...

Верите ли вы, что наш проект брошюры или небольшого тома со статьями (в несколько страниц) от Вас, Папини, Манакорда, госпожи Мережковской (ее впечатления от Флоренции «после тридцати лет») и с моей речью о Леонарде мог бы осуществиться? Это мог бы быть тот самый важный первый шаг в распространении наших идей.

Госпожа Мережковская просит меня очень сердечно поприветствовать Вас и госпожу Барфуччи. Конечно, мы никогда не забудем восхитительную маленькую виллу на Виа дел Прателлино и поистине семейный прием, который нам там оказали.

Нежно преданный и благодарный Вам,
Мережковский>

5. Мережковский – Барфуччи. 25 мая 1932 г., Париж

25 Mai 1932

11 bis av. Colonel Bonnet
Paris (XVI)

Mon cher Ami,

Je viens de recevoir par poste de Florence la dépêche suivante de Montadori <sic!>, datée de 23 Mai:

Informato cordiale colloquio con
profess[or] Manacorda chiedole se
venendo giovedì Firenze posso
incontrarla. Ossequi.

Montadori <sic!>.

Il me serait infiniment important que vous vous mettiez en relations <sic!> avec Manacorda et Montadori <sic!> s'il vient à Florence Jeudi pour lui présenter la liste de mes ouvrages et de ceux de M-me Merejkovsky et pour lui parler de nous.

Je vous écrit <sic!> avant-hier une grande lettre et j'attendai <sic!> de vos nouvelles.

Votre affectueusement dévoué
D. Merejkovsky

<Дорогой друг,

я только что получил из Флоренции следующую депешу от Мондадори, датируемую 23 мая:

Informato cordiale colloquio con profess. Manacorda chiedole se venendo giovedì Firenze posso incontrarla. Ossequi. Montadori.

Для меня было бы крайне важно, чтобы вы поддерживали взаимоотношения с Манакорда и Мондадори, если он приедет во Флоренцию в четверг, с той целью, чтобы предоставить ему список моих работ и работ госпожи Мережковской, а также поговорить с ним о нас.

Я написал Вам позавчера большое письмо и буду ждать Вашего ответа.

Нежно преданный Вам,
Д. Мережковский>

6. З.Н. Гиппиус – Барфуччи. 15 июня 1932 г., Париж

le 15 Juin 32

11 bis Av. du Colonel Bonnet
Paris 16^e

Cher Monsieur et Ami.

Permettez moi de vous dire que parmi tous mes bons souvenirs de Florence le meilleur que je garde c'est de vous, de Madame, de votre accueil et de votre bonté! Je serai bien heureuse, ainsi que Mr Merejkovssky, de vous revoir un jour! Si ce n'est pas dans votre charment cadre, il se peut bien, n'est ce pas <sic!>, que vous veniez nous voir à Paris, notre Paris sombre, laid et froid?

J'ai lu avec attention et plaisir votre livre des consolations⁴⁹. Il y a beaucoup de vrai et profond là dedans; la chose la plus vraie – c'est que nous avons tous besoin <sic!> des consolations dans ce monde si mal arrangé!

Mais voilà: il s'y trouve un chapitre où vos consolations ne me consolent pas. Ma vie est ma vie; ni les enfants, ni les disciples ne la prolongent point. L'enfant est une autre personnalité, il a son "moi" à lui, et bien souvent tout différent du mien; les enfants de Dostoïevsky, par exemple, qu'avaient ils <sic!> de commun avec leur père? Quant aux disciples, rarement consolent-ils même de votre vivant; Tolstoï en souffrait beaucoup et n'aimait pas en parler. Tout au plus on peut, si on est content de ses disciples, d'avoir <sic!> quelque consolation dans l'idée que peut être <sic!> votre œuvre ou votre pensée ne seraient pas oubliés de si vite; mais dès que moi, moi même <sic!>, je serai néant – cela m'importera fort peu. L'essentiel est que la personnalité elle même <sic!> ne veut ne pas être; sa nature propre est rebelle contre la mort; et que les autres vivront (pour mourir à leur tour) cette conscience n'a pas le pouvoir de la consoler dans le profond de son âme.

Je voudrais vous dire encore quelque chose à propos de votre livre, mais je crains de vous avoir déjà ennuyé <sic!> avec mes observations <sic!> et je vous prie de m'en excuser. Mais chaque fois que je lis un livre qui m'intéresse <sic!>, j'ai mille pensées qui m'assaillent, et ce n'est pas toujours que je suis de l'avis de l'auteur...

Dites, s'il vous plait, à Mr Madori que je le trouve bien énergique e ingénieux d'avoir trouvé le moyen de se faire comprendre et même de répondre à ma lettre⁵⁰. Je lui en veux seulement de ne me dire rien de votre sante <sic!>! Etes vous tout à fait bien maintenant? Etes vous toujours à Florence? Il est dur de rester en ville pendant l'été. Cette perspective est la nôtre, il est peu probable que nous pourrions quitter Paris, soit-ce pour un mois. Les soucis, le travail, les ennuis de toute sorte nous

⁴⁹ *Barfucci E.* Il libro delle consolazioni. Firenze: Bemporad, 1926 (переизд. в 1932).

⁵⁰ О переписке Гиппиус с Гастоне Мадори нам ничего неизвестно.

attendaient ici après l'enchantement de Florence... N'importe! Les consolations existent tout de même, n'est ce pas?

Je vous prie, cher Monsieur, de remettre à Madame mes souvenirs les plus affectueux et de me croire votre — amicalement dévouée <sic!>

Z. Hippus-Merejkovsky

PS. Mr. Merejkovsky se joint à moi pour vous envoyer les salutations les plus sincères.

<Милостивый государь, дорогой друг, позвольте мне сказать, что лучшие мои воспоминания о Флоренции связаны с Вами, с Вашей супругой, с тем теплым приемом, который вы оказали нам! Мы с господином Мережковским будем рады когда-нибудь увидеть вас снова! Если не в вашей очаровательной Италии, то вполне возможно, что вы приедете к нам в Париж, в наш мрачный, некрасивый и холодный Париж? Я внимательно и с удовольствием прочитала вашу «Книгу утешений». В ней есть много истинного и глубокого; самое верное — то, что все мы нуждаемся в утешении в этом полном хаоса мире!

Но вот что: есть глава, в которой ваши утешения меня не успокаивают. Моя жизнь — это моя жизнь; ни дети, ни последователи не продлевают ее. Ребенок — это другая личность, у него есть свое собственное «я», и оно во многом сильно отличается от моего; вот дети Достоевского, что общего у них со своим отцом? Что касается последователей, то в них даже при жизни редко находишь утешение; Толстой из-за этого много страдал и не любил об этом говорить. Самое большее, чем можно быть довольным в такой ситуации, это утешаться мыслью, что, возможно, ваши труды и идеи не будут так быстро забыты; но как только я сам уйду в небытие — всё это не будет иметь значение. Суть в том, что сама личность не хочет не быть; ее собственная природа восстает против смерти; и осознание, что другие будут жить (чтобы в конечном счете умереть), в глубине души не в силах утешить ее.

Я хотела бы еще кое-что сказать о вашей книге, но боюсь докучать вам своими наблюдениями, за что я прошу у вас прощения. Однако каждый раз, когда я читаю интересную книгу, у меня возникает тысяча мыслей, и я не всегда разделяю мнение автора...

Пожалуйста, передайте господину Мадори, что я захожу его очень энергичным и остроумным из-за того, что он нашел способ заставить себя понять и даже ответить на мое письмо. Я виню его только за то, что он ничего не сообщил мне о Вашем здоровье! С Вами сейчас все в порядке? Вы все еще во Флоренции? Летом трудно оставаться в городе. Наши перспективы такие же. Маловероятно, что мы могли бы покинуть Париж хотя бы на месяц: заботы, работа, всевозможные неприятности ждали нас здесь после очаровательной Флоренции... Не имеет значения! В этом все же можно найти утешение, не так ли?

Я прошу Вас, дорогой друг, передать Вашей супруге мои самые теплые пожелания. Помните о том, что я Вам глубоко преданна,

З. Гиппиус-Мережковская

P.S. Господин Мережковский тоже передает вам самые искренние приветствия.>

7. Мережковский — Барфуччи. 1 мая 1933 г., Париж

1 Mai 1933

11 bis av. Colonel Bonnet

Paris (XVI)

Cher Monsieur,

J'ai un faible espoir que vous ne nous avez pas tout-à-fait oublié <sic!>, moi et M-me Merejkovsky. J'ose donc m'adresser à vous avec une grande prière.

Le I vol. de mon ouvrage "Jesus l'Inconnu" doit paraître prochainement chez l'éditeur Bemporad à Florence. D'après une clause, dont le sens juridique est absolument indiscutable, je devrais toucher mes droits d'auteur pour le II vol. du même ouvrage à la présentation du manuscrit <sic!> que Bemporad vient de recevoir⁵¹. Mais en refusant de me payer l'honoraire, selon le contrat, il vaudrait différer les termes du paiement à 6 mois, ce qui me mettrait dans une situation très pénible.

Je vous prie donc d'aller le voir et de lui proposer de ma part un *arrangement à l'amiable* qui serait:

1 juillet — une moitié <sic!> de la somme qui m'est due (environ 4.000 lire).

1 Octobre — l'autre moitié <sic!>

Je vous prie de le faire parce que dans une affaire comme celle là <sic!> des pourparlers personnelles <sic!> pourraient avoir beaucoup plus de force persuasive qu'une correspondance. Vous me rendriez par là un très grand service.

Peut-être notre ami commun J. Pappini <sic!>⁵², consentirait-il aussi de me donner son appui puissant.

Pardonnez-moi, cher Monsieur, de vous importuner par cette prière, mais je compte sur votre bonté que je n'oublierai jamais.

Mes vœux les plus sincères ainsi que ceux de M-me Merejkovsky à M-me Barfucci et à tous nos amis de Florence, dont gardons toujours le souvenir inoubliable!

Votre affectueux et reconnaissant

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

у меня есть слабая надежда, что Вы не совсем забыли нас с госпожой Мережковской. Поэтому я осмеливаюсь обратиться к Вам с важной просьбой.

Первый том моей работы «Иисус Неизвестный» должен вскоре оказаться у флорентийского издателя Бемпорада. Согласно положению, юридическая сторона которого абсолютно неоспорима, я должен получить свои авторские права и на второй том этой же книги до презентации всей рукописи, которую только что получил Бемпорад. Однако отказ выплатить мне гонорар означал бы отсрочку платежа на 6 месяцев, что поставило бы меня в очень затруднительное положение.

Поэтому я прошу Вас предложить ему следующее:

1 июля — половина причитающейся мне суммы (около 4000 лир).

1 октября — вторая половина.

Я прошу Вас сделать это, потому что в таком деле переговоры могут иметь гораздо бóльшую убедительную силу, чем переписка. Тем самым Вы оказали бы мне очень большую услугу.

Возможно, наш общий друг Джованни Папини тоже согласился бы поддержать меня.

Простите, дорогой друг, за то, что я обременил Вас своей просьбой, но я рассчитываю на Вашу доброту, которую я никогда не забуду.

⁵¹ О споре по поводу второго тома «Иисуса Неизвестного» см.: ASGE FB 87.7. Переписка Мережковского и Бемпорада за апрель и май 1933 г. Книга была опубликована в 1937 г.: *Merezkovskij D. La missione di Gesù / Traduzione di Renato Poggioli. Firenze: Bemporad, 1937.*

⁵² Джованни Папини.

Мои самые искренние пожелания, а также пожелания госпожи Мережковской госпоже Барфуччи и всем нашим друзьям во Флоренции, о которых мы всегда вспоминаем с трепетом!

Нежно преданный Вам,
Д. Мережковский>

Приложение 2

Переписка Д.С. Мережковского с Энрико Бемпорадом (1933–1934)

Публикуемые здесь письма Мережковского хранятся в архиве в рукописном виде, а черновые варианты писем Бемпорада – в машинописном. Текст печатается с сохранением орфографии Мережковского. Источник публикации указан выше в сноске 3.

1. Мережковский – Бемпораду. 12 января 1933 г.

11 bis, Avenue du Colonel Bonnet, Paris 16e
12-I-33

Cher Monsieur

Je vous accuse reception <sic> de votre lettre du 9-I-33⁵³ avec le chèque montant de £ 1500, dont je vous remercie <sic>.

J'ai une grande prière à vous adresser: vous vous rappelez sans doute que j'étais premier candidat au Prix Nobel 1932⁵⁴. Ne pourriez vous pas me recommander à une Académie <sic> ou société littéraire <sic> ou scientifique ou à un académicien <sic> susceptible de poser cette année ma candidature? Je vous en serais très reconnaissant, cela, d'ailleurs pourrait être important pour l'édition italienne de mon livre.

Mais il faut se dépêcher <sic>, car les candidatures <sic> doivent être présentées <sic> dans le courant du mois de Janvier.

Vous ne m'écrivez rien sur "Jesus l'Inconnu". Quelle serait <sic> la date probable de sa parution?

D. Merejkovsky

P.S. Pour présenter les candidatures <sic> il faut écrire <sic> à l'Académie <sic> Suédoise, Section Prix Nobel, Stockholm, Suède.

<Милостивый государь,
я подтверждаю получение Вашего письма от 9 января 1933 года вместе с чеком на сумму 1500 лир, за который я Вас благодарю.

⁵³ Ср. ASGE FB 87.7. Письмо Бемпорада к Мережковскому от 9 января 1933 г.

⁵⁴ Кандидатура Мережковского на Нобелевскую премию по литературе выдвигалась в 1914, 1915, 1930, 1931 и 1932 гг. Ср. об этом: *Marčenko T.* Russische Schriftsteller und der Literaturnobelpreis (1901–1955). Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 2007. S. 110–195. В статье-интервью, опубликованной во французской газете «Пари-суар» («Paris-soir». 1932, 7 novembre. P. 3) за неделю перед церемонией награждения, журналист сообщил Мережковскому, что, вероятно, Нобелевскую премию по литературе на 1932 г. присудят именно ему, а тот ответил, что он не в курсе такой новости, но надеется на то, что премию получит какой-нибудь другой русский писатель, как Бунин или Куприн. См. *Строев А.* Литературные судьбы русских писателей во Франции. М.: Литфакт, 2023. С. 104–105. Мережковский пишет Бемпораду с просьбой о рекомендации сразу после того, как премию на 1932 г. присудили английскому писателю Джону Голсуорси (1867–1933), а на 1933 г. – Бунину. После этого события у Мережковского уже не могло быть надежды на то, чтобы наградили еще раз одного из русских писателей.

У меня к Вам большая просьба: Вы наверняка помните, что я был первым кандидатом на Нобелевскую премию 1932 года. Не могли бы вы порекомендовать меня в Академию, литературное или научное сообщество или какому-нибудь академику, который мог бы выдвинуть мою кандидатуру в этом году? Я был бы Вам очень признателен, это, кстати, могло бы иметь важное значение для издания моей книги в Италии.

Но необходимо поспешить, поскольку кандидаты должны быть представлены уже в январе.

Вы ничего не пишете мне об «Иисусе Неизвестном». Какая самая вероятная дата его публикации?

Д. Мережковский

P.S. чтобы выдвинуть кандидатов, вы должны написать в Шведскую академию, отделение Нобелевской премии, Стокгольм, Швеция.>

2. Бемпорад – Мережковскому. 17 января 1933 г.

17 janvier 1933
B/ef M. Dimitri Merejkowskij
PARIS

Cher Maître

A votre hon[orable] lettre 11 courant.

J'aurais été très heureux de pouvoir satisfaire votre juste désir pour une recommandation pour l'académie Suédoise pour le prix Nobel, dont vous êtes digne. Mais vous comprenez bien que l'Académie d'Italie et les autres Académies littéraires et scientifiques italiennes ne pourront jamais recommander un écrivain étranger. Il ha à <sic> plusieurs auteurs italiens qui aspirent à ce prix (Pirandello⁵⁵, Papini⁵⁶, etc.) et les Sociétés italiennes ne recommanderons que ceux-ci. La même chose est pour les membres de notre Gouvernement qui sont déjà engagés pour un auteur italien. Et c'est naturel.

Je vous prie donc de m'excuser si je ne puis rien faire à ce propos; je serai néanmoins très content si vous réussirez à obtenir ce grand Prix que vous méritez bien et qui pourra favoriser la vente de vos livres aussi en Italie.

"Jesus l'inconnu" est complètement traduit par Mr. Poggioli et la composition du volume à demi faite. Je compte de publier ce livre pour la fin de Mais prochain.

Agréez mes meilleurs salutations et tous mes souhaits.

<Дорогой мэтр,

в ответ на Ваше любезное письмо от 11 числа текущего месяца сообщаю следующее.

Я был бы очень рад, если бы смог удовлетворить Вашу просьбу о получении рекомендации в Шведскую академию на соискание Нобелевской премии, которой Вы достойны. Но Вы, надеюсь, понимаете, что Итальянская академия и другие итальянские литературные и научные сообщества никогда не смогут выдвинуть в номинанты иностранного писателя. Есть несколько итальянских авторов, претендующих на эту премию (Пиранделло, Папини и т.д.), и итальянские институции будут подвигать только их. То же самое относится и к нашему

⁵⁵ Луиджи Пиранделло (Luigi Pirandello, 1867–1936) был награжден Нобелевской премией по литературе в 1934 г.

⁵⁶ Джованни Папини был кандидатом на Нобелевскую премию в 1955 г., но получил ее исландский писатель Хальдоур Кильян Лакнесс (Halldór Kiljan Laxness, 1902–1998). Ср. *Tiozzo E.* Papini a Stoccolma. Guerra fredda e criteri letterari dall'Archivio dell'Accademia di Svezia // Belfagor. Vol. 61. № 6 (30 novembre 2006). P. 633–648.

правительству, члены которого уже должны поручиться за итальянского автора. И это в порядке вещей.

Поэтому я прошу Вас извинить меня, если я ничего не могу с этим сделать; тем не менее я буду очень рад, если Вам удастся получить эту крупную премию, которую Вы вполне заслуживаете. Она также может способствовать продаже Ваших книг и в Италии.

«Иисус Неизвестный» полностью переведен господином Поджоли, а сам том композиционно завершен наполовину. Я планирую опубликовать эту книгу к концу марта этого года. Примите мои наилучшие пожелания.>

3. Мережковский – Бемпорату. 5 июля 1933 г.

11 bis, Avenue du Colonel Bonnet, Paris 16e
5-VII-33

Cher Monsieur,

Je n'ai pas encore reçu les exemplaires de "Jesus l'Inconnu", que vous m'avez promis il y a quelques temps. Je vous serais reconnaissant de vouloir bien m'en faire parvenir deux ou trois.

Je vois serais également reconnaissant de me faire savoir si je puis remettre un exemplaire dédié <sic!> de "Jesus" à Mussolini par votre intermédiaire avec une lettre⁵⁷.

Veillez agréer, cher Monsieur, l'expression de mes sentiments très distingués.

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,
я еще не получил от Вас обещанные мне некоторое время назад экземпляры «Иисуса Неизвестного». Я был бы признателен, если бы Вы прислали мне их в количестве двух-трех штук.

Я был бы Вам также признателен, если бы Вы дали мне знать, могу ли я передать Муссолини подписанный экземпляр «Иисуса» через Вас вместе с письмом.

Пожалуйста, примите, дорогой друг, мои самые добрые пожелания.

Д. Мережковский>

4. Бемпорад – Мережковскому. 10 августа 1933 г.

10 Aout 1933

V/ef

M. Dimitri Merejkowskij

11 bis avenue du Colonel Bonnet

PARIS

Cher Maître,

M. Renato Poggioli, évidemment malade de néurasthénie <sic!>, ne nous rends pas les épreuves d'imprimerie de la traduction de votre "Jésus" qui sont prêtes environ depuis deux mois. Voilà la raison du retard. Nous espérons <sic!> de pouvoir publier le volume dans le mois de septembre.

Bien volontier <sic!> nous nous chargerons de remettre un exemplaire de l'ouvrage à M. Mussolini avec une lettre de votre part.

Agréer, Cher Maître, nos meilleurs salutations.

<Дорогой мэтр,

г-н Ренато Поджоли, к сожалению, явно страдающий неврастенией, не возвращает нам типографские корректуры перевода вашего «Иисуса», которые вот уже два месяца как готовы. Вот в чем причина задержки. Мы надеемся, что сможем опубликовать этот том в сентябре месяце.

⁵⁷ О письмах Мережковского к Муссолини см. выше сноску 21.

Мы готовы позаботиться о том, чтобы вручить г-ну Муссолини экземпляр книги вместе с письмом от Вас.

Примите, дорогой мэтр, наши наилучшие пожелания.>

5. Мережковский – Бемпорату. 10 ноября 1933 г.

11 bis, Avenue du Colonel Bonnet, Paris 16e
10-XI-33

Cher Monsieur,

Je vous accuse reception <sic!> du chèque montant de £ 1416,65, dont je vous remercie.

Je vous serais très reconnaissant de bien vouloir m'envoyer quelques exemplaires de "Jesus l'Inconnu", dont un pour Mr. Mussolini que je vous retournerais avec une dédicasse <sic!>. Je vous prie également de me faire savoir quel serait le titre exacte <sic!> de Mr. Mussolini pour l'adresse de la lettre et la dédicasse <sic!>.

Veillez agréer, cher Monsieur, l'expression de mes sentiments les meilleurs.

D. Merejkowskij

<Милостивый государь,
я получил от Вас чек на сумму 1416,65 лир, за что Вам очень признателен.

Я был бы благодарен, если бы Вы прислали мне несколько экземпляров «Иисуса Неизвестного», в том числе один для г-на Муссолини, который я бы вернул Вам со своим автографом. Я также прошу Вас сообщить мне точный титул господина Муссолини, чтобы я мог подобающим образом обратиться к нему в письме, сопровождающем подписанный экземпляр книги.

С наилучшими пожеланиями

Д. Мережковский>

6. Сотрудники Бемпорада – Мережковскому. 23 ноября 1933 г.

23 novembre 1933

V/ef

M. Dimitri Merejkowskij

11 bis avenue du Colonel Bonnet

PARIS

Cher Maître,

À votre lettre 10 courant.

Aussitôt que "Jésus inconnu" sera prêt, nous vous en enverrons quelques exemplaires, dont un avec reliure spéciale pour Mr. Mussolini que notre Mr. Bemporad remettra directement pour votre compte au Duce, avec votre dédicace. Il faut qualifier Mr. Mussolini comme "premier Ministre et Chef du Gouvernement" ou plus simplement "Duce del Popolo Italiano".

Agréer, cher Maître, nos salutations cordiales.

<Дорогой мэтр,

В ответ на Ваше письмо от 10 числа текущего месяца сообщаю следующее.

Как только «Иисус неизвестный» будет готов, мы вышлем вам несколько экземпляров, в том числе один в специальном переплете для господина Муссолини, который наш господин Бемпорад передаст непосредственно Дуче от Вашего имени с автографом. К господину Муссолини следует обращаться как к «премьер-министру и главе правительства» или, проще говоря, как к Дуче народа Италии.

Примите, дорогой мэтр, наши сердечные пожелания.>

7. Сотрудники Бемпорада – Мережковскому. 15 декабря 1933 г.

15 decembre 1933

B/ef

M. Dimitri Merejkowskij

11 bis avenue du Colonel Bonnet

PARIS

Cher Maître,

Ayez patience, cher Maître, nous faisons le possible pour être exacts, mais les difficultés tous les jours deviennent plus grandes.

N'ayant pas pu encore encaisser des importantes sommes, nous sommes obligés à <sic!> vous prier d'attendre une dizaine de jours pour le dernier versement.

Nous avons l'honneur de vous expedier <sic!> ce jour même deux exemplaires de "Gesù sconosciuto"; un exemplaire avec la reliure d'éditeur <sic!>, l'autre exemplaire en feuilles, afin que vous puissiez, si vous le croyez nécessaire, faire exécuter un reliure spéciale pour M. Mussolini, et y faire une dédicasse.

Nous sommes à votre disposition si vous croyez de faire parvenir à M. Mussolini cet exemplaire par notre entremise. Agréez nos salutations empressées.

<Дорогой мэтр,

Проявите терпение, мы делаем все возможное, чтобы все сделать в соответствии с нашими договоренностями, но с каждым днем трудностей становится все больше.

Поскольку мы еще не смогли обналичить крупные суммы, мы вынуждены просить Вас подождать около десяти дней до последнего платежа.

Имеем честь выслать Вам сегодня же два экземпляра «Иисуса Неизвестного»; один экземпляр в издательском переплете, другой экземпляр – в виде рукописи, чтобы Вы могли, если сочтете это необходимым, заказать специальный переплет для господина Муссолини и вложить в него автограф.

Мы в вашем распоряжении, если Вы решите отправить этот экземпляр господину Муссолини через нас.

Примите наши искренние пожелания.>

8. Бемпорад – Мережковскому. 26 января 1934 г.

26 janvier 1934

Récommandées

B/ef

M. Dimitri Merejkowskij

11 bis avenue du Colonel Bonnet

PARIS

Cher Maître,

En reponse à votre lettre du 20 courant.

Je vous remets ci-inclus chèque sur la Banca Commerciale italiana N. 022245/11 A per £. 1416,70 pour solde de votre avoir deuxième volume de "Jésus", et je vous prie de me renvoyer le reçu ci-inclus avec votre signature.

Je vous prie de me dire si vous avez envoyé à M. Mussolini "Gesù sconosciuto" et s'il vous a répondu <sic!>.

Nous avons déjà 2 ou 3 comptes-rendu de la presse italienne⁵⁸.

Dans quelques jours peut-être le "Corriere della Sera" publiera un article sur votre livre, par le soins de M[onsieur] Manacorda⁵⁹.

Agréez, cher Maître, mes salutations distinguées.

<Дорогой мэтр,

Отвечая на Ваше письмо от 20 числа текущего месяца, сообщаю следующее.

Я вручаю Вам прилагаемый чек № 022245/11 в Итальянский коммерческий банк на сумму 1416,70 лир в качестве окончательного расчета за второй том «Иисуса» и прошу Вас вернуть мне прилагаемую квитанцию с Вашей подписью.

Пожалуйста, сообщите мне, послали ли Вы господину Муссолини «Иисуса» и последовал ли от него ответ.

У нас уже есть 2 или 3 вырезки из итальянской прессы.

Возможно, через несколько дней «Вечерний вестник» опубликует статью о Вашей книге, написанную господином Манакорда.

Примите, дорогой мэтр, мои искренние пожелания.>

9. Мережковский – Бемпораду. 6 февраля 1934 г.

11 bis avenue du Colonel Bonnet

PARIS

6-II-34

Cher Monsieur,

Çi-jointe une lettre à M. Mussolini que je vous prie de vouloir bien lui faire parvenir ou, ci qui serait certainement plus efficace, la lui transmettre personnellement, si vous en aviez l'occasion. Je vous envoie également par le même courrier un exemplaire dédicassé <sic!> de "Jesus l'Inconnu" que je vous prie de joindre à ma lettre.

Je vous serais très reconnaissant de me tenir au courant de vos démarches auprès de M. Mussolini et de me faire savoir si ma demande a trouvée <sic!> bon accueil.

En vous remerciant de votre aimabilité je vous prie, cher Monsieur, d'agréer <sic!> l'expression de mes sentiments les meilleurs.

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

прилагаю письмо к господину Муссолини, которое я прошу Вас отправить ему или, что, безусловно, было бы лучше, передать лично, если у Вас будет такая возможность. Я также посылаю Вам с этим письмом экземпляр «Иисуса Неизвестного» с автографом, который я прошу Вас приложить к моему письму.

Я был бы очень признателен, если бы Вы держали меня в курсе Ваших действий в отношении господина Муссолини и дали мне знать, удалось ли выполнить мою просьбу.

Выражая благодарность за вашу доброту, я прошу Вас, дорогой друг, принять мои наилучшие пожелания.>

10. Бемпорад – Мережковскому. 12 февраля 1934 г.

12 février 1934

B/ef

M. Dimitri Merejkowskij

11 bis Avenue du Colonel Bonnet

PARIS

Cher Maître,

⁵⁸ На данный момент нам не удалось отыскать отзывов на эту книгу в итальянских периодических изданиях того времени.

⁵⁹ В выпусках газеты "Corriere della Sera" за те месяцы не помещалось никакой статьи Манакорды о Мережковском.

J'ai bien reçu votre lettre du 6 courant contenant la lettre pour Mr. Mussolini, et j'ai reçu aussi l'exemplaire de "Gesù Sconosciuto" avec la dédicace. J'ai disposé pour faire tout parvenir dans les mains du Duce les plus tôt possible. Vous recevrez certainement une réponse. Pour que votre demande aie probabilité d'être accueillié <sic!>, il est nécessaire <sic!> qu'elle ne soit pas recommandée <sic!> par moi, parce-que dans ce cas ont pourrait coire <sic!> à une entente entre vous et moi que n'existe pas. Mr. Mussolini est généreux <sic!> vers les auteurs et je crois que vous pouvez espérer <sic!> une réponse <sic!> favorable.

Agréez, cher Maître, mes salutations bien cordiales.

<Дорогой мэтр,

Я получил Ваше письмо от 6 числа, содержащее письмо для г-на Муссолини, и я также получил экземпляр «Иисуса Неизвестного» с автографом. Я распорядился, чтобы все было передано в руки Дуче как можно скорее. Чтобы Ваша просьба имела большую вероятность быть удовлетворенной, необходимо, чтобы рекомендация исходила не от меня, потому что в этом случае можно было бы предположить соглашение между Вами и мной, чего на самом деле нет. Вы обязательно получите ответ. Господин Муссолини великодушен по отношению к авторам, и я считаю, что вы можете ожидать благоприятный ответ.

Примите, дорогой мэтр, мои самые сердечные пожелания.>

11. Бемпорад — Мережковскому. 16 марта 1934 г.

16 mars 1934

B/ef

M. Dimitri Merejkowskij

11 bis avenue du Colonel Bonnet

PARIS

Cher Maître,

Je m'empresse de répondre <sic!> à votre lettre du 7 courant. Je prends bonne note de votre conseil de faire paraître "Jésus l'inconnu" en 3 volumes⁶⁰. Pour le titre en italien je mettrai à la premier partie du Vol. II "L'avvento di Cristo" et à la deuxième partie "La passione".

Je puis vous affirmer que la lettre et le volume que vous avez adressés à M. Mussolini sont dûment parvenus dans ses mains. Je crois que la réponse est retardée par le fait qu'on doit chercher le moyen de vous satisfaire, ce qui n'est pas très facile du point de vue de la bureaucratie <sic!>.

Agrées <sic!>, cher Maître, mes salutations empressées.

<Дорогой мэтр,

Спешу ответить на Ваше письмо от 7 числа текущего месяца. Я принимаю к сведению Ваш совет издать «Иисуса Неизвестного» в 3-х томах. Что касается названия на итальянском, я помещу в первую часть второго тома "L'avvento di Cristo", а во вторую — "La passione".

Я могу заверить Вас, что письмо и том, которые Вы отправили господину Муссолини, должным образом оказались у него. Я считаю, что ответ откладывается из-за бюрократии. Примите, дорогой мэтр, мои искренние пожелания.>

12. Мережковский — Бемпораду. 25 октября 1934 г.

11 bis av. du Colonel Bonnet

PARIS (XVI)

⁶⁰ Кроме "Gesù sconosciuto" издательство Бемпорад, после того как его переименовали в Мардзокко, опубликовало также: La missione di Gesù / Traduzione di Renato Poggioli. Firenze: Marzocco, 1937.

25 Octobre 1934

Cher Monsieur,

J'espère que vous ne m'avez pas tout à fait oublié.

En réponse <sic!> à ma lettre d'il y a 9–10 mois Il Duce a donné l'ordre à l'Ambassade d'Italie en France de mettre à ma disposition 5.000 lire pour un voyage en Italie.

Je vous serais infiment <sic!> reconnaissant de m'envoyer avant mon départ (*dans les tous premiers jours de Novembre*) deux exemplaires de "Napoléon"⁶¹ et deux exemplaires de "Jesus l'Inconnu" pour présenter ces ouvrages aux personnes influentes qui pourraient me solliciter une audience auprès de Monsieur Mussolini.

Si vous pouviez me donner quelques bons conseils ou me mettre en relation avec des personnes qui pourraient me faciliter cette audiences <sic!>, je vous en serais également reconnaissant.

Quad le II v. de "Jesus" va-t-il paraître.

Je vous prie, cher Monsieur, de croire à mes sentiments les meilleurs

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

я надеюсь, что Вы не совсем забыли меня.

В ответ на мое письмо 9–10 месячной давности Дуче отдал распоряжение итальянскому посольству во Франции предоставить в мое распоряжение 5000 лир для поездки в Италию.

Я был бы Вам чрезвычайно признателен, если бы Вы прислали мне до моего отъезда (в первых числах ноября) два экземпляра «Наполеона» и два экземпляра «Иисуса Неизвестного», чтобы показать эти работы влиятельным людям, которые могли бы попросить за меня об аудиенции у господина Муссолини.

Если бы Вы могли дать мне несколько полезных советов или познакомить меня с людьми, которые могли бы мне организовать аудиенцию, я также был бы Вам признателен.

Выйдет ли второй том «Иисуса»?

С наилучшими пожеланиями,

Д. Мережковский>

13. Бемпорад — Мережковскому. 29 октября 1934 г.

29 octobre 1934

Segreteria B/ef

M. Dimitri Merejkowskij

PARIS

Cher Maître,

J'ai bien reçu votre lettre du 25 courant et je m'empresse de vous faire savoir que la traduction du deuxième volume de "Jésus" est en cours par les soins de Mr. Prof. Poggioli qui se trouve à present <sic!> à Prague⁶². J'espère que la traduction sera prête pour la fin de Novembre, et que l'on pourra commencer à l'imprimer en Décembre.

Je suis très content de savoir que le Duce a mis à votre disposition 5000 lire pour votre voyage en Italie. Comme vous voyez mes previsions <sic!> se sont réalisées et je crois que ce succès est du <sic!> un peu aussi aux bons offices

⁶¹ Имеется в виду издание: Napoleone: l'uomo, la sua vita e la sua storia / Traduzione di Raissa Olkienizkaia Naldi. Firenze: Bemporad, 1931 (переиздано также в 1933 г.).

⁶² Ср. Примеч. 13 в Предисловии. Поджолы действительно находился в то время в Праге, где служил секретарем в Институте итальянской культуры (см. *Béghin L. Un comparatista slavista sotto il fascismo: gli anni di formazione di Renato di Poggioli (1928–1838)*, P. 397–398).

de Mr. Sebastiani⁶³ auquel j'avais parlé de la chose. Je vous envoie, selon votre désir deux exemplaires <sic!> de Napoléon et deux exemplaires de "Jésus inconnu".

J'espère que j'aurais le plaisir de vous voir bientôt à Florence et en attendant de vous présente mes salutations les meilleurs.

<Дорогой мэтр,

Я получил Ваше письмо от 25 числа текущего месяца и спешу сообщить, что перевод второго тома «Иисуса» находится на стадии подготовки господином профессором Поджоли, который находится в настоящее время в Праге. Я надеюсь, что перевод будет готов к концу ноября и что мы сможем отдать его в печать в декабре.

Я очень рад узнать, что Дуче предоставил в Ваше распоряжение 5000 лир на поездку в Италию. Как видите, сбылись мои прогнозы, и я считаю, что этот успех отчасти также обусловлен услугой, оказанной нам господином Себастьяни, с которым я говорил об этом. Я высылаю Вам два экземпляра «Наполеона» и столько же «Иисуса Неизвестного».

Я надеюсь, что буду рад вскоре увидеть Вас во Флоренции, а пока передаю Вам свои наилучшие пожелания.>

14. Мережковский – Бемпорату. 4 декабря 1934 г.

Via Lombardia, 47
Hôtel Boston
Roma
4 Décembre 1934

Cher Monsieur,

Je suis vraiment désolé de ne pouvoir venir à Florence, étant <sic!> obligé pour le faire de sacrifier plus que la moitié <sic!> de mes billets de retour. J'en suis désolé d'autant plus que j'avais l'intention de vous parler de mon nouvel ouvrage "Saint-François d'Assise et le Problème Social". C'est une "vie romantisée" <sic!> de Saint-François et en même temps un tableau historique du grand mouvement religieux <sic!> et social du XIII-e siècle. Les prolégomena de cette vie sont deux études sur Saint-Paul et Saint-Augustin (également, des "vies romantisées" <sic!>)⁶⁴.

Ce volume que je viens de terminer en texte russe, est de la même grandeur que le I-e volume de "Gesù Sconosciuto", c'est à dire environ 350 pages.

Voulez-vous l'éditer <sic!> aux mêmes conditions que "Gesù"? Si oui repondez-moi <sic!> par télégramme pour que je ne traite pas avec d'autres éditeurs dont je prévois les propositions [...] mon audience chez Il Duce.

C'est aujourd'hui, le 4 Décembre, à 6 h.h. <sic!>, que j'aurai cette audience pour lui parler de mon ouvrage sur Saint-François ainsi que d'un autre, sur Dante (dont le titre possible serait "Dante et Mussolini") que j'ai l'intention de faire.

Je reste à Rome jusqu'à Samedi prochain, 8 Décembre (train express, Rome-Paris, midi) et j'espère avoir votre réponse <sic!> avant mon départ.

Je vous prie, cher Monsieur, de croire à mes sentiments les meilleurs

D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

мне очень жаль, что я не смогу приехать во Флоренцию, так как был бы вынужден для этого пожертвовать

⁶³ Ср. Предисловие.

⁶⁴ Жизнеописания трех святых были опубликованы в едином томе издательством Мондадори: Tre santi: Paolo, Agostino, Francesco d'Assisi / Traduzione di Laura Malavasi. Milano: Mondadori, 1936.

более чем половиной стоимости обратных билетов. Я сожалею об этом тем более, что намеревался рассказать Вам о своей новой работе «Святой Франциск Ассизский и общественная проблематика». Это «романтизированная жизнь» Святого Франциска и в то же время историческая картина великого религиозного и общественного движения XIII века. Прологомены этой жизни – это два исследования о Святом Павле и Святом Августине (так же в жанре романтизированной биографии).

Этот том, который я только что закончил по-русски, имеет такой же объем, что и первый том «Иисуса Неизвестного», около 350 страниц.

Вы хотите отредактировать его на тех же условиях, что и «Иисуса»? Если да, обозначьте это в письме, чтобы я не договаривался с другими издателями, предложения которых я ожидаю [...] моей аудиейции у дуче.

Именно сегодня, 4 декабря, в 6 часов вечера у меня будет эта аудиенция, чтобы обсудить с Дуче мою работу о Святом Франциске, а также другую, о Данте (возможное название которой будет «Данте и Муссолини»), которую я намерен написать.

Я остаюсь в Риме до следующей субботы, 8 декабря (уезжаю экспрессом Рим-Париж в полдень) и надеюсь получить Ваш ответ до моего отъезда.

С наилучшими пожеланиями,
Д. Мережковский>

15. Бемпорат – Мережковскому. 5 декабря 1934 г.

5 decembre 1934
Raccomandata
V/ef M. Dimitri Merejkowskij
Via Lombardia, 47
ROMA

Cher Maître,

J'ai le plaisir de vous accuser reception <sic!> de votre lettre 4 courant et je vous adresse tous mes compliments pour l'audience que vous avez obtenu du Duce.

De la part aussi de mes associés, je vous remercie pour l'offre de l'édition de votre nouveau ouvrage aux conditions que vous m'avez offertes et je vous confirme à ce propos le télégramme <sic!> que je vous ai envoyé: "Acceptons édition Saint-François d'Assise mêmes conditions Gesù Sconosciuto conformément votre offre. Ecrivons. Salutations Remerciements."⁶⁵

Sous ce même pli je vous envoie deux exemplaires du contrat régulièrement <sic!> signé par nous et je vous prie de m'en envoyer un exemplaire avec votre signature.

Je vous prie aussi de réserver à notre Maison l'option pour votre future ouvrage sur "Dante" et j'aimerai bien vous lire à ce propos.

Je regrette vivement de ne pas avoir eût l'occasion de vous serrer la main et je vous envoie l'expression de mes sentiments cordiales.

<Дорогой мэтр,

Я подтверждаю получение Вашего письма от 4 числа текущего месяца и выражаю Вам свою радость в связи с предстоящей аудиенцией у Дуче.

От имени моих коллег я также благодарю Вас за предложение издать Вашу новую работу на предложенных Вами условиях и дублирую содержание телеграммы, которую я Вам отправил: «Давайте примем издание "Франциска Ассизского" на тех же условиях, что и "Иисуса Неизвестного" в соответствии с Вашим

⁶⁵ Телеграмма не сохранилась.

предложением. Подробности письмом. С уважением, спасибо».

В этом же письме я отправляю две копии подписываемого нами стандартного договора и прошу Вас прислать мне копию с вашей подписью.

Я также прошу Вас отложить для нашего издательства опцион на Вашу будущую работу о Данте, и я с удовольствием ознакомлюсь с ним.

Я очень сожалею, что у меня не было возможности позвать Вам руку, и посылаю Вам свои самые сердечные пожелания.>

16. Мережковский — Бемпораду. 9 декабря 1934 г.

9 Décembre 1934

Roma Hôtel Boston

Cher Monsieur,

hier, je vous ai télégraphié mes regrets d'avoir manqué l'entrevue avec vous⁶⁶. Je pars à l'instant à Paris et je m'empresse de vous écrire <sic!>.

Je vous remercie bien du bon accueil que vous avez fait à mon livre et je regrette infiniment de ne pouvoir vous renvoyer le contrat signé. Il y a à cela deux difficultés importantes et inattendues <sic!> pour moi. La première c'est la clause concernant l'option pour "Dante": il me serait absolument impossible de faire les mêmes conditions pour cet ouvrage que pour "Jesus" et ne sachant si vous pourriez accepter d'autres conditions, je préfère garder toute ma liberté pour ce livre.

La seconde difficulté, encore plus inattendue <sic!> pour moi et beaucoup plus importante, c'est qu'à l'audience chez Il Duce, il a eu la bonté charmante et qui m'a profondément <sic!> touché, d'exprimer le désir de s'occuper personnellement du placement chez un éditeur de mon ouvrage sur Saint-François d'Assise. J'espère <sic!> que vous comprendrez bien que je ne pouvais pas lui faire des objections et que je n'avais qu'à m'incliner devant sa volonté; j'espère <sic!> aussi que vous ne m'en voudrez pas trop, d'autant plus que je puis vous promettre dès maintenant de faire tout mon possible pour vous garder l'édition <sic!> de "Dante" et si vous le voulez bien, nous en reparlerons au printemps quand je ferai un séjour prolongé à Florence⁶⁷.

Je vous remercie encore une fois, cher Monsieur, de tante votre bonté et je vous prie de croire à mes sentiments les meilleurs
D. Merejkovsky

<Милостивый государь,

вчера я написал Вам о своих сожалениях по поводу того, что пропустил встречу с Вами. Я сейчас уезжаю в Париж и спешу сообщить Вам об этом.

Я благодарен Вам за хороший отзыв о моей книге и очень сожалею, что не могу вернуть Вам подписанный контракт. В этом есть две важные и неожиданные для меня трудности.

Во-первых, это касается опциона на «Данте»: я был бы не в состоянии работать с книгой на тех же условиях, что и с «Иисусом», и, не зная, согласитесь ли вы на другие условия, я предпочел бы сохранить за этой книгой полную свободу действий.

Вторая трудность, еще более неочевидная для меня и гораздо более важная, заключается в том, что на обозначенной в предыдущих письмах аудиенции Дуче продемонстрировал свое расположение, которое глубоко тронуло меня, выразив желание лично

позаботиться о том, чтобы «Франциск Ассизский» как можно быстрее оказался у издателей. Я надеюсь, Вы поймете, что я не мог возражать ему и что мне оставалось только подчиниться его воле; я также надеюсь, что Вы не будете сильно на меня сердиться, тем более что я могу пообещать Вам прямо сейчас приложить все усилия, чтобы оставить Вам издание «Данте», и, если Вы не возражаете, мы поговорим об этом весной, когда я надолго приеду во Флоренцию.

Я еще раз благодарю Вас, дорогой друг, за вашу доброту и прошу принять мои наилучшие пожелания,
Д. Мережковский>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / Ред.-сост. А. д'Амелия, Д. Рици. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 863 с.
2. Dizionario biografico degli Italiani. [Электронный ресурс:] <https://www.treccani.it/enciclopedia/>
3. Paggi e Bemporad editori per la scuola: libri per leggere, scrivere e far di conto / A cura di C.I. Salviati. Firenze: Giunti, 2007.
4. *Tranfaglia N., Vittoria A.* Storia degli editori italiani. Bari: Editori Laterza, 2000.
5. *Ларокка Дж.* Эрнесто Кодиньола и русские в Италии: к истории отношений // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940). Salerno: Europa Orientalis, 2015. С. 277–306.
6. *Larocca G.* L'aquila bicipite e il tenero iris. Tracce russe a Firenze nel primo Novecento (1899–1939). Pisa: Pisa University Press, 2018.
7. *Barfucci E.* Il libro delle consolazioni. Firenze: Bemporad, 1926 (переизд. в 1932).
8. *Джулиано Дж.* Рецепция личности и творчества Д.С. Мережковского в Италии в первой половине XX века // Toronto Slavic Quarterly. Summer 2016. № 57. С. 301–319.
9. *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München: W. Fink, 1972.
10. *Пахмусс Т.* Страницы из прошлого: Из переписки Зинаиды Гиппиус. Frankfurt/M.; Berlin: Peter Lang, 2003.
11. *Полонский В.В.* Отношения писателя с властью в контексте модернизирования ереси: Д.С. Мережковский и Б. Муссолини // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ. Материалы. 2001 г. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 352–357.
12. *Полонский В.В.* Д.С. Мережковский — писатель и политик // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 5. М.: Наука, 2008. С. 353–364.
13. *Джулиано Дж.* Русские при «дворе» Муссолини // Персонажи в поиске автора: Жизнь русских в Италии XX века. М.: Русский Путь, 2011. С. 286–294.

⁶⁶ Ср. телеграмму Мережковского к Бемпораду от 8 декабря 1934 г. (ASGE FB 87.7).

⁶⁷ Мережковский возвратился в Италию весной 1936 г.

14. Луцевич Л. Лицом к лицу. Две встречи // Toronto Slavic Quarterly. Summer 2016. № 57. С. 49–61.
15. Винокурова И. Мережковский и Муссолини: к истории взаимоотношений // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 274–287.
16. Béghin L. Emigrazione russa e editoria italiana fra le due guerre: l'esempio della casa editrice torinese "Slavia" // Русско-итальянский архив V. Русские в Италии / A cura di A. d'Amelia e C. Diddi. Salerno: Europa Orientalis, 2009. P. 291–302.
17. Roghi V. Il dibattito sul diritto d'autore e la proprietà intellettuale nell'Italia fascista // Studi storici. 2007. № 1. P. 203–240.
9. Pachmuss, T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. München: W. Fink, 1972.
10. Pahmuss, T. *Stranicy iz proshlogo: Iz perepiski Zinaidy Gippius* [Pages from the Past: From the Correspondence of Zinaida Gippius]. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang Publ., 2003. (In Russ.)
11. Polonskiy, V.V. *Otnosheniya pisatelya s vlastyu v kontekste modernizirovaniya eresi: D.S. Merezhkovskij i B. Mussolini* [The Writer's Relations with the Authorities in the Context of the Modernization of Heresy: D.S. Merezhkovsky and B. Mussolini]. *Ezhegodnaya Bogoslovskaya konferenciya PSTBI. Materialy. 2001 g.* [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Theological Institute. Materials. 2001]. Moscow: Izd-vo PSTBI Publ., 2001, pp. 352–357. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoj polovine XX veka. Enciklopediya. Red.-sost. A. d'Ameliya, D. Ricci* [The Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century. Encyclopedia. Ed.-comp. A. d'Amelia, D. Rizzi]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2019. 863 p. (In Russ.)
2. Dizionario biografico degli Italiani. [Electronic Resource] <https://www.treccani.it/enciclopedia/>
3. Paggi e Bemporad editori per la scuola: libri per leggere, scrivere e far di conto A cura di C.I. Salviati. Firenze: Giunti, 2007. (In Italian)
4. Tranfaglia, N., Vittoria A. *Storia degli editori italiani*. Bari: Editori Laterza, 2000. (In Italian)
5. Larocca, G. *Ernesto Codignola i russkie v Italii: k istorii otnoshenij* [Ernesto Codignola and the Russians in Italy: Towards the History of Relations]. *Russkaya emigraciya v Italii: zhurnaly, izdaniya i arhivy (1900–1940)* [Russian Emigration in Italy: Magazines, Publications and Archives (1900–1940)]. Salerno: Europa Orientalis Publ., 2015, pp. 277–306. (In Russ.)
6. Larocca, G. *L'aquila bicipite e il tenero iris. Tracce russe a Firenze nel primo Novecento (1899–1939)*. Pisa: Pisa University Press, 2018. (In Italian)
7. Barfucci, E. *Il libro delle consolazioni*. Firenze: Bemporad, 1926 (Reissue of 1932). (In Italian)
8. Giuliano, G. *Receptiya lichnosti i tvorchestva D.S. Merezhkovskogo v Italii v pervoj polovine XX veka* [Reception of D.S. Merezhkovsky's Personality and Creativity in Italy in the First Half of the 20th Century]. Toronto Slavic Quarterly. Summer 2016, No. 57, pp. 301–319. (In Russ.)
12. Polonskiy, V.V. *D.S. Merezhkovskij – pisatel i politik* [D.S. Merezhkovsky – Writer and Politician]. *Vestnik istorii, literatury i iskusstva. T. 5* [Bulletin of History, Literature and Art. Vol. 5]. Moscow: Nauka Publ., 2008, pp. 353–364. (In Russ.)
13. Giuliano, G. *Russkie pri "dvore" Mussolini* [Russians at Mussolini's "Court"]. *Personazhi v poiske avtora: Zhizn russkih v Italii XX veka* [Characters in Search of the Author: The Life of Russians in Italy of the 20th Century]. Moscow: Russkij Put Publ., 2011, pp. 286–294. (In Russ.)
14. Lucevich, L. *Licom k licu. Dve vstrechi* [Face to Face. Two Meetings]. Toronto Slavic Quarterly. Summer 2016, No. 57, pp. 49–61. (In Russ.)
15. Vinokurova, I. *Merezhkovskij i Mussolini: k istorii vzaimootnoshenij* [Merezhkovsky and Mussolini: Towards the History of Relations]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2001, No. 2, pp. 274–287. (In Russ.)
16. Béghin, L. *Emigrazione russa e editoria italiana fra le due guerre: l'esempio della casa editrice torinese "Slavia"*. *Russko-italyanskij arhiv V. Russkie v Italii* [Russian-Italian Archive V. Russians in Italy]. A cura di A. d'Amelia e C. Diddi. Salerno: Europa Orientalis Publ., 2009, pp. 291–302. (In Italian)
17. Roghi, V. *Il dibattito sul diritto d'autore e la proprietà intellettuale nell'Italia fascista*. Studi storici. 2007. No. 1, pp. 203–240. (In Italian)

Дата поступления материала в редакцию: 12 ноября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 января 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.
Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on November 12, 2023
Revised on January 7, 2024
Accepted on February 15, 2024
Date of publication: April 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020049

Характер и типы прагматической информации о слове и ее представление в толковом словаре

© 2024 г. Е. В. Какорина

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
kakor@yandex.ru

Резюме. Современные лексикографы стремятся к возможно более полному и интегральному описанию языка, учету разнообразных (семантических, сочетаемостных, прагматических) характеристик слова. Термины *прагматика*, *прагматическая информация* многозначны. Они понимаются и как сведения о социальных и ситуативных условиях употребления слова в речи, как информация историко-культурного характера, связанная с жизнью слова в узусе той или иной эпохи, и как определенный компонент значения слова. В статье обсуждаются способы представления *прагматической информации* при описании различных категорий слов в «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРР). Ставятся проблемы лексикографического отражения разнотипных явлений, входящих в сферу прагматики. На примере ТСРР демонстрируются возможности использования разноаспектной *прагматической информации* в словаре.

Ключевые слова: прагматика, прагматическая информация, лексикография, разговорная речь, оценочная лексика, коммуникативы.

Для цитирования: Какорина Е.В. Характер и типы прагматической информации о слове и ее представление в толковом словаре // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 47–62. DOI: 10.31857/S1605788024020049

The Nature and Types of Pragmatic Information About the Word and Its Presentation in the Explanatory Dictionary

© 2024 Elena V. Kakorina

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the V.V. Vinogradov Institute
for Russian language of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str., Moscow, 119019, Russia
kakor@yandex.ru

Abstract. Modern lexicographers strive for the most complete and integral description of the language, taking into account the various (semantic, compatibility, pragmatic) characteristics of the word. The terms *pragmatics*, *pragmatic information* are ambiguous. They are understood both as information about the social and situational conditions of the use of a word in speech, information of a historical and cultural nature related to the life of a word in the usage of a particular era, and as a certain component of the meaning of a word. The article discusses ways of presenting pragmatic information when describing various categories of words in The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (EDRES). The problems of lexicographic reflection of various types of phenomena included in the sphere of pragmatics are posed. Using the example of TSRR, the possibilities of using various aspects of pragmatic information in the dictionary are demonstrated.

Key words: pragmatics, pragmatic information, lexicography, Russian everyday speech, evaluative vocabulary, communicatives.

For citation: Kakorina, E.V. *Kharakter i osobennosti pragmaticheskoy informatsii o slove i yeye predstavleniye v tolkovom slovare* [The Nature and Types of Pragmatic Information About the Word and Its Presentation in the Explanatory Dictionary]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 47–62. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020049

В современной лексикографии лингвисты отмечают тенденцию к обогащению как универсальных, комплексных, так и специальных, профильных словарей многоаспектной информацией о существовании слова в языке и в речи [1, с. 337–341]. При этом значительная роль отводится прагматике, она присутствует в словаре в двух основных видах:

- как комментарии, сведения об условиях употребления слова или особенностях его семантики;
- как компонент значения слова.

Вопросы о словарном представлении *прагматики, прагматической информации* обсуждаются в данной статье на примере Толкового словаря русской разговорной речи (далее ТСРР) [2].

1. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК КОММЕНТАРИЙ

В ТСРР прагматическая информация, которая понимается как *сведения* об условиях употребления слова или особенностях его семантики, вынесена в отдельную зону словарной статьи (зону PRAGM¹).

Такая информация содержит сведения о контекстных и ситуативных (в широком смысле) условиях употребления слова. В зоне PRAGM приводятся комментарии, связанные с коммуникативным и социокультурным контекстом и другими особенностями функционирования языковых единиц в узусе той или иной эпохи, той или иной языковой среды, социальной маркированностью лексемы, коннотациями; отмечается отношение говорящего к адресату, фиксируются особенности написания и/или произношения слова и т.п. Эта зона словарной статьи факультативна. Подобный, нередко весьма разнородный по содержанию, сопроводительный «комментарий» к описанию лексемы необходим в той мере, в какой семантика данной языковой единицы

и/или ее употребление «зависимы» от стилистических, коммуникативных и других прагматических параметров существования слова. Подробнее об этом см.: [1, с. 337–406].

Способ репрезентации весьма разнообразной прагматической информации в словаре, ее структурирование и формализация являются отдельной проблемой, строгая унификация прагматических комментариев здесь вряд ли возможна, они подаются в достаточно свободной форме. Важно, однако, что такие сведения, несомненно, обогащают словарь, уточняют представление носителей языка о слове, сокращают дистанцию между «реальным» существованием слова в узусе и его описанием в словаре и, наконец, согласуются с тенденцией к комплексному, интегральному лексикографическому описанию языка.

Сложным является, в частности, вопрос о том, какие именно коннотации должны быть отражены в словаре. Например, у носителей русского языка за словами *бабулька, бабуля, бабуся, бабуська, бабушка* стоят разные визуальные образы и ментальные представления, т.к. семантика диминутивов не ограничивается стилистической модификацией исходного значения, «уменьшительностью» или «ласкательностью». Как было показано в эксперименте [3, с. 147–149], носители языка дают совершенно не похожие словесные портреты для имен лиц *бабулька* и *бабуська*, различается семантика и др. синонимов из этого ряда по параметрам *внешний вид, возраст, характер (поведение), социальный статус*.

Ср. словесный портрет *бабульки*: «*Возраст*: старенькая, ближе к 70, где-то после 70–75. *Внешний вид*: на улице обязательно в пальто, пальтишко устаревшего фасона, коричневые туфли закрытые на небольшом каблучке, перчатки должны быть обязательно, всегда тепло одета, волосы сиренево-седые, обычно химия у нее, прическа должна быть, волосы наверх убраны или кичка, очень аккуратно и опрятно выглядит. *Характер*: бойкая, активная, интеллигентная, вежливая, строгая, но в то же время ласковая. *Социальный статус*: не смотря на возраст, имеет активную жизненную

¹ Другие зоны словарной статьи содержат морфологическую и синтаксическую характеристику слова (соответственно, MORPH и SYNT), стилистические пометы (STYL), синонимы, аналоги, антонимы и конверсивы (SYN, ANALOG, ANT, CONV), фразеологизмы (PHRAS).

позицию, театралка, это не та бабушка, что дома сидит и плюшки печет» [3, с. 148].

В каком виде подобную информацию отражать в словаре? В какую зону словарной статьи данная информация может быть включена при описании лексемы (толкование? иллюстративный материал? зона PRAGM?). Эти вопросы еще ждут своего решения. Подобные типизированные единицы «ментального словаря» носителей русского языка относятся не к тонкостям различий в значениях, которыми можно пренебречь, а к тем значимым компонентам семантики, которые должны быть отражены в толковых словарях, и современные лексикографы стремятся их учитывать.

Рассмотрим подробнее примеры представления прагматической информации различного типа в ТСРР. Для краткости в большинстве случаев мы будем приводить фрагменты словарных статей: отдельные значения слова (при этом указывается номер соответствующего значения) и часть иллюстративного материала. Другие зоны словарной статьи, обязательные и факультативные, относящиеся к рассматриваемому значению, как правило, будут показаны полностью.

1.1. Культурно-исторический и социальный контекст

Прагматический комментарий необходим для названий ушедших или уходящих реалий, особенно часто — для ключевых слов той или иной эпохи. Это слова, обозначающие концепты, бывшие особенно важными для общества в определенный исторический период существования языка. Примером такой номинации может служить лексема *талон* (в одном из своих значений).

ТАЛОН.

2. DEF: документ в виде листка небольшого размера, удостоверяющий право бесплатного получения или покупки дефицитных товаров и услуг. *Сказали в профкоме/ можно талоны на обед получить//;* (На закрытой распродаже дефицитных товаров в магазине:) *Там телефоны и кофемолки только по талонам//;* (Из рассказа о семье:) *Им в виде поощрения/ советскую семью они значит новую здоровую создавали/ им дали талон/ на мануфактуру//* (Записи устной речи, 1985—1992); *К тому же экономические условия в России конца 80-х — начала 90-х годов были тяжёлыми. Талоны на продукты, карточка жителя Москвы, бегающего за куском мяса* (С. Спивакова. Не всё).

MORPH: м.

SYNT: на что; употр. в сочетании с глаголами *отovarивать, отovarить*.

STYL: *ист.*

SYN: талончик (во 2 знач.).

ANALOG: бронь (в 1 знач.), броня (в 1 знач.), визитка (во 2 знач.), карточка.

PRAGM: талоны на спиртное, сахар, табак, а также непродовольственные товары были яркой приметой городского быта начала 90-х гг. XX века: *Пустые магазины. Страшно. Всё по талонам, как в войну. Нас спасла наша бабушка, она целыми днями бегала по городу и отovarивала эти талоны* (С. Алексиевич. Время секунд хэнд). Эта ситуация нашла отражение также и в городском фольклоре тех лет. Ср. частушку: *Получили мы талоны/ горькие и сладкие* [т.е. талоны на приобретение водки и сахара]// *Что ещё придумает/ голова с заплаткою?* [имеется в виду М.С. Горбачев].

(Автор словарной статьи Н.Н. Розанова)

В приведенном выше примере из частушки имеются в виду талоны на сахар и водку (*талоны горькие и сладкие*), имевшие большое распространение и большую ценность в 90-е годы XX столетия.

Еще примеры комментариев, сопровождающих слова — маркеры определенной эпохи.

ФИРМА².

DEF: вещь иностранного производства (обычно модная, самого высокого качества). *Ко мне подошел парень в «фирме» (одетый во всё заграничное), отвел меня в сторону и предложил выкупить сразу все вещи оптом* (besttoday.ru, 17.12.2020); *Самострок — подделка, вещь с иностранным лейблом под «фирму», сделанная в СССР или Польше цеховиками. Продать иностранную вещь — на тогдaшнем сленге «скинуть фирму»* (ЖЖ, 29.12.2018); *В 80-е ходил анекдот о том, как фарцовщику снится счастливый сон — он заходит в ГУМ, все полки завалены «фирмой», и народу никого. И он покупает, покупает, покупает. Сон стал реальностью, а счастья почему-то как не было, так и нет...* (besttoday.ru, 17.12.2020); *Появились «штатники», то есть те, кто признавал всё только американское — музыку, одежду, обувь, прически, головные уборы, даже косметику...* *Помимо «штатников» среди любителей «фирмы» были и те, кто носил только итальянское или английское, были «финики» и «бундеса», а кто попроще — довольствовался ширпотребом из стран народной демократии* (А. Козлов. Козел на саксе).

MORPH: ж., мн. нет.

STYL: *сленг., устар.*

SYN: фарца (в 1 знач.).

ANALOG: барахло (во 2 знач.), вещь (в 3 знач.), тряпки, тряпьё (во 2 знач.), шмотки, шмотье.

ANT: ширпотреб.

PRAGM: слово *фирма* было употребительным в СССР в 60-е — 80-е годы XX века, когда была распространена нелегальная продажа и перепродажа дефицитных импортных товаров высокого качества, которые были недоступны рядовому советскому обывателю.

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

ШАРАШКА.

1. DEF: в СССР: засекреченное конструкторское бюро или научно-исследовательский институт с тюремным режимом, в которых над проектами государственной важности наряду с политзаключенными работали вольнонаемными ученые, инженеры и техники. *Власть поняла/ что ученых можно заставить работать даже в шарашке// Эту шарашку можно сделать больше/*

в пределах всей страны/ например/ не выпускать за рубеж// (Телепередача «Наука в России и в Троицке» // Из коллекции НКРЯ, 2004); ...по всяким вот розыскам вроде бы он в какой-то **шарашке** работал по своей специальности/ и вроде там ну наверно с какой-то/ с какими-то бактериальными всякими страшными вещами заразился и умер но толком это неизвестно/ он не вернулся// (Беседы с О.Б. Сиротининой // Из коллекции Саратовского университета, 2008).

MORPH: ж.

STYL: сленг., ист.

SYN: контора, шарара (в 3 знач.).

PRAGM: шарашки существовали в СССР с 1929 до 1953 года. Им давались названия типа ЦКБ (центральное конструкторское бюро), ОКТБ (опытно-конструкторское технологическое бюро), ОКБ (особое конструкторское бюро) и т.п. Слово вошло в общий обиход благодаря роману А.И. Солженицына «В круге первом».

(Автор словарной статьи Р.И. Розина)

Не всегда мы можем поставить конкретную временную метку в узусе того или иного синхронного среза языка. Как правило, в комментариях в самом общем виде обозначен период наиболее активного использования слова.

САМИЗДАТ.

DEF: печатная продукция, запрещенная в СССР по цензурным соображениям и поэтому издававшаяся нелегально. *Таня почитывала первый самиздат — неизвестные стихи известных поэтов и какие-то новые, свежее испечённые* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); *Случай этот был одним из первых, положивших начало эпопее с самиздатом и тамиздатом* (А. Рекемчук. Мамонты); *Его [А. Авторханова] «История партократии» в самиздате 70-х годов сыграла для меня (уже аспиранта МГУ) такую же пробуждающую роль, как «Государь» Макиавелли десятилетием раньше* (С. Смирнов. Пять веков государя); *Зовут этого писателя — Леонид Коньхов, и сидеть он будет, конечно же, за самиздат* (В. Алейников. Тадзимас).

MORPH: м., собир.

STYL: сленг., ист.

ANALOG: тамиздат.

PRAGM: характерно преимущ. для речевой практики советского времени.

(Автор словарной статьи Л.П. Крысин)

1.2. Стилистические коннотации

Для краткой стилистической характеристики слова в ТСРР используется специальная помета STYL. Она маркирует принадлежность слова к той или иной разновидности речи (сниж., жарг., молод. и др.), указывает на эмоциональную окраску (бран., груб., ирон. и др.), а также отмечает другие особенности слова (уходящ., ист. и др.). Более подробная стилистически значимая информация помещается в зону PRAGM. Прагматические комментарии, не дублируя помету STYL, сообщают читателю более детальные сведения

о стилистических особенностях слова, конкретизируют и уточняют его характеристику.

СЮР.

1. DEF: сюрреализм, а также его приёмы и элементы. *Стёб, сюр, постмодернистские игры занимают все большее место в литературе* (Труд-7, 05.06.2001); *Волшебные просторы и загадочные женские образы на фотокартинах с нотками сюра* (Блоги, 2018).

STYL: сленг.

2. DEF: произведение искусства, выполненное в стиле сюрреализма. [Актер] *снялся в сюре — сразу похорошел; Автор по-честному постарался соответствовать титульному жанру конкурса и написал сюр* (Блоги, 2014, 2018).

STYL: сленг.

3. перен. DEF: о чём-л. абсурдном или нереальном, фантастическом. <...> *Открыли кафедру теологии в МИФИ... Это просто сюр какой-то... И в этом сюре мы живём...; Столько сюра, иррационализма, треша у людей, что просто диву даешься* (Блоги, 2012, 2017).

SYNT: часто в функции сказуемого или в абсолютной позиции.

STYL: сленг., часто ирон.

PRAGM: слово сюр во всех значениях употребляется преимущественно в разговорной речи интеллигенции. (Автор словарной статьи А.Р. Пестова)

В прагматическом комментарии может отмечаться принадлежность говорящего к той или иной социальной, профессиональной или возрастной группе.

ТЕМПЕРАТУРКА.

1. DEF: температура тела человека как показатель его здоровья. (Мать заболевшему ребенку:) — *Илюша/ давай-ка температуру померим// Иди сюда детка//* (Запись устной речи, 2019); (Разговор врача с пациенткой:) — *Если вы не хотите наших ежедневных визитов, посылайте мне по утрам вашу температуру на телефон. — А как мне добывать еду, доктор? — Если хотите, мы вас сразу заберем в инфекционку, — благодунно замечает доктор. — Там вас накормят* (КП, 26.02.2020); — *Как живёшь? — спросил Андрейка голосом дядь Саши — врача из больницы. — Как температура? (Б. Костюковски. Дорога к солнцу).*

MORPH: ж., мн. нет.

STYL: ласк.

PRAGM: обычно употребляется в речи врачей, а также в разговорах взрослых с детьми или о детях.

(Автор словарной статьи Н.Н. Розанова)

В словаре отмечена принадлежность слова к мужской или женской речи.

ХОРОШ'.

2. DEF: довольно, достаточно; употребляется как требование или просьба прекратить какое-л. действие или состояние. — *Так/ Лёш/ хватит/ хватит [обсуждать]/ ну! Хорош! — Что хорош? Я... — Это общеизвестный факт//* (К/ф «День радио, 2008); — *Хорош спать э-э-э! — Ой... надоело учиться ваще... — Не спи крепко! (Разговор студентов, 2008 // Из коллекции НКРЯ); Хорош разговаривать/ я сказал! Хватит разговаривать! Ну-ка дай сюда мне сюда трубку!* (К/ф «Ширли-мырли»,

1995); *Стельки ходячие/ хорош орать/ а то всыплю!* (Разговор с кошками, 2007 // Из коллекции Ульяновского университета); (Разговор приятелей за обеденным столом:) — *Давай еще по одной? — Нет/ хорош// Мне же еще до дому надо добратся//* (Запись устной речи, 2001).

MORPH: *частица.*

SYNT: *инфин. несов. или без доп.;* может употребляться как в составе высказывания (находится под фразовым ударением), так и самостоятельно.

STYL: *сниж.*

SYN: баста, будет (во 2 знач.), всё, кончай, стой(те) (в 1 знач.), стоп (в 1 знач.), точка, финиш, хватит, хорэ, ша, шабаш (в 3 знач.).

PRAGM: употребляется преимущ. в речи мужчин. (Автор словарной статьи Л.П. Крысин)

ГУБНУШКА!

DEF: губная помада. *Вчера подошла ко мне в метро крошечная бабулька с большими удивленными глазами, говорит: «Зайка моя, как тебе эта губнушка идёт!»* (Блоги, 2012); — *Народ, а много кому известно такое слово — «губнушка»? — Я чо-то о губной гармошке подумал. — У нас губная помада вообще не существует там. Исключительно губнушка. Поэтому я спокойно отношусь к этому слову. — Известно и очень. Всё детство так говорили, да и сейчас могу сказать — пошла купила губнушку. От слова губы (родом я из Самары, глубокой провинцией его не считаю)* (Блог Екатерины Соловьевой, 2008); *Я просто/ надо было что-нибудь/ гигиеническое купить// Обветривается без губнушки//* (Из коллекции Саратовского университета, 2002).

MORPH: *ж.*

STYL: *фам.*

ANALOG: гигиеничка.

PRAGM: слово употребительно преимущ. в речи женщин.

(Автор сл. статьи Е.В. Какорина)

У разных значений слова сферы их употребления и стилистические коннотации могут различаться. Например, стилистический ореол у слова *западло* меняется, поскольку в современных контекстах оно ассоциируется не только и не столько с уголовным жаргоном, сколько с молодежным сленгом.

ЗАПАДЛО.

1. DEF: недостойно, унижительно. *Зэки в большинстве своем работать не любят. Особенно те, кто по суду должен выплачивать ущерб потерпевшим. Ну а для уроков со стажем горбатиться на зоне вообще западло* (МК, 17.05.2012); *Да ладно/ Саня/ брось ты! Сань/ да чё там... западло из-за бабы так переживать!* (К/ф «Бригада», 2002); — *Чё ты орёшь/ как потерпевший? Пойдём/ покурим// — Я не курю// — Тебе чего/ западло со мной покурить? — Да нет//* (К/ф «День выборов», 2007).

MORPH: *нареч.*

SYNT: *с инфин.*

STYL: *жарг.*

SYN: *засорно, негоже.*

PRAGM: проникнув в разговорную речь из тюремно-лагерного жаргона, слово получило распространение не только в устном речевом обиходе, но и в прессе. Нередко употребляется в иронических контекстах: *Случалось ли когда-нибудь в новейшей отечественной*

истории, чтобы государственный чиновник первого ряда извинился перед средством массовой информации, да еще и непримиримо оппозиционным, с которым на самом верху считают «западло» даже разговаривать? (Новая газета, 18.06.2012).

2. DEF: нет сил, возможности или желания делать что-л. (О приготовлении горохового супа:) *Вот это очень на самом деле важно: порезать надо реально мелко. Морковь тру на крупной терке. Луковицу, конечно, можно и в блендере измельчить, но мне просто ради одной штуки западло его включать* (Блоги, 2012); *Например, детей там воспитывают «бемиситтеры» — это школьники или студенты, которые за деньги сидят с чужими малышами. Бабушкам и дедушкам заниматься воспитанием внуков, что называется, западло* (Из интервью с политологом Н. Злобиным // МК. Санкт-Петербург, 04.07.2012).

MORPH: *нареч.*

SYNT: *с инфин.*

STYL: *жарг.*

SYN: *влом, внапряг, лень, неохота, ...*

4. DEF: то, что вызывает сожаление, огорчение, создает дополнительные проблемы, унижает и т.п. *Я никогда так долго не болела, дочь — тем более. Но насморк половину лета — это какое-то западло;* (О прочитанной книге:) *Западло в том, что в некоторых рецензиях сразу раскрывается интрига этой книги, которая, по идее, должна быть понятна в финале. Не читайте других рецензий и не лезьте в конце; А у меня утро начинается с западла. И название ему — будильник* (Блоги, 2012).

MORPH: *с.; мн. нет.*

STYL: *жарг.; неодобр.*

SYN: *жесть, невезуха, непруха, облом.*

PRAGM: наиболее широко распространено в речи молодежи.

(Автор словарной статьи Н.Н. Розанова)

В РР возможно использование бранного или неодобрительного слова в контекстах с положительной оценкой. Случаи амбивалентного употребления, смены знака оценки с минуса на плюс также фиксируются в комментариях.

СОБАКА!

1. DEF: о ком-чём.-л., вызывающем резко отрицательные эмоции у говорящего. — *Я сказал/ стоять! — Хватит с меня/ всё! — Стой/ собака! Убью козла!* (К/ф «Апрель», 2001); — *Ты не помнишь/ Петрович монитор [монитор] не забирал/ чтоб мне отвезти? — Сейчас посмотрю... нет! Он у него в комнате стоит! — Вот он собака... Нет/ даже свинья! — Да... скорее свинья! Ну/ я ему час напишу/ чтоб забрал//* (Телефонные разговоры // Из коллекции НКРЯ, 2006); *А я коту гоняю шваброй по квартире приговаривая: «убью собаку»* (zoz.strikearena.ru, 01.03.2011); *И ЦК начал решать, что делать с дырой в 100 миллионов? Доллар-то, собака, всё не падал* (КП, 18.02.2004); *Замки, собаки такие, продаются за страшные деньги, да и вообще* (ЖЖ, 2012).

MORPH: *жс., одуш.*

SYNT: обычно употр. в форме *им.*; часто в составе сказуемого или в функции обособления.

STYL: *сниж., неодобр., груб., бран.*

SYN: *гад, гадина, гадюка, дерьмо, зараза* (в 3 знач.), *засранец* (в 3 знач.), *засранка, крыса* (в 1 знач.), *паразит, паразитка, сволочь, скот, скотина, собачий*

сын (см. собачий), стерва, стервец, сука, сукин сын (см. сын), шавка ...

PRAGM: употр. также для выражения сдержанного неудовольствия либо, напротив, положительной оценки. — *И не пил говоришь совсем? — Совсем// — А помер// А мой/ собака/ пьёт/ и хоть бы что//* (К/ф «Путешествие с домашними животными», 2007); *Да, еще в тех письмах были мои восторженные ахи о песнях Галича. «Хорошо поет, собака, убедительно поет!»* (Ю. Даниэль. Письма из заключения); *Те же швейцарские часы// Вообще никакой электроники/ одна механика/ которая по определению менее надежна// А работают/ собаки/ гораздо дольше электронных часов//* (Фонд «Общественное мнение», Новосибирск, 2003).

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

1.3. Отношение говорящего к адресату, ролевые отношения участников ситуации

Прагматический комментарий может содержать информацию о ролевой асимметрии участников ситуации. Указание на неравенство социальных ролей, статусов субъекта и адресата действия сопровождается слова *жучить* (донимать строгостью, выговорами), *дрессировать* (о человеке), *песочить*, *прорабатывать* и под., где роль первого участника (субъекта действия) выше роли второго (объекта действия).

ЖУЧИТЬ.

DEF: донимать строгостью, выговорами. *Отец был любитель чистоты и нас всех жучил//* (Запись устной речи, 2001); *Из Петербурга был срочно выписан француз-губернер, который в течение двух недель с утра до ночи «жучил» и «натаскивал» будущих офицеров* (А. Пантелеев. Наша Маша); *Любой старшина не хуже военному судьи разбирается, кого жучить, перед кем стоять навьютяжку* (В. Выжutowич. Закон в мундире).

MORPH: *несов.; сов. нет.*

SYNT: *кого.*

STYL: *сниж.*

SYN: *песочить, пробирать, распекать, чехвостить, чистить.*

ANALOG: *дрессировать, школить.*

PRAGM: обычно обозначает действие, совершаемое старшим по возрасту или по социальному положению по отношению к младшему, к подчиненному.

(Автор словарной статьи М.В. Китайгородская)

ПОПРОСИТЬ.

5. DEF: потребовать. *Товарищи офицеры/ попроси предъявить документы// Комендантский патруль//* (К/ф «В августе 44-го», 2000); *Попрошу немедленно очистить помещение контрразведки! Гурин! Зови караул!* (К/ф «Бег», 1971); [Милицонер] *Граждане! Граждане! Попрошу занять свои места! Верните ему облигацию// Ишь вы какая! Прошу вас/ пройдемте//* (К/ф «Зигзаг удачи», 1969).

MORPH: *сов.; несов. нет; только 1 л. ед.*

SYNT: *инфин.*

PRAGM: в ситуации, обозначаемой глаголом *попросить* в этом значении, тот, кто требует, официально имеет на это право или обладает властью над тем, к кому обращается.

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

ЩЕНОК.

DEF: пренебрежительно или презрительно о молодом человеке, подростке, мальчике. (Срывая орден с груди преступника:) — *Люди за этот орден свою кровь проливали/ ты под него/ чужую// — Жалко/ я тебя тогда/ щенка/ не шлёпнул//* (К/ф «Место встречи изменить нельзя», 1979); — *Не о чем мне с этим щенком разговаривать, — буркнул Голубев* (М. Серова. Сердце напрокат).

PRAGM: часто употребляется старшим по возрасту или по служебному положению по отношению к младшему или к подчиненному.

(Автор словарной статьи О.А. Шарыкина)

1.4. Словообразовательные особенности слова

В ТСРР отдельное внимание уделено такому способу словообразования, как универбация (образование слова на основе словосочетания), широко распространенному в РР. Особенно продуктивен в РР словообразовательный тип существительных с суфф. *-к(а)*; слова, образованные по соответствующим словообразовательным моделям, сопровождаются пояснениями в данной зоне словарной статьи.

АДМИНИСТРАТИВКА.

PRAGM: слово образовано путём стяжения словосочетания *административное правонарушение*.

Подобный комментарий необходим: словам-универбам могут соответствовать различные словосочетания, т.е. нередко имеет место многозначность или омонимия: *административка*¹ — административное правонарушение; административное наказание / *административка*² — административная контрольная работа / *административка*³ — административный отпуск; *ядерка* — 1) ядерное оружие; 2) ядерная энергетика; *наружка*¹ — наружное наблюдение / *наружка*² — наружная реклама и т.п.

Еще примеры:

*Спортивка*¹ — спортивный костюм (*женская / мужская спортивка*), *спортивка*² — спортивный автомобиль); *спортивки* — 1) спортивные туфли; 2) спортивные брюки, ср. *тренировочные, треники*.

Отмечаются в ТСРР и другие специфические особенности образования слова.

ХРУЩОБА.

1. DEF: *то же, что хрущёвка* (в 1 знач.). *Дали квартиру в панельной хрущобе, в Новых Черемушках* (А. Рекемчук. Мамонты); *Теперь его путь лежит вдоль длинного ряда хрущоб* (С. Носов. Грачи улетели); *Снял небольшую квартиру на первом этаже захудалой хрущобы с видом на облезлый сарай* (М. Милованов. Естественный отбор); *Похоже, вслед за хрущобами в Москве скоро начнут ломать и панельные девятиэтажки конца 60-х — начала 70-х годов прошлого века* (КП, 05.12.2007); *Я и так снимаю однокомнатную «хрущобу» в Москве за 350 долларов — куда же больше?* (КП, 03.12.2004).

MORPH: ж.

STYL: неодобр., шутл.

SYN: хрущёвка (в 1 знач.).

ANALOG: башня¹, высотка, девятиэтажка, многоэтажка, пятиэтажка, сталинка (в 1 знач.), трёхэтажка.

PRAGM: номинация возникла в результате стяжения двух слов с фонетически сходными частями «хрущёвка» и «трущоба».

(Автор словарной статьи Е.А. Никишина)

1.5. Информация о вариантах написания, особенностях произношения слова

УХАЙДАКАТЬСЯ, УХАЙДОКАТЬСЯ.

DEF: очень устать, утомиться. *Ездил мыть полы в новой квартире, ухайдокалась так, что завтрашний переезд отменила; В какой-то момент мы просто ухайдакались от походов и заплывов и посвятили целый день ничегонеделанию; Настоящий отдых в том, чтобы ухайдакаться по полной. Время в походе как будто растягивается, несколько дней превращаются в целую жизнь; Сегодня среда, а я уже ухайдакалась как к вечеру пятницы; Я сам сёння на велике по загородным велодорожкам ухайдакался так, что язык на плече...; Тренируюсь два с половиной часа. Здорово ухайдакиваюсь за это время, пот бежит ручьями; За час на площадке он [сын] так ухайдокивается, что порой засыпает еще в коляске, на подъезде к дому (Блоги, 2022).*

MORPH: сов.; несов. ухайдакиваться, ухайдокиваться.

SYNT: без доп.

STYL: сниж.

SYN: вымотаться, затуркаться, известись, измотаться, измочалиться, наломаться, намаяться, намотаться, намучиться, падать с ног (см. нога), умяяться, умотаться, умориться, ...

ANALOG: закрутиться, заманаться, замаяться, замотаться, замыкаться, замытариться, запариться, заработать, затрахаться, захлопотаться, зашиться¹, набегаться (во 2 знач.), ...

PRAGM: хотя орфографическая норма допускает к употреблению только формы *ухайдакаться, ухайдакиваться* (см. академический «Русский орфографический словарь» под ред. В.В. Лопатина), в современной письменной практике наряду с нормативным написанием этих глаголов встречается и ненормативное (*ухайдокать, ухайдокивать*), что отражено в иллюстративном материале этой словарной статьи.

(Автор словарной статьи А.В. Занадворова)

ФЕ.

1. DEF: употребляется для выражения неодобрения, недовольства, пренебрежения, презрения, отвращения.

2. DEF: выражаемое этим междометием чувство неодобрения, недовольства, презрения, отвращения и т.п. *Выскажу своё «фе». Добрый день! Сижу на пикабу [название сайта] давно. И капец, как бесят 2 вещи... (pikabu.ru, 2017); А теперь впервые выражаю фе америкосу. Всем хорош, всё будто с КАМАЗа, даже дверные петли. Но! Сегодня я выяснил, что там не привычные петли, а пластик, работающий на излом (drive2.ru, 04.03.2018).*

MORPH: с., нескл.

SYN: бе, фи (во 2 знач.), фу.

PRAGM: отмечаются различия в произношении и правописании слова: фе (фэ). *Фэ! Высказать свое*

фэ! — как думаете, откель пошло? — Странно, но я всегда слышал вариант с «фе», именно с «е». — «Фи» тоже подходит, но я говорю «фэ» (etymology-ru.livejournal.com, 07.09.2005).

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

ЧЕГО.

1. DEF: какой-л. неопределенный предмет, явление, действие, ситуация и т.п.; что. *Ну чё у вас там ещё новенького? — Чего у нас новенького? Пока всё держится/ пока всё работает/ пока всё нормально//; — Тоже последнее время здоровье как-то/ то одно/ блин/ то другое/ то третье. — Чего у тебя? — Да чё/ у меня ж тоже сахарный диабет//; — Ходишь весь день голодный// Ты бы хоть поел чего// Может суп будешь? (Записи устной речи, 2015, 2016, 2020).*

MORPH: мест.

STYL: сниж.

SYN: чё (в 1 знач.), что (в 1 знач.).

PRAGM: слово *чего* произносится как *чево*, *чё* или *чиво* и может иметь отражение в современной письменной практике при передаче устной речи носителей языка.

(Автор словарной статьи А.Р. Пестова)

1.6. Особенности соотношения средств вербальной и невербальной коммуникации

Паралингвистические средства коммуникации, параметры звучания слова и особые характеристики отдельных звуков весьма важны для РР. В устном общении параллельно с естественным языком в качестве обязательного сопровождения речи сосуществует национально специфичный и конвенционально закрепленный язык жестов.

ФУ, ФУ-ФУ¹, ФУ-ФУ-ФУ.

1. DEF: употребляется для выражения недовольства, укора, презрения и т.п. или физического отвращения, брезгливости. — *Слушай/ да катись ты со своей тележкой! — Фу/ какой грубиян// Ещё прилично одет// (К/ф «Место встречи изменить нельзя», 1979); А то прямо до тошноты: сядет на стул, ногу на ногу положит, ногой качает, а брючина почему-то всегда у него задирается и белё видно голубое, в носок заправленное. Фу, гадость! — Девушка скорчила гримасу отвращения. — Прямо смотреть не могла, хоть глаза закрывай... (Ю. Трифонов. Дом на набережной) ...*

MORPH: междом.

SYNT: всегда под фразовым ударением.

SYN: бе, бр-р, мда, фе (в 1 знач.), фи (в 1 знач.), фуй, ...

ANT: ку-у-л, м-м, нака, нам-ням.

ANALOG: бяка, кака, тьфу (в 1 знач.).

PRAGM: произносится с удлинением гласного: *фу-у-у*, возможно удвоение и утроение основной формы междометия. Нередко сопровождается гримасой или жестами. *Фу! — сказала дочка, наморщив нос. — Фу-у!! Да, ослики! Да, пахнут! Чем, чем? Осликами! И барышни, вроде моей, воротят нос (ЖЖ, 04.09.2013); Фу-у-у! — сморщившись, сказала она по-русски, когда микрофон противно зафонил (КП, 13.08.2007); Но вот о том, чтобы подобно папе, эмигрировать (Вертинский с 1920 по 1973 год жил в разных странах) актриса и слышать*

не хочет: «Фу-фу-фу!» – *замахала она руками, услышав вопрос про возможность отъезда* (Дни.ру, 08.09.2021).
(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

1.7. Сведения, связанные с семантикой языковой единицы

В ТСРР в зону прагматики отнесена и информация, тесно связанная с лексической семантикой и, следовательно, с толкованием слова.

Прагматические комментарии, касающиеся специфики семантики слова, особенно разнообразны. Формализовать подачу подобных сведений возможно лишь в определенной мере. В ТСРР чаще всего отмечены особенности внутренней формы слова, расширение сочетаемости, ведущее к образованию нового значения, случаи нестандартного словоупотребления, различные контекстные реализации или семантические сдвиги значений у слов определенных лексико-семантических категорий. Необходимо отметить отсутствие строгой лексикографической традиции в подаче таких сведений.

1.7.1. Информация, раскрывающая внутреннюю форму слова

Без прагматического комментария значение слова может быть непонятно читателю. Эта энциклопедическая информация лингвистически значима.

ЯЩИК?

DEF: режимное предприятие. *Слух... подогрела заявка на Алексея Коренева в закрытый «ящик» при распределении... Но в «ящик» Алёше поехать не пришлось* (В. Распутин. Новая профессия); *Он [муж] работал в ящике, и ему не разрешалось общаться с иностранцами* (postpost.media, 26.02.2020); <...> *Те [инженеры], что работали в ящиках, несли в карманах комплектуху, что получше, и делились с теми, что работали в КБ академии наук* (forums.radiodetali-sfera.com, 2019).

MORPH: м.

STYL: сленг.

ANALOG: шарага (в 3 знач.), шарашка (во 2 знач.).

PRAGM: название ящик связано с тем, что в советское время режимные предприятия (закрытые заводы, конструкторские бюро и т.п., как правило работавшие на оборонную промышленность) не имели обычного почтового адреса. Вместо него указывался почтовый ящик с тем или иным номером.

(Автор словарной статьи О.А. Шарыкина)

В РР можно отметить случаи противоречия внутренней формы слова и его семантики (значения составляющих слова частей, например, приставки и корня не суммируются), ср.: *Желание туда тащиться сразу сильно поубавилось. За это время содержимое бутылки существенно поубавилось*. Такие явления становятся предметом

прагматического комментария. Лексикографы объясняют данное интересное явление читателю.

ПОУБАВИТЬ.

DEF: немного убавить, уменьшить по размеру, весу, количеству, интенсивности.

Помимо выражения стандартного смысла «немного убавить» в РР слово может употребляться с прагматической целью смягчить сообщение, проявить вежливость, а также в значении «убавить», без дополнительного компонента «немного, слегка». Ср.:

PRAGM: слово часто употребляется как более «вежливый» синоним слова *убавить*. Приставка *по-* не имеет значения «немного», «слегка». Ср.: *Этот случай очень сильно поубавил мой пыл*// (Запись устной речи. 2017); *Владельцам пришлось существенно поубавить аппетиты и сбросить цену за «квадрат»* (Екатеринбург Он-лайн, 15.10.2015); *Но и нашего брата время здорово поубавило. Еще в детстве я слышал, что охотничий люд подразделяется на охотников, охотничков и мешочников* (Охотники.ру. 04.03.2017).

Сочетания со словами, антонимичными семантике приставки, отмечаются у ряда глаголов: *плотно подзакусить, основательно подзабыть, хорошо подзаработать, хорошенько подзагореть, подзанять несколько миллионов* и под., подробнее см. об этом [4].

1.7.2. Изменение сочетаемости слова

Нередко нестандартная сочетаемость слов или ее расширение свидетельствует о формировании нового значения слова. В приводимом ниже примере расширение сочетаемости еще не привело к формированию отдельного значения: «о предмете: с выступающими частями», поэтому данная информация помещена в зону прагматического комментария.

УШАСТЫЙ.

1. DEF: с большими ушами (о человеке или животном). *Он был таким, как прежде: ушастым, юным, с глазами мальчишки, но только, как и он, – седой* (Г. Фукс. Двое в барабане); (О собаке:) *Зато подошла бы сейчас сочувственно лизнула в ухо или положила ушастую голову на колени* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности); *Женщина зарабатывает тем, что выращивает у себя дома на продажу самых маленьких в мире собак – чихуахуа и самых ушастых – папиллонов* (Криминальная хроника, 08.07.2003).

MORPH: прил.

ANALOG: глазастый, губастый, носастый, носатый, ...

PRAGM: может употребляться для обозначения артефактов, техники и др. предметов с выступающими боковыми частями. *Лет пять назад «горбатые» и «ушастые» «ЗАЗы» стояли в каждом дворе, дети по ним прыгали, хозяева продавали друзьям за бутылку водки или вообще сдавали на металлолом* (Известия, 02.08.2002);

Ушастый самолетик безошибочно выполнил петлю Нестерова, набрал высоту и взял курс на юг (Е. Завершнева. Высотка); *Мне семнадцать лет, на мне ушастая шапка и пальто из «Детского мира» с оттопыренными карманами* (И. Сахновский. Ревнивый бог случайностей); *Спал он на худшем месте во всём бараке – у входной двери, где его обдавало холодным сквозняком и где одно время стоял огромный ушастый чан с гремящей крышкой – параша* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

1.7.3. Экспрессивная замена «нейтрального» слова

В РР обычны случаи расширительного, ироничного, шутливого употребления глагольных номинаций при обозначении самых разнообразных действий.

ПОУБИВАТЬ.

DEF: убить всех или многих одного за другим.

PRAGM: глагол *поубивать* может употребляться как шутливая угроза наказать кого-л. за какой-л. проступок или просто за то, что не нравится говорящему: – *Эй, мужики! Будете квасить за здоровье новорожденного, не забывайте кормить Бандита! Найду по возвращении исхудавшего котяру – поубиваю обоих!* (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками); – *Ева, где логика? Ваша подруга, она с мужем помирилась? – Вроде бы. С утра чуть не поубивали друг друга. Значит, отношения идут на поправку* (Слава Сэ. Ева).

В обиходном общении, в самых нейтральных ситуациях говорящий часто стремится уйти от привычных номинаций, разнообразить свою речь, употребляя экспрессивные соответствия какого-л. слова. Ср. такие контексты с глаголами движения: *Куда это он учесал* (=ушёл)? *Вон Ирка ползёт* (=идёт; совершенно необязательно говорящий имеет в виду, что она идёт медленно, с трудом). Подобного рода замены отмечены в ТСРР.

ПОКАТИТЬ.

1. DEF: поехать, отправиться куда-л. (на каком-л. средстве передвижения). – *Да-да/ еду// – Ну чё/ покатали?* (К/ф «Любовь-морковь», 2007); – *С утра такой негатив// Это ж на весь день теперь// – Да! Покатим отсюда//* (К/ф «Глянец, к/ф (2007); *Сели в такси или машину к встречающему и покатали по улицам и проспектам в гостиницу* (РБК Дейли, 06.09.2013); *Но на другое же утро ещё с тенями под глазами спозаранку сели в поезд и покатали//* (Т/к «Культура», 2009); – *«Волгу» продадим, купим «Москвича» и на нём покатым в Ленинград, – рассудил Димка* (В. Аксенов. Звездный билет); *Ура! Как они покатым с ветерком!* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница); *Я занял правую лыжню и спокойно покатыл, народ шел лихо, обходили пачками* (Блоги, 2015).

MORPH: сов.; несов. нет.

SYNT: куда на чём по чему к кому или без доп.

STYL: сленг.

SYN: двинуть, погнать, покатиться (в 1 знач.), полететь (в 1 знач.), понестись.

ANALOG: газовать, гнать¹ (в 6 знач.), дёрнуть (в 3 знач.), дунуть (в 1 знач.), жать, кинуться, лететь

(в 1 знач.), ломануться, махануть, махнуть, метнуться, мчаться, подорваться, помчаться, рвануть (в 5 знач.).

PRAGM: слово употребляется в ситуации прощания, когда говорящий собирается уходить, заменяя нейтральные *пойти* или *поехать*. – *Ну, я покатыл. И в своём малахае со смешно спадающими набок ушами, как у дворняжки, Спиридон пошёл в сторону вахты, куда эзков кроме него не пускали* (А. Солженицын. В круге первом); – *Ну, в общем, ты думай, а я пока покочу к себе. – Ты что, за рулем? – Нет. – Это хорошо* (А. Абусейтов. Немой мир); *Я всё: покатыла за внучком, у нас сёдни бассейн: Хорошей недели!* (Блоги, 2013).

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

1.7.4. Контекстные и конситуативные варианты значения слова

Опять кто-то что-то запузывает!; Во запузывает! Без погруженности в конситуацию мы не можем понять, о чем идет речь, какое конкретное действие совершает этот «кто-то» (громко поёт? с силой стучит? танцует? и т.п.). В первом случае собеседник отреагировал на громкие звуки ремонта у соседей, а во втором – неодобрительно и иронично отозвался об участнике публицистической программы на ТВ.

Экспрессивные глаголы интенсивного действия с размытым обобщенным значением (например, *бабахнуть, жахнуть, зафигачить, шарахнуть, шандарахнуть* и под.) чрезвычайно распространены в РР. Это общее значение варьируется в зависимости от контекста. Различные контекстные варианты общего значения можно представить в иллюстративной зоне словарной статьи и дополнительно отметить специфику значения глагола в зоне прагматики.

ЗАДЕЛАТЬ.

DEF: произвести какое-л. действие: организовать, создать, приготовить и т.п. что-л. *Алик говорит/ починит в три счёта// Батя у него знаешь какой рукастый? Он мне в прошлом году «Моторолу» чинил// Охренительно заделал!* (Разговор молодых людей на автобусной остановке, 2007); *Надо заделать пельменей и засесть за работу. А то я совсем обабуинюсь и растеряю остатки самоуважения* (Блоги, 2013); *Бригадами [артистов] руководили делеги-администраторы, имеющие странные документы и справки с неразборчивыми подписями и печатями. С таким «документом» администратор ездил по дальним областям «заделывать» концерты* (Ю. Никулин. Как я стал клоуном); – *Молодец, что не падаешь духом. Я ответил: – Этого ещё не хватало! Женюсь по новой и заделаю кучу ребятишек* (С. Довлатов. Заповедник).

MORPH: сов.; несов. (заделывать) малоупотр.

SYNT: что, кого или без доп.

STYL: сниж., нередко ирон.

SYN: бабахать, бабачать, замутить¹ (в 3 знач.), запузывать, затеять, наклепать², сварганить, соорудить.

PRAGM: значение глагола в каждом конкретном случае обычно уточняется под влиянием контекста: *А ты когда это бороду себе заделал?* [отрастил] [Запись

устной речи, 2005); *А если они его с Петровки повезут/ то там оперативники с ним будут// Они сыскари// А как охранники/ они фраера/ их там сразу же заделать [убить] можно/ на месте/ всех//* (К/ф «Место встречи изменить нельзя, 1979); *Мы с ним на троих заделали [выпили], а он стал черепком о батарею стукаться и петь «Варяга»* (В. Аксенов. Ожог).

(Автор словарной статьи Н.Н. Розанова)

Нередко помимо широкого значения «сделать что-л. путем интенсивных действий» у подобных глаголов отмечаются устоявшиеся значения, связанные с какими-л. конкретными действиями. Например, у глаголов *запузырить*, *зафигачить*, *задрочить* в ТСРР описаны 4 значения, ср.:

ЗАПУЗЫРИТЬ.

1. DEF: резко бросить что-л. или ударить кого-л. чем-л. *Это он! Это уже за пределами реальности! Это ему я запузырил графином по лысине в сорок четвертом!* (В. Конечский. За доброй надеждой);

2. перен. DEF: сказать что-л. неожиданное, необычное (остроумное, грубое, слишком цветистое, заумное и т.п.). — *Виктор Степанович [Черномырдин] умел сканзнуть так/ чтоб надолго запомнилось// — Этот да/ уж запузырит/ так запузырит!* «Хотели как лучше/ а получилось как всегда/ это ж не просто фраза/ это диагноз// (Запись устной речи, 2012);

3. перен. DEF: выпить спиртного, обычно в большом количестве. (Рассказывает о встрече с приятелями:) — *Они там надрались/ и начали пороть всякую ахинею/ уши вянут// — Ну и ты б запузырил стакана два/ за компанию/ чтоб на одной волне...* (Запись устной речи, 2012);

4. DEF: сделать что-л. путем интенсивных действий. *Сижу репу чешу, чего бы такого запузырить, что еще не делали, чтоб весь мир удивить супер-пупер моддингом:) Выслушаю все самые смелые предложения... прям руки чешутся!* (Блоги, 2006); (Разговор мужа и жены во время ремонта:) — *А давай на эту стенку фотообои запузырим// — Ой да ну-у/ эта картинка быстро надоест/ и что тогда с ней делать//* (Запись устной речи, 2012).

Значение интенсивного действия, как правило, сопровождается прагматическим примечанием:

PRAGM: глагол выражает широкое, «размытое» значение совершения какого-л. действия, обычно интенсивного или неожиданного. В зависимости от того, с каким именем существительным сочетается глагол, он может менять свой смысл: *запузырить рекламу в интернете* — ‘поместить’, *запузырить новый роман* — ‘опубликовать, издать’, *запузырить такие цены, что не подступишься* — ‘поднять’; *запузырить слишком много сахара в тесто* — ‘положить’; *запузырить миллионы в проект* — ‘вложить’ и т. п.

(Автор словарной статьи Н.Н. Розанова)

В небольшой статье невозможно всецело охарактеризовать тот разнообразный и «разнокачественный» материал, который принято относить к прагматической информации. Попытка его систематизации возвращает нас к проблеме многозначности и многоаспектности самого термина

«прагматика». В описанной выше зоне PRAGM отмечаются, с одной стороны, регулярные явления, характерные для РР в целом, с другой — явления, показывающие специфику значения или употребления того или иного слова.

2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ ИЛИ ОСНОВА ЗНАЧЕНИЯ

В том смысле, как это понимается в [1], *прагматика* вынесена в отдельную зону словарной статьи ТСРР (является комментарием и не входит в значение языковой единицы). Но *прагматическая информация* как обязательный «слой», компонент или даже основа значения может присутствовать в толковании некоторых категорий слов. Тесная связь семантики и прагматики приводит к трудностям их разграничения. Исследователи выделяют денотативный / сигнификативный и прагматический компоненты лексического значения [5, с. 80–94]. Ю.Д. Апресян относит к прагматике знака «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [6, с. 8].

2.1. Слова с «чисто прагматическим» значением

С точки зрения прагматики в этом понимании интерес представляют прежде всего категории слов с «чисто прагматическим» значением: *частицы, вводные слова и междометия* (слова незначительных частей речи). В ТСРР данный компонент значения лексем не назван прагматическим эксплицитно, но именно он и составляет основу их толкования.

Ср., например, толкование вводного слова *понимаешь*. В ТСРР эта лексема описана отдельно, наряду с глаголом *понимать*.

ПОНИМАЕШЬ.

DEF: используется для подчеркивания какой-л. мысли или выделения какой-л. части высказывания, а также в качестве замены более экспрессивного слова. *Ты/ Алёша всё привык на готовеньком! Придумал себе/ понимаешь/ идеал! На блюдечке подай его тебе!* (К/ф «Формула любви», 1984); *При чём тут курсы, мать вашу за ногу! Напился, понимаешь, друга искалечил, теперь о курсах мечтает!.. А в институт случайно не хотите поступить? Или в консерваторию?..* (С. Довлатов. Чего-то; ...ты пойдешь по Арбату пройдишь: вот где сумасшедшие! На прошлой неделе подошел к одному — картину продает: две линии перекрещенные, а посередине — одна женская сиська... сколько, спрашиваю, стоит, — пятьдесят у. е., говорит, товарищ милиционер! Я ему: я те дам — «милиционер», я те дам «уе»! Насилу, понимаешь, сдержался: ушел, говорю, отсюда — и чтоб больше ничего подобного тут не было (Е. Клюев. Андерманир штурк).

MORPH: *вводн.*

ANALOG: видите ли, видишь ли, короче, мягко говоря, честно говоря.

PRAGM: нередко используется как слово-паразит. Ср.: *В победе не сомневаюсь, слабонервных прошу не суетиться, и пусть они там не торопятся со сменой портретов, понимаешь; Надо осторожнее, понимаешь, в нашем мире, насыщенном разными видами оружия. А то не успеешь заметить, как террористы закидают самолетами, бомбами...; Поддержка вас приоритетна, но и с вас мой спрос тоже приоритетен. Вот такая, понимаешь, загогулина получается* (Из высказываний Б.Н. Ельцина, октябрь 1998 г.).

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

Приведем пример еще одной категории слов, для которых прагматика, прагматическая информация составляет основу значения (и толкования).

Это коммуникативы — отдельные, застывшие, неизменяемые формы слов, выделившиеся из парадигмы и обладающие особым значением, функционирующие как высказывания, реализующиеся в устном диалоге. В ТСРР они отмечены как междометия.

Выделение прагматической информации в значении частиц, вводных слов, междометий, коммуникативов неслучайно, ведь их значение реализуется именно на уровне высказывания или они сами являются высказыванием.

Посмотрим на коммуникатив *молча*. Его значение нельзя описать, не опираясь на прагматическую информацию, более того, она составляет основу толкования.

МОЛЧА.

DEF: ответная реплика на недоуменный вопрос «как? (каким образом?)», которая выражает (вместо ответа) демонстративный отказ собеседника согласиться с тем, что то, о чём спрашивают, является ненормальным, затруднительным, странным и т.п. — *Ну как же ты мог сказать такое? — Молча!* (Запись устной речи, 2014); — *Дурак/ как же я кроссовки снимать буду! — Молча!* [смеется] (Разговор двух школьников// Из материалов Ульяновского университета, 2007); — *И тогда он предложил мне стать его женой! — Как это он предложил? — Молча...* (К/ф «Блондинка за углом», 1984); — *Хорошо, но как всё-таки удалось ещё и авторитет завоевать, чтобы претендовать на директорское место? — Ой, да никак, — смеётся сама Кириченко. — Молча* (Труд-7, 25.04.2002).

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

Подобные слова-коммуникативы могут истолковываться и в зоне PRAGM, однако такой алгоритм действий объясняется следованием лексикографической традиции, в которой не принято выделять эти слова в качестве самостоятельных единиц словника. Ср. зону прагматической информации у одного из значений глагола *разбежаться*. В ней описано значение коммуникатива

(отдельной формы глагола, функционирующей как высказывание) *разбежался!* (*разбежалась!*).

РАЗБЕЖАТЬСЯ.

4. DEF: собраться сделать что-л., понадеявшись на успех в деле, не оправдавшем ожиданий. (О фестивале Молочная река в г. Рузе:) *Я было разбежался купить глазированный керамический горшок для томления в духовке, но их привезли всего 2 штуки, и девушки, когда я подошел, уже как раз продавали последний* (ЖЖ, 19.08.2015); (Рассказывает о том, как хотел приобрести новую программу по рекламному объявлению:) — *Ну короче я в цене промта [онлайн-переводчик] ошибся на порядок// А я уж обрадовался за 29 рублей купить пакет// — Вот так всегда/ только разбежишься/ и облом!* (Запись устной речи, 2017).

PRAGM: часто употребляется в диалоге в качестве ответной реплики при выражении несогласия говорящего с собеседником. Ср.: — *А я скажу/ что твой Сережа сам на отца с ножиком кинулся// — Мам/ ну что ты говоришь! А тебе так и поверят-то/ да? Ага/ разбежалась!* (К/ф «Маленькая Вера», 1988).

(Автор словарной статьи Н.Н. Розанова)

В данном значении у коммуникатива *разбежался!* такие синонимы со значением отказа: *Сейчас!* (*Щас! Ща-а-з!*); *Держи карман шире!*; *Обойдешься!*; *Облезешь!*; *Обязательно!*; *Только шнурки поглажу!*

Подробнее о проблемах лексикографического описания коммуникативов и частиц см. [7]; [8].

2.2. Полнозначные слова с «опустошенной семантикой»

Можно отметить также особую категорию слов, *существительные-местоимения*, получившие в исследованиях РР названия «существительные с нуль семантикой», «всезначашие слова» [9, с. 450–451]. К разряду таких слов можно отнести прономинализированные существительные *бандура*, *драндулет*, *дура*, *музыка*, *фиговина*, *фигня*, *хреновина*, *штука* и мн. др., употребляющиеся в функции указательных слов, конкретизирующихся только контекстом и ситуацией. Толкование таких слов, которые имеют крайне общее значение, строится на прагматической основе, экспликации отношения говорящего к обозначаемому объекту или ситуации. В ТСРР предложен особый алгоритм описания подобного значения: *о том, что говорящий не знает, как назвать, не хочет или не считает нужным называть, а также о том, что не нравится говорящему, раздражает его*.

МУРА.

3. DEF: о чём-л., что не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, что говорящий не хочет или не считает нужным называть. *Кошмар! Слушай/ как эта мура [разложенные на столе вещи] твоя надоела! Когда ты ее уберешь уже в конце-то концов?!; — Вы*

писали сёдня свою **муру-то?** — Почему **муру?** Самостоялку писали//— Да потому что надоело/ Сколько раз можно переносить?; Слушай/ подай пожалуйста вон ту **муру/ макароны помешать//**; Мне надо срочно **муру** начальнику накропать и сдать/ и письма важные разослать/ чтоб завтра не мучиться// (Записи устной речи, 2015); Вот только за каким чертом патроны и всю остальную **муру** несу/ мучаюсь напоследок перед смертью/ не понимаю// (К/ф «Они сражались за родину», 1975).

MORPH: ж., мн. нет.

SYNT: часто в сочетании с местоимениями *всякая, такая, та, эта*.

STYL: неодобр.

SYN: белиберда (во 2 знач.), дрянь (в 3 знач.), ерунда, муровина (в 3 знач.), мутота¹ (в 4 знач.), мутотень (в 4 знач.), муть¹ (в 3 знач.), фигня, фиговина, хреновина, хрень.

ANALOG: вещь, дело, история, музыка (в 1 знач.), штука, штукovina.

PRAGM: для разговорной речи типично употребление слова *мура* в качестве «опустошенного» слова: *Вот кто это безобразие/ эту муру/ на стенку впендюрил?; Убери отсюда эту муру* [о книгах и бумагах на столе]//. В конструкциях с перечислением, занимающая место в конце фразы, оно может выполнять роль недостающего родового обозначения: *Мы ни магнита/ ни браслета/ ни бус/ никакой муры этой не купили в итоге//*, — может использоваться для заполнения интонационной «дыры» или облегчения поиска слова: *У нас все ингредиенты/ кроме этой.../ ну как её/ муры такой... посыпки//*. Подобные слова легко взаимозаменяемы: *Куда мы это (эту вещь/ белиберду/ дрянь/ ерунду/ музыку/ муру/ хрень/ штуку...) денем?*

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

2.3. Прагматический компонент значения при выражении оценки

Известно, что вес оценочной лексики в РР очень высок.

В РР существует регулярный механизм образования слов с общей оценкой (*очень*) *хороший/ (очень) плохой* на основе частнооценочных номинаций. Примером может служить перенос обозначения *внешне воспринимаемых черт* на *внутренние качества* человека: *красавчик / урод* (очень хороший; похвала / очень плохой; осуждение). Оценка *внешности* сменяется характеристикой внутренних качеств или поведения, при этом слово начинает употребляться преимущественно в предикативной функции. (О футболисте) *Ну он красавчик! Такой гол забил!; Опять надрался [напился], красавчик!; Красавчик — так говорят одобрительно о парне, который всё сделал правильно* (модные-слова.рф, 2023); *После этого ты просто урод!; Опять эти уроды воду отключили!*

Заметим также, что номинации *красивый молодой человек* и *красавец, красавчик, красавица* семантически, синтагматически, стилистически и прагматически несинонимичны.

В данном ряду первое обозначение содержит объективную оценку (прагматически оно нейтрально), а другие могут употребляться для субъективной оценки, выражать прагматическую информацию. При этом *частная* оценка (оценка внешности — ‘красивый’) сопровождается положительной коннотацией (‘хороший’), а затем заменяется *общей* оценкой, похвалой (‘хороший’; ‘сделавший что-л. хорошо’). У слов *красавчик, красавица* (о лице мужского пола; *сленг.*) преобладающей в современных контекстах является оценка чьих-л. действий, поведения, а не внешности: *Я уже не первый раз попал сюда/ в госпиталь// Врачи ваще красавчики! Сразу всё везде/ сделали рентген/ всех конечностей/ всё посмотрели/ осколки/ где чё находится...* (Д/ф «Ангелы в бронезилетах», 2023). При этом возможна и противоположная оценка: *Эти красавчики совсем обнаглели!; Ну ты красавица!* (одобрение/ неодобрение поступка). Оценка поведения становится отдельным значением слова.

Широко распространены в РР и слова-оценки лиц (обычно выступающие как предикаты), основанные на метафорическом переносе, использующие:

имена животных: *овца, баран, корова, жираф...* *Это был высокий, тощий, длинношей малый, к тому же и сам в очках. — А ты жираф!* — крикнул Травка (С. Розанов. Приключения Травки).

предметы: природные объекты, артефакты: *пень, столб, жердь, шкаф...* *Там тебя какой-то шкаф спрашивает//* (О высоком мужчине плотного телосложения).

В толковании подобных лексем используется специальная косвенная форма дефиниции: о ком-л., обладающем признаком X. Например:

ЖИРАФ.

DEF: об очень высоком и худом мужчине.

СОРОКА.

1. DEF: о болтливом человеке (чаще о женщине или ребёнке). (Учитель на уроке обращается к ученицам:) — *Кто-нить успокоит этих сорок? Когда вы рот закроете/ наговоритесь уже?* (Запись устной речи, 2010).

2. DEF: о том, кто любит всё блестящее. *Вот купила брошечку// Я сорока/ не могу удержаться//* (Запись устной речи, 2018); *Жена помешана на золотых бирюльках. Это не так важно, а у вас жена-сорока. Вот он гикнется, ей золотишка на первое время хватит, до следующего мужа* (woman.ru, 08.12.2012).

При описании оценочных слов необходимо различать значение и употребление слова в каком-либо нестандартном значении. Такая информация помещается в зону PRAGM.

СКВОРЕЧНИК.

PRAGM: в разговорной речи может также использоваться по отношению к любому зданию, которое не нравится говорящему: *Зачем такие небоскребы? У нас что, земли мало? Из-за этих небоскребов возле таких домов негде парковаться, не проехать и не пройти. Скворечник какой-то, а не дом* (Башни-небоскребы // Форум, 2017).

Характерная черта РР — не только широкое использование собственно оценочных слов, рассмотренных выше, но и наделение оценкой слов с «нейтральным» значением.

Один из механизмов «получения» экспрессии в РР — привлечение в узус стилистически «инородного» слова. Таковы, например, обозначения человека по болезни (в первую очередь это слова, обозначающие некоторые ментальные нарушения: *даун, дебил, идиот, имбицил, кретин, лунатик, маразматик, склеротик, шизофреник* и др.), которые развивают в РР «немедицинское», переносное бранное значение, оно становится для РР более распространенным, чем прямое [10]. Можно сказать, что именно оценочное значение у этих слов является в РР основным, денотативный / сигнификативный компоненты редуцируются, «заслоняются» прагматическим оценочным компонентом. Подобные номинации употребляются для общей отрицательной оценки какого-либо лица.

Трудно сказать, кто из них даун. Даун тот, кто через две сплошные разворачивается, из правого ряда и без УП; С этим клоуном дауном все понятно, ваще не хочу иметь дело; Блин, я живу с этим дауном в одной стране! (Блоги, 2023);

Эти музыканты эти/ художники эти? Ревматико-склеротики? Прочий боевой отряд физической маломощных хлипаков? Их... стой-стой-стой-стой... их на лёгкой работе использовать// (К/ф «Люди и манекены», 1974);

Я Санёк, по жизни устроился преподом по математике. Ботаном и шизиком никогда не был и не буду. Ищу себя, задаю себе вопросы, на которые пока не знаю ответов (ЖЖ, 2020).

Абстрактные имена и, в частности, термины или близкие к ним номенклатурные обозначения из какой-либо специальной области реже развивают оценочное значение, но и такие случаи не единичны.

Посмотрим на следующие обиходные и близкие к непринужденному обсуждению «общественно значимых» проблем контексты, связанные с переносным употреблением слова *порнография*:

Потом пришел электрик, чудесный, в одесском стиле, «дядя Рафаэльчик» («сын турецкоподданого»), долго осматривал «порнографию» нашей проводки и пытался ловить логику тех, кто в разное время ее типа устраивал... (Facebook, 12.08.2012). (К сожалению, мы не

знаем, кто является адресантом оценки — сам сантехник или автор поста, филолог.)

*Мне звонили и «из полиции», и «из службы возврата денег по страховке». Я даже начала забавляться и издеваться над ними, притворяясь, что поверила, но потом прочла вот эту заметку и теперь просто слушаю, что скажут, и, если это опять, вся эта **порнография** начинается, просто вешаю трубку* (Facebook. Группа «Делимся нужными контактами», 16.09.2021).

(Обсуждение финала сериала:) *Честно говоря, этот финал ну никак не оправдать, убрали самого невинного персонажа, который и без того всю дорогу страдал, а напоследок и детей оставили без матери. Это какая-то **порнография**, а не финал, вы уж простите. Вот надо же было так все испортить!* (ВКонтакте, 18.06.2022).

«Порнография — это то, что происходит в судебной системе». Что говорят близкие осужденного за репост клипа Rammstein (currenttime.tv, 05.05.2021).

*Пересечение пр. Мира и ул. Гагарина. Большое освещение было давно сделано, а потом пошла какая-то **порнография**, по-другому это и не назвать. Все эти столбы были сделаны временно, это же позор — даже арматура не обрезана* (bloknot-volgodonsk.ru, Общество, 22.09.2021).

Нередки и употребления этого слова в оценочном значении в средствах массовой информации. Почетный президент Российского футбольного союза В. Колосков о трансляции матчей чемпионата Беларуси на ТВ:

*В пятницу попытался посмотреть два матча. Это какая-то **порнография**, чушь: ни зрителей, ни мастерства — ничего нет. А мы на центральном телевидении показываем эту ерунду* (championat.com, 29.03.2020).

Семантический сдвиг в значении позволяет максимально расширить сферу употребления слова, вполне органично, хотя и с оговоркой, оно вписывается в текст из блога священника:

*«Лайтовое» Православие, с «хиханьками» да «хаханьками», шутками-прибаутками, обнимашками-вкусняшками, где все легко, светло и просто — а главное — понятно — да простит меня дорогой читатель, это духовная **порнография**. Которая только и создаёт, что видимости — видимость веры, видимость подвига, видимость любви и много другого»* (Деревня Великановка, Канал протоиерея Павла Великанова, t.me/velikanovka, 2023).

Употребление слова *порнография* в чисто оценочной функции характерно для РР, о чем говорит множество примеров подобного рода. Часто слово используется для оценки явления или ситуации, которые вызывают возмущение, недоумение, резко отрицательное отношение говорящего. Экспрессия достигается в том числе через несоответствие объекта оценки (плохо устроенная электропроводка, неудачное окончание сериала, недостаточное освещение улиц и др.) и номинации из сексуальной сферы, которая сама по себе экспрессивна и ярко стилистически маркирована.

Ср. словарную статью рассматриваемого слова в ТСРР. И в толковании, и в специальной зоне присутствует *прагматическая информация* (разного типа).

ПОРНОГРАФИЯ.

DEF: о чем-л. (произведении искусства, вещи) плохого качества или вообще о любом явлении, событии, ситуации, которые говорящий оценивает отрицательно. *Это не январь/ а какая-то порнография// Вчера было плюс пять// А завтра вообще плюс девять// Интересно шо ж дальше—то будет?* (Запись устной речи, 2005); *«Эту порнографию надо из города убирать, иначе все превратится в большой Шанхай».* *Формулировки образные, но понятные* (Ярославская Дума запретила ночью торговать водкой // Городской телеканал, 25.12.2009); *Александр Якимов, заместитель председателя городской Думы, покритиковал неприглядный внешний вид хоккейных ворот. — Уберите эту порнографию, команды приедут из других городов — засмеют же. Давайте работу сделаем в этом отношении, — прокомментировал зампред* (Депутаты инспектировали площадки для зимних видов спорта// Глобус (г. Серов), 05.11.2015).

MORPH: ж.; мн. нет.

SYNT: часто сочетается с определениями *какая-то, эта*.

STYL: *неодобр.*

ANALOG: ахинья, байда (в 1 знач.), белиберда (в 1 знач.), бодряга (в 1 знач.), бред, бред сивой кобылы (см. бред), бред собачий (см. бред), бредовина, бредятина, галиматья, говно (во 2 и 3 знач.), дерьмо (во 2 и 3 знач.), дичь, дребедень, ересь, ерунда (в 1 знач.), ерундистика, лабуда, лажа, мура (в 1 знач.), муровина (в 1 знач.), мусор, мутота¹ (в 1 знач.), мутотень (в 1 знач.), муть¹ (в 1 знач.), пурга, тарабарщина, туфта, фигона, фиговина, хреновина, хренота, хрень, чепуха, чепуховина, чушь, чушь собачья (см. чушь)...

PRAGM: употребление слова в значении общей отрицательной оценки, по-видимому, связано с широко растиражированным высказыванием, которое приписывают Н. Хрущеву: *«Это порнография, это не искусство. Это претит! Даже абстрактная мазня обьявляется концом, венцом. Какой дурак пойдет под этим знаменем!»*

Жесткая критика творчества художников-авангардистов была высказана во время посещения Н. Хрущевым в декабре 1962 года выставки студии профессора Элия Белютина «Новая реальность» Московского отделения Союза художников СССР в выставочном зале «Манеж» и продолжилась впоследствии. В оценках авангарда руководители сверхдержав эпохи холодной войны проявляли удивительное единомыслие — если генсек Хрущев известен чеканным «это порнография, это не искусство», то президент Трумен высказался более аккуратно, хоть и неполицоректно: «Если это искусство, я готтентот» (Декабрь 1962. Манеж. 50 лет спустя из цикла «Разница во времени» // Радио «Свобода», 01.12.2012).

(Автор словарной статьи Е.В. Какорина)

Данное слово представляет интерес с точки зрения прагматики, его стилистическое развитие на протяжении долгого времени остается связанным с исходным социальным контекстом, оно нагружено культурными ассоциациями. Неслучайно

современные чиновники используют в своей речи формулу *«Уберите эту порнографию»* (см. примеры выше).

Перед нами своеобразное слово-ярлык, с которым соотносится в сознании нескольких поколений русскоговорящих личность политика Н.С. Хрущева. Семантический сдвиг, смена сферы употребления и размывание значения слова позволяет употреблять его для отрицательной характеристики разнообразных явлений и ситуаций в значении «нечто (очень) плохое». При этом исходное значение — ‘социально или морально осуждаемые формы сексуальности’ — продолжает оставаться актуальным и ощущается говорящими. Ср. словарную статью из Викисловаря, где отмечено как прямое, так и переносное значение:

1. непристойное, вульгарно-натуралистическое изображение или словесное описание полового акта или сексуальных действий, имеющее целью вызывать у воспринимающего сексуальное возбуждение. **Порнография** — не синоним сексуального просвещения, она изображает не сексуальность вообще, а преимущественно её отчуждённые, дегуманизированные, социально или морально осуждаемые формы.

2. разг., неодобр. нечто низкокачественное, второсортное. *Я тоже видел несколько боёв Джеффриса и скажу одно — это не бокс, а сплошная порнография.*

Различные переносные значения слова фиксируются в «Словаре русского арго»:

Что-л. дурное, низкое, мелкое, не вызывающее уважения; чушь, безделица; о чем-л. страшном, ужасном, а также неудавшемся, несурзном. *Не обои, а ~! Какая ~ эта ваша заливная рыба!* (шутл. передел. популярной фразы из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром»). *Занимается какой-то ~ей. Главное — здоровье, остальное всё — ~.* [11].

Наши наблюдения показывают, что слово *порнография* вышло за пределы жаргонных или сленговых употреблений, обладая устойчивым экспрессивным потенциалом, оно достаточно активно используется в РР и в различных сферах интернет-коммуникации и заслуживает лексикографической фиксации (переносное значение слова пока не отмечено в академических толковых словарях).

Описание оценочных слов, характерных для РР, возможно с различной степенью полноты, что обусловлено «нагруженностью» лексемы прагматической информацией разного объема и разного типа. Лингвисты отмечают «сплетенность»

семантической информации с прагматической и связанные с этим трудности лексикографического описания, необходимость введения прагматической информации в зону толкования [6, с. 20–22]. В ТСРР выработаны особые формулы толкований для разных категорий слов, в том числе для оценочных номинаций.

—

ТСРР является новым, экспериментальным опытом в лексикографической практике. В ходе работы над словарем выявлялись многие проблемные области, авторы ТСРР постепенно меняли свое отношение к отбору единиц для словника, способы описания разговорного слова также отчасти претерпели изменения. Одной из наиболее сложных областей описания значения слова является сфера *прагматики*. В данной статье мы лишь приблизительно обозначили некоторые интересные и нередко дискуссионные способы представления прагматической информации в словаре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин Л.П. Типы прагматической информации в толковых словарях // Л.П. Крысин. Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С. 337–415.
2. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Авторы-составители: М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, Е.Г. Жидкова, А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, С.М. Кузьмина, И.В. Нечаева, Е. А. Никишина, А.Р. Пестова, Н.Н. Розанова, Р.И. Розина, О.А. Шарыкина; отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2014–2022.
3. Осьмак Н.А. Лексические единицы повседневной разговорной речи: Пути лексикографического описания их функционирования. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 235 с.
4. Занадворова А.В. Проблемы словарного описания глаголов с приставками под-, при- в «Толковом словаре русской разговорной речи» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 20. Взаимодействие лексики и грамматики. М., 2019. № 2 (20). С. 57–67.
5. Кобозева И.М. Лексическая семантика // И.М. Кобозева. Лингвистическая семантика: Учебник, М.: Эдиториал УРСС, 2000. С.70–94.
6. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности (Сб. науч. тр.) / АН СССР, Ин-т языкознания [Отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. М.: ИНИОН, 1988. С. 7–44.
7. Какорина Е.В. Проблемы фиксации и лексикографического описания коммуникативов (На материале работы над «Толковым словарем русской разговорной речи» (ТСРР)) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 20. Взаимодействие лексики и грамматики. М., 2019. № 2 (20). С. 76–101.
8. Никишина Е.А. Слова *фигушки* и *хренушки* как специфическое средство выражения отрицания в русской разговорной речи // Международная научная конференция «Русская разговорная речь начала XXI века» (Четырнадцатые Шмелёвские чтения 23–25 февраля 2023 г.). М., 2023.
9. Кананазде Л.А. Номинация // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 403–463.
10. Занадворова А.В. Диабетичка vs идиотка. Феминитивы от названия человека по болезни: особенности семантики и прагматики // Русская речь. 2021. № 3. С. 31–46.
11. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

REFERENCES

1. Krysin, L. P. *Tipy pragmaticheskoi informatsii v tolkovykh slovaryakh* [Types of Pragmatic Information in Explanatory Dictionaries]. Krysin, L.P. *Statji o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh* [Articles about the Russian Language and Russian Linguists]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2015, pp. 337–415. (In Russ.)
2. *Tolkovyi slovar russkoi razgovornoj rechi. Vyp. 1–5. Avtory-sostaviteli: M.Ya. Glovinskaya, E.I. Golanova, O.P. Ermakova, E.G. Zhidkova, A.V. Znadvorova, E.V. Kakorina, M.V. Kitaigorodskaya, L.P. Krysin, S.M. Kuzmina, I.V. Nechaeva, E. A. Nikishina, A.R. Pestova, N.N. Rozanova, R.I. Rozina, O.A. Sharykina; отв. red. L.P. Krysin* [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Vol. 1–5. Authors: M.Ya. Glovinskaya, E.I. Golanova, O.P. Ermakova, E.G. Zhidkova, A.V. Znadvorova, E.V. Kakorina, M.V. Kitaigorodskaya, L.P. Krysin, S.M. Kuzmina, I.V. Nechaeva, E. A. Nikishina, A.R. Pestova, N.N. Rozanova, R.I. Rozina, O.A. Sharykina; Ed. L.P. Krysin]. Moscow, 2014–2022. (In Russ.)
3. Osmak, N.A. *Leksicheskie edinitzy povsednevnoi razgovornoj rechi: Puti leksikograficheskogo opisaniya ikh funktsionirovaniya. Dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical Units of Everyday Speech: Ways of Lexicographic Description of Their Functioning. Dissert. Submitted for the Degree of Cand. of Philol. Sciences]. St. Petersburg, 2014. 235 p. (In Russ.)
4. Znadvorova, A.V. *Problemy slovarnogo opisaniya glagolov s pristavkami pod-, pri- v «Tolkovom slovare russkoi razgovornoj rechi»* [Problems of Dictionary Description of Verbs with Prefixes *sub-, pre-* in the “The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech”].

- Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vyp. 20. Vzaimodeystviye leksiki i grammatiki* [Proceedings of The V.V. Vinogradov Institute for Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Vol. 20. Interaction of Lexis and Grammar]. Moscow, 2019, No. 2 (20), pp. 57–67. (In Russ.)
5. Kobozeva, I. M. *Leksicheskaya semantika* [Lexical Semantics]. I.M. Kobozeva. *Lingvisticheskaya semantika: Uchebnik* [Linguistic Semantics: Textbook]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000, pp.70–94. (In Russ.)
 6. Apresyan, Yu.D. *Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovary* [Pragmatic Information for an Explanatory Dictionary]. *Pragmatika i problemy intensionalnosti [Pragmatics and Problems of Intensionality: (Collected Scientific Works)]*. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics, [Ed. N.D. Arutyunova]. Moscow, 1988, pp. 7–44. (In Russ.)
 7. Kakorina, E.V. *Problemy fiksatsii i leksikograficheskogo opisaniya kommunikativov (Na materiale raboty nad «Tolkovym slovarem russkoi razgovornoj rechi» (TSRR))* [Problems of Fixing And Lexicographical Description of Communicatives (Based on the Work on «The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (EDRES)»)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 20. Vzaimodeistvie leksiki i grammatiki. [Proceedings of The V.V. Vinogradov Institute for*
 - Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Vol. 20. Interaction of Lexis and Grammar]. Moscow, 2019, No. 2 (20), pp. 76–101. (In Russ.)*
 8. Nikishina, E.A. *Slova figushki i khrenushki kak spetsificheskoe sredstvo vyrazheniya otritsaniya v russkoi razgovornoj rechi* [The Words *Figushki* and *Khrenushki* as a Specific Means of Expression of Negation in Russian Everyday Speech]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Russkaya razgovornaya rech nachala XXI veka» (Chetyrnadtsatye Shmelevskie chteniya 23–25 fevralya 2023 g.)* [International Scientific Conference “Russian Everyday Speech of the Beginning of the 21st Century” (The Fourteenth Shmelev Readings. February 23–25, 2023)]. Moscow, 2023. (In Russ.)
 9. Kapanadze, L. A. *Nominatsiya* [Nomination]. *Russkaya razgovornaya rech* [Russian Everyday Speech]. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 403–463. (In Russ.)
 10. Zavadvorova, A. V. *Diabetichka vs idiotka. Feminitivy ot nazvaniya cheloveka po bolezni: osobennosti semantiki i pragmatiki* [Diabetichka vs Idiotka. Feminitives from The Name of a Person Due to Illness: Features of Semantics and Pragmatics]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2021, No. 3. pp. 31–46. (In Russ.)
 11. Elistratov, V.S. *Slovar russkogo argo: Materialy 1980–1990 gg.* [Dictionary of Russian Argot: Materials from 1980–1990s]. Moscow: Russkie slovari Publ., 2000. 694 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 30 января 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 февраля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on January 30, 2024

Revised on February 12, 2024

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020051

Однородность, разнородность и переосмысление: первые замечания по обработке картвельского материала в базе BivalTyp

© 2024 г. А. А. Ростовцев-Попель

PhD,

научный сотрудник Отделения славистики Майнцкого университета,
Германия, 55099, Майнц, Якоб-Вельдер-Вег, 18
rostovts@uni-mainz.de

Резюме. В статье освещаются первичные результаты анализа данных картвельских языков, собранных и обработанных автором для типологической базы данных BivalTyp. Наиболее заметными на первый взгляд оказались случаи полной однородности и полной разнородности кодирования ядерных актантов двухвалентных конструкций, а также контексты, в которых рассматриваемые языки демонстрируют потенциал к переосмыслению неискомых предикатов в контекстах, выражающих значения искомых предикатов. Статью заключают соображения, в которых приводится трактовка описанных эффектов.

Благодарность. Автор выражает благодарность С.С. Саю за его ценные комментарии к более ранней версии работы.

Ключевые слова: картвельские языки, грузинский язык, мегрельский язык, лазский язык, сванский язык, падежное кодирование актантов, двухвалентные конструкции.

Для цитирования: *Ростовцев-Попель А.А. Однородность, разнородность и переосмысление: первые замечания по обработке картвельского материала в базе BivalTyp // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 63–70. DOI: 10.31857/S1605788024020051*

Homogeneity, Heterogeneity, and Reanalysis: First Remarks on the Processing of Kartvelian Data for the Database BivalTyp

© 2024 Alexander A. Rostovtsev-Popiel

PhD,

Research Fellow of the Department of Slavic Studies at the University of Mainz,
Jakob-Welder-Weg 18, Mainz 55099, Germany
rostovts@uni-mainz.de

Abstract. This paper examines the primary results of the analysis of the Kartvelian data collected and processed by the author for the typological database BivalTyp. What most strikingly met the eye were the instances of entire homogeneity and entire heterogeneity of respective case-marking alignment of the core arguments in bivalent constructions, as well as those contexts that feature the potential to reanalyze non-target predicates, upon the lexical non-availability of the target ones, to express the meanings of the latter. The paper concludes with a number of explanations to the effects discussed.

Acknowledgements: I am indebted to Sergey S. Say for his valuable comments on the previous version of the paper.

Key words: Kartvelian languages, Georgian language, Megrelian language, Laz language, Svan language, case-marking alignment, bivalent constructions.

For citation: *Rostovtsev-Popiel, A.A. 'Odnorodnost', raznorodnost' i pereosmyslenie: pervye zamečaniâ po obrabotke kartvel'skogo materiala v baze BivalTyp* [Homogeneity, Heterogeneity, and Reanalysis: First

Remarks on the Processing of Kartvelian Data for the Database BivalTyp]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 63–70. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020051

The image shows three screenshots of the BivalTyp database interface, each displaying a different verb construction in Georgian. Each screenshot includes a list of valency patterns and loci, a morphological breakdown of the verb, and a translation.

Example 1: feel pain (s-tk'-iv-a (PRS))

- Valency pattern: DAT_NOM
- X: DAT
- Y: GEN
- Locus: XY
- Morphology: PN-DAT head-NOM IO3-ache-R.EXT-S3SG.INACT
- Translation: 'Petre has a headache.'

Example 2: have (illness) (Ø-a-kv-s (PRS))

- Valency pattern: DAT_NOM
- X: DAT
- Y: NOM
- Locus: X
- Morphology: PN-DAT flu-NOM IO3-VER: SUP-have-s3SG
- Translation: 'Petre has the flu.'
- Note: This root is associated with inanimate possessees.

Example 3: be afraid (Ø-e-šin-i-a (PRS))

- Valency pattern: DAT_GEN
- X: DAT
- Y: GEN
- Locus: XY
- Morphology: PN-DAT dog-GEN IO3-VER: R-fear-STAT-S3SG.INACT
- Translation: 'Petre is afraid of the dog.'

Рис. 1. Выбор падежной рамки и локуса отклонения от переходного образца в грузинском

1. Введение

В работе рассматриваются данные картвельских языков в свете типологической базы данных двухвалентных конструкций BivalTyp. Несмотря на предварительный характер оценки материала, а именно тех его сегментов, которые уже при первичной обработке обратили на себя внимание, анализ данных позволил сделать несколько обобщений типологического свойства применительно к картвельским языкам¹.

2. База данных BivalTyp

Вопросы изучения глагольной валентности занимают важное место в типологическом изучении языков мира. В числе основных параметров следует отметить:

- переходность / непереходность;
- падежное маркирование актантов;
- залог и связанные с ним категории.

¹ Апробация работы была осуществлена на конференции «II международный лингвистическо-антропологический конгресс кавказоведов» (17–19 октября 2023 г., Тбилиси, Тбилисский государственный университет).

Как правило, взоры лингвистов-типологов обращены к наиболее распространенным типам глаголов:

- одновалентные глаголы (*ходить, спать*);
- двухвалентные переходные глаголы (*есть, читать*);
- трехвалентные переходные глаголы (*давать, кормить*).

При этом, думается, во всех языках есть не только основные типы глаголов, но и периферийные (неканонические) типы. Как раз ими типологи интересовались редко. По справедливому выражению Д. Даути, «[п]ринципы отбора [ядерных актантов], очевидно, действуют только для двухместных предикатов, управляющих субъектом и настоящим прямым объектом» [1, с. 576].

Цель создателей типологической базы данных двухвалентных конструкций BivalTyp (см. [2]) — восполнить этот пробел. База была разработана для установления и сравнения морфологических и морфосинтаксических средств (таких, например, как падежи, адлоги и глагольные личные показатели), специфичных для того или иного языка, задействованных в кодировании двух заранее определенных актантов предиката. Для каждого

List of languages

Click on the 'link' near the name of a language to open the description. Summary data for languages being prepared for publication can be found in the '[Patterns overview](#)' section

Show the description

glottocode	language	language link	macroarea	family (WALS)	genus (WALS)
abaz1241	Abaza	link	West Asia and the Caucasus	Northwest Caucasian	Northwest Caucasian
adyg1241	Adyghe (West Circassian)	link	West Asia and the Caucasus	Northwest Caucasian	Northwest Caucasian
aghu1253	Aghul	link	West Asia and the Caucasus	Nakh-Daghestanian	Lezgetic
tosk1239	Albanian		Europe	Indo-European	Albanian
kryt1240	Alik Kryz	link	West Asia and the Caucasus	Nakh-Daghestanian	Lezgetic
anci1242	Ancient Greek		Europe	Indo-European	Greek
arch1244	Archi	link	West Asia and the Caucasus	Nakh-Daghestanian	Lezgetic
assy1241	Assyrian Neo-Aramaic	link	West Asia and the Caucasus	Afro-Asiatic	Semitic
avar1256	Avar	link	West Asia and the Caucasus	Nakh-Daghestanian	Avar-Andic-Tsezic
nort2697	Azerbaijani	link	West Asia and the Caucasus	Altaic	Turkic
bagv1239	Bagvalal		West Asia and the Caucasus	Nakh-Daghestanian	Avar-Andic-Tsezic
bamb1269	Bambara	link	Sub-Saharan Africa	Mande	Western Mande
bash1264	Bashkir		Europe	Altaic	Turkic
basq1248	Basque		Europe	Basque	Basque
bela1254	Belarusian		Europe	Indo-European	Slavic
beng1280	Bengali		South Asia	Indo-European	Indic
port1283	Brazilian Portuguese	link	Europe	Indo-European	Romance
bulg1262	Bulgarian		Europe	Indo-European	Slavic
huri1258	Buriat		North and Central Asia	Altaic	Mongolic
stan1289	Catalan	link	Europe	Indo-European	Romance
chec1245	Chechen		West Asia and the Caucasus	Nakh-Daghestanian	Nakh
chir1284	Chirag	link	West Asia and the Caucasus	Nakh-Daghestanian	Dargwic
chuk1273	Chukchi		North and Central Asia	Chukotko-Kamchatkan	Northern Chukotko-Kamchatkan
chuv1255	Chuvash		Europe	Altaic	Turkic
croa1245	Croatian		Europe	Indo-European	Slavic

Рис. 2. Фрагмент списка языков выборки

из языков одна какая-либо конкретная конструкция определяется как переходная, а все прочие — как так или иначе отклоняющиеся от заданного переходного образца.

Данная база доступна онлайн. Она предоставляет читателю возможность обратиться к интерактивному аппарату, который опирается на широкий функционал, см. рис. 1.

В базе приведены переводы предложений анкеты, включающей в себя 130 двухвалентных конструкций, на более чем 120 разноструктурных языков мира, см. рис. 2.

Данные более половины языков из этой выборки доступны онлайн в виде транслитерированных предложений, снабженных переводом и глоссами, см. рис. 3.

Кроме того, каждая итерация анкеты снабжена кратким описанием грамматики соответствующего языка, см. рис. 4.

3. Краткие сведения о картвельских языках

Картвельская семья² включает в себя грузинский,³ мегрельский,⁴ лазский⁵ и сванский⁶ языки, на которых говорят преимущественно в Закавказье, а именно в Грузии, а также в Турции и Иране.

Эти языки характеризуются сложным устройством глагольной системы — как в отношении словоизменения, так и в отношении словообразования. Глагол, в частности, тип его спряжения, а также (если не учитывать на синхронном уровне лазский) видовременная форма глагольного предиката диктуют падежное маркирование

² См. [5]; [6]; [7].

³ См. [3]; [8].

⁴ См. [9]; [10].

⁵ См. [11]; [12].

⁶ См. [13]; [14].

17. <u>tell</u> (<i>Ø-e-ubn-eb-a (PRS)</i>)	
Valency pattern: ERG_DAT	<i>p'et're-m mašo-s rayaca-Ø Ø-u-txr-a</i>
X: ERG	PN-ERG PN-DAT something-NOM IO3-VER:O-tell-SM-S3SG.PST
Y: DAT	'Petre told Masho something.'
Locus: Y	
18. <u>hold</u> (<i>Ø-u-č'ir-av-s (PRS)</i>)	
Valency pattern: DAT_NOM	<i>p'et're-s xel-ši c'ign-i Ø-u-č'ir-av-s</i>
X: DAT	PN-DAT hand-PSTP:INESS book-NOM IO3-VER:O-hold-SM-S3SG.INACT
Y: NOM	'Petre is holding a book in his hand.'
Locus: X	
19. <u>catch up</u> (<i>da-Ø-e-c'ev-a (FUT)</i>)	
Valency pattern: NOM_DAT	<i>p'et're-Ø mašo-s da-Ø-e-c'i-a</i>
X: NOM	PN-NOM PN-DAT PRV:downward-IO3-VER:R-catch up-S3SG.PST
Y: DAT	'Petre caught up with Masho.'
Locus: Y	
20. <u>milk</u> (<i>mo-Ø-c'vel-i-s (FUT)</i>)	
Valency pattern: TR	<i>p'et're-m zroxa-Ø mo-Ø-c'vel-a</i>
X: ERG	PN-ERG COW-NOM PRV:PROX-DO3-milk-S3SG.PST
Y: NOM	'Petre milked the cow.'
Locus: TR	

Рис. 3. Образец глоссированных примеров для грузинского

актантов в клаузе. Подробно эта проблематика рассмотрена в таких работах, как [3, с. 39–47, 181–190]; [4, с. 274–277].

В ходе анализа данных анкеты, помимо переходных конструкций, было выявлено три типа локуса отклонения от «переходного образца» (неканоническое кодирование первого, второго или обоих ядерных актантов) и более четырех десятков доступных падежных рамок (при том, что данное количество в полной мере не доступно ни в одном отдельно взятом картвельском языке).

Разумеется, рассматриваемая база данных не является теоретической самоцелью, но представляет собой инструмент, при помощи которого специалисты в области морфосинтаксиса и падежного маркирования актантов могут проводить самостоятельные исследования. Тем не менее уже при первом приближении к картвельскому

материалу сквозь призму BivalTyp удалось обнаружить нечто существенное.

4. Предварительные результаты

В ходе первичной обработки картвельских данных после их интеграции в базу данных в 2023 г. был выявлен целый ряд фактов, три из которых, по-видимому, заслуживают особого внимания, не требуя при этом глубокого погружения в картвельский контекст. Несмотря на неоднородность материала, во многом обусловленную большой давностью филиации семьи, измеряемой специалистами не одним тысячелетием (см., например, [15, с. ix]), конструкции с некоторыми предикатами обнаружили исключительное единообразие в маркировании актантов – даже при учете различий в материальном и этимологическом составе падежных показателей.

Grammar notes

Basic clause structure and the transitive construction

Valency classes of Georgian verbs are primarily defined by their case frames. However, many Georgian verbs, including all transitive verbs, display the so-called “case-shift”: a phenomenon whereby the case marking of arguments depends on the verb’s TAM form. Georgian TAM forms group into so-called “series”, where Series I is present/future, Series II is aorist/optative; and Series III is perfect/pluperfect. Case marking in verbs that undergo case-shift is summarized in Table 1.

Table 1. Verbs with case-shift: case marking in the three series

	Subject	Direct object	Indirect object
Series I: present/future	NOM	DAT	DAT
Series II: aorist/optative	ERG	NOM	DAT
Series III: perfect/pluperfect	DAT	NOM	OBL (i)

(i) OBL stands here for “oblique” and covers Benefactive and Sociative (and Allative in some dialects).

For the purposes of the dataset below, the verb is considered transitive if and only if it displays case-shift so that its X-argument is case-marked as the “Subject”, and its Y-argument is case-marked as the “Direct object” in Table 1. The valency-encoding devices for the two core arguments in transitive constructions are labeled as “ERG” and “NOM” respectively, even if the actual sentence happens to belong to Series I, where we observe no ergative case-marking (Series III forms are not found in the questionnaire below). For example, the equivalent of ‘plough’ (#66) in (2) is allotted to the same class as the equivalent of ‘take’ (#8) in (1), even though the two exemplar sentences display discrepant case frames.

- (1) p'et're-m taro-dan c'ign-i a-Ø-i-γ-o
 PN-ERG shelf-PSTP:INS.ABL book-NOM PRV:upward-D03-VER:S-take-S3SG.PST
 'Petre took a book from the shelf.'
- (2) p'et're-Ø q'ana-s Ø-xn-av-s
 PN-NOM field-DAT D03-plough-SM-S3SG
 'Petre is ploughing the field.'

Активация Windows
 Windows не удалось активировать. Проверьте подключение к Интернету.

Рис. 4. Фрагмент описания грузинского языка

С другой стороны, по причинам, скорее всего, связанным с относительной оппортунистичностью выбора периферийных падежей для маркирования участников ситуации при определенных предикатах, в некоторых контекстах было обнаружено максимальное многообразие моделей оформления падежных рамок.

Наконец, особого внимания заслуживают случаи, в которых языки демонстрируют переосмысление некоторых предикатов и их падежных рамок ввиду того, что определенные глагольные концепты в них не оказались лексикализованы.

4.1. Однородность

Большая часть контекстов, в которых фигурируют — по крайней мере с типологической точки зрения — прототипические переходные ситуации, например, *съесть*, обнаруживает однородность в оформлении падежных рамок:

- (1) *съесть* (26)⁷
 груз. p'et're-m vašl-i šeč'ama.
 Петре-ERG яблоко-NOM съел
 «Петре съел яблоко».

⁷ Здесь и далее в скобках приводится номер стимула в базе данных BivalTur.

мегр.	<i>čelo-k</i> Чело-ERG	<i>ušk'ur-i</i> яблоко-NOM	<i>ošk'omu.</i> съел
«Чело съел яблоко».			
лаз.	<i>käzimi-k</i> Кязим-ERG	<i>ušk'u(r)-i</i> яблоко-NOM	<i>ošk'omu.</i> съел
«Кязим съел яблоко».			
сван.	<i>maizer-d</i> Майзер-ERG	<i>lisgw-Ø</i> яблоко-NOM	<i>lale:m.</i> съел
«Майзер съел яблоко».			
Рамка:	имя-ERG	яблоко-NOM	съел

4.2. Разнородность

В случае с глаголом *бояться*, напротив, каждый из четырех языков, сохраняя датив за экспериенцером, выбирает отдельное (последовательно-)падежное маркирование второго участника:

(2)	<i>бояться</i> (3)		
груз.	<i>p'et're-š</i> Петре-DAT	<i>zayl-is</i> собака-GEN	<i>ešinia.</i> боится
«Петре боится собаки».			
мегр.	<i>čelo-š</i> Чело-DAT	<i>žoγor-(i)ša</i> собака-ALL	<i>ošk'uru(n).</i> боится
«Чело боится собаки».			
лаз.	<i>käzimi-š</i> Кязим-DAT	<i>žoγor-(i)šen</i> собака-AVL	<i>ašk'urine(n).</i> боится
«Кязим боится собаки».			
сван.	<i>maizer-š</i> Майзер-DAT	<i>žeγ-išd</i> собака-BEN	<i>xaq'lu:ni.</i> боится
«Майзер боится собаки».			

Рамка:

груз.	DAT – GEN
мегр.	DAT – ALL
лаз.	DAT – AVL
сван.	DAT – BEN

4.3. Переосмысление

В лазском и сванском отсутствует специализированная лексема со значением *стоить*. Для того, чтобы перевести стимул (100) на лазский и сванский языки, носителям пришлось задействовать лексические единицы, в иных случаях обладающие лексической семантикой, отличной от искомой.

В случае с лазским выбор пал на глагол *быть*, в обычных условиях имеющий рамку *НОМ – NOM*:

(3)	<i>быть</i>		
лаз.	<i>šuše-Ø</i> чашка-НОМ	<i>did-Ø</i> большой-NOM	<i>(r)en.</i> есть
«Чашка большая».			

С другой стороны, в сванском при выражении значения *стоить* был задействован предикат со значением *быть похожим* (4), падежная

рамка которого подразумевает маркирование *НОМ – DAT*:⁸

(4)	<i>быть похожим</i> (6)			
сван.	<i>maizer-Ø</i> Майзер-НОМ	<i>gegi-š</i> Геги-DAT	<i>xažeš.</i> похож	
«Майзер похож на Геги».				

Как выяснилось в ходе элицитации, падежное маркирование актантов при этих предикатах прошло морфосинтаксическое переосмысление для того, чтобы получить возможность выражать лексическое значение *стоить*.

Так, в лазском модель *НОМ – NOM* была заменена на модель *НОМ – DAT*:

(5)	<i>стоить</i> (100)			
лаз.	<i>šuše-Ø</i> чашка-НОМ	<i>ar</i> один	<i>lira-z</i> лира-DAT	<i>(r)en.</i> стбит
«Чашка стоит одну лиру».				

Рамка:

НОМ – NOM → NOM – DAT

В сванском же обращает на себя внимание мена модели *НОМ – DAT* на модель *НОМ – NOM*:

(6)	<i>стоить</i> (100)			
сван.	<i>č'ik-Ø</i> чашка-НОМ	<i>ešxu</i> один	<i>lar-Ø</i> лари-NOM	<i>xažeš.</i> стбит
«Чашка стоит один лари».				

Рамка:

НОМ – DAT → NOM – NOM

В обоих случаях мена рамки свидетельствует не о той или иной семантической мотивации морфосинтаксического сдвига, а, скорее, об оппортунистичном характере подхода к замене морфосинтаксиса клаузы.

5. Заключение

Этот краткий обзор предварительных результатов обработки картвельских данных в свете типологической базы VivalTur позволяет сформулировать три положения.

Во-первых, при всей своей типологической необычности в том, что в рассматриваемых языках существует зависимость падежного кодирования от видовременной принадлежности глагольной формы, ядро переходного класса глаголов в них оказывается типологически ожидаемым: те глаголы, которые системно ведут себя как переходные, в картвельских

⁸ Здесь следует отметить, что форма *xažeš* устроена следующим образом: корню *žeš* «быть похожим» предшествует предкорневой гласный *a-*, по сути, аппликативный оператор, контролирующий дативный актант, а также личный показатель косвенного объекта третьего лица *x-*, дополнительно маркирующий этот актант на глаголе.

языках (см. раздел 4.1) вполне четко соответствуют верхней части типологической иерархии предикатов по склонности к переходности (см. [16]).

Во-вторых, картвельские языки — в частности, на фоне общей выборки — необычны тем, что в них широко представлены различные типы отклонения от переходного стандарта. Если в языках Западной Европы отклонения от переходности в основном кодируются на втором актанте, то в картвельских языках неканоническое (например, дативное) маркирование нередко получает первый актант (или даже оба актанта одновременно), см. примеры в разделе 4.2. Таким образом, картвельские языки различаются по конкретным рамкам, но схожи в том, что, например, предикат *бояться* требует неканонического кодирования обоих участников. Общетипологически подобные схемы редки, но их относительно широкая представленность является характерной чертой картвельских языков, отчасти сближающей их в этом отношении с другими языками Кавказа (например, с нахско-дагестанскими) и, шире, с языками Западной Азии.

Наконец, в-третьих, случаи, рассмотренные в разделе 4.3, подтверждают общетеоретический тезис о том, что кодирование актантов во многом является не собственно лексическим феноменом, где выбор модели управления напрямую задается конкретной лексемой в словаре, а явлением, находящимся на стыке семантики и синтаксиса: в ряде случаев кодирование актанта зависит от конкретного предикатного смысла, выражаемого в предложении.

Список условных сокращений

3 — третье лицо, AVL — аблатив, ALL — аллатив, BEN — бенефактив, DAT — датив, DO — прямой объект, ERG — эргатив, FUT — будущее время, GEN — генитив, INACT — показатель неактивного глагола, INESS — инессив, INS — инструменталь, IO — косвенный объект, NOM — номинатив, O — объектная версия, OVL — косвенный падеж, PN — личное имя, PROX — ближний дейксис, PRS — настоящее время, PRV — преверб, PST — прошедшее время, PSTP — послелог, R — относительная версия, S — субъект/субъектная версия, SG — единственное число, SM — показатель серии, SOC — социатив, SUP — суперессивная версия, SUPERESS — суперессив, TR — переходный (тип, модель и т.д.), VER — показатель версии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Dowty, D. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language* 67.3: 547–619.

2. Say, S. (Ed.). 2020. *BivalTyp: Typological Database of Bivalent Verbs and Their Encoding Frames*. (Available Online at <https://www.bivaltyp.info>).
3. Harris, A. *Georgian Syntax. A Study in Relational Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
4. Rostovtsev-Popiel, A. A. Case-Shift on Megrelian Adverbs. Chumakina, Marina, Oliver Bond, Oliver, and Steven Kaye (Eds.). *Agreement beyond the Verb*. Oxford: Oxford University Press, 2023, pp. 264–305.
5. Harris, A. Overview on the History of the Kartvelian Languages. Harris, Alice (Ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 1. The Kartvelian Languages*. Delmar, N.Y.: Caravan Books, 1991, pp. 9–83.
6. Boeder, W. The South Caucasian Languages. *Lingua*, 2005, 115: 5–89.
7. Testelets, Y. G. Kartvelian (South Caucasian) Languages. Polinsky, Maria (Ed.). *The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press: 2021, pp. 491–528.
8. Rostovtsev-Popiel, A. A. Bivalent Patterns in Georgian. Say, Sergey (Ed.). *BivalTyp: Typological Database of Bivalent Verbs and Their Encoding Frames*. (Data First Published on June 8, 2023; Last Revised on January 17, 2024.) (Available Online at <https://www.bivaltyp.info>, Accessed on 25 February 2024). 2023.
9. Rostovtsev-Popiel, A. A. Megrelian. Polinsky, Maria (Ed.). *The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 529–569.
10. Rostovtsev-Popiel, A. A. Bivalent Patterns in Mingrelian. Say, Sergey (Ed.). *BivalTyp: Typological Database of Bivalent Verbs and Their Encoding Frames*. (Data First Published on August 5, 2023; Last Revised on January 17, 2024.) (Available Online at <https://www.bivaltyp.info>, Accessed on 25 February 2024). 2023.
11. Lacroix, R. *Description du dialecte laze d'Arhavi (caucasique du sud, Turquie)*. *Grammaire et textes*. Thèse de doctorat en Sciences du Langage. Université Lumière Lyon 2, ms. 2009. (In French)
12. Rostovtsev-Popiel, A.A. Bivalent Patterns in Laz. Say, Sergey (Ed.). *BivalTyp: Typological Database of Bivalent Verbs and Their Encoding Frames*. (Data First Published on October 13, 2023; Last Revised on December 22, 2023.) (Available Online at <https://www.bivaltyp.info>, Accessed on 25 February 2024). 2023.
13. Tuite; Kevin. *Svan* (Languages of the World. Materials. Vol. 139.) München, Newcastle: Lincom Europa.
14. Rostovtsev-Popiel, A.A. Bivalent Patterns in Svan. Say, Sergey (Ed.). *BivalTyp: Typological Database of Bivalent Verbs and Their Encoding Frames*. (Data First Published on October 13, 2023; Last Revised on January 17, 2024.) (Available Online at <https://www.bivaltyp.info>, Accessed on 25 February 2024). 2023.
15. Klimov, G.A. *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages*. (Trends in Linguistics Documentation. Vol. 16.) Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1998.

16. Сай С.С. Маркирование актантов двухместных предикатов: Предварительные итоги типологического исследования. Сай С.С. (отв. ред.). *Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках*. СПб: ИЛИ РАН, 2018. С. 557–516. [Say, S.S. *Markirovanie aktantov dvuxmestnykh predikatov: Predvaritelnye itogi tipologičeskogo issledovaniâ* [Argument Marking with Bivalent Predicates: Preliminary Results of a Typological Study]. Say, Sergey S. (Ed.). *Valentnostnye klassy dvuxmestnykh predikatov v raznostrukturnykh âzykax* [Valency Classes in Bivalent predicates in Languages of Diverse Structure]. St. Petersburg: ILS RAS Publ., 2018, pp. 557–516. (In Russ.)]

Дата поступления материала в редакцию: 20 января 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 февраля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on January 20, 2024

Revised on February 1, 2024

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020068

Издание писем М. Горького: история и методология

© 2024 г. А. Г. Плотникова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
aplotnikovaimli@gmail.com

Резюме. В статье описана история и методология публикации богатейшего наследия Горького в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. Приводится обзор подходов к публикации писем Горького в периодических изданиях, мемуарной прозе, исследовательских сериях «Архив А.М. Горького», «Литературное наследство», «М. Горький. Материалы и исследования» и др. Освещается проблема выбора основного источника текста, анализируется методология подготовки научного текстологического, реально-исторического, библиографического комментария к письмам М. Горького, издаваемым в рамках Полного собрания сочинений писателя в ИМЛИ РАН. Приведены некоторые сложные текстологические случаи, с которыми столкнулись составители издания. В преддверии планирования третьей серии собрания – «Литературно-критические и публицистические статьи М. Горького» – важно приступить к научному осмыслению истории и методологии этого труда, в котором объединяются лучшие текстологические традиции ИМЛИ РАН и современные подходы.

Ключевые слова: М. Горький, Полное собрание сочинений, комментарий, текстология, письма.

Для цитирования: Плотникова А.Г. Издание писем М. Горького: история и методология // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 71–79. DOI: 10.31857/S1605788024020068

Edition of M. Gorky's Letters: History and Methodology

© 2024 Anastasia G. Plotnikova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia
aplotnikovaimli@gmail.com

Abstract. The article describes the history and methodology of publishing Gorky's rich heritage at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. We present the overview of approaches to the publication of Gorky's letters in periodicals, memoir prose, and research series "Archive of A.M. Gorky", "Literary Heritage", "M. Gorky. Materials and Research", etc. The problem of choosing the main source of the text is highlighted. We also analyze the methodology of preparing of a scholarly textual, real-historical, bibliographic commentary on the letters of M. Gorky, which is published as part of the Complete Works of the writer at the IWL RAS. Some complex textual cases encountered by the editors of the publication are presented in the article. It is important to begin a scholarly understanding of the history and methodology of this work, which combines the best textual traditions of the IWL RAS and modern approaches, because the 3rd series of the collection – "Literary-critical and journalistic articles of M. Gorky" is under planning now.

Key words: M. Gorky, Complete Works, commentary, textual criticism, letters.

For citation: Plotnikova, A.G. *Izdanie pisem M. Gorkogo: istoriya i metodologiya* [Edition of M. Gorky's Letters: History and Methodology]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 71–79. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020068

Эпистолярное наследие М. Горького – уникальное явление и по объему, и по значению в мировой культуре, его публикация имеет долгую историю.

Еще при жизни писателя в прессе появлялись его письма, что почти всегда он оценивал как нарушение неписаных правил эпистолярной этики. В редких случаях он давал разрешение на публикацию, так вышли письма к Л.Н. Толстому, А.П. Чехову, С.П. Дороватовскому, М.М. Коцюбинскому, В.Я. Брюсову. В 1930-е годы, когда Горький все более приобретал значение и функции целого учреждения, изменился и характер его переписки. Его ответы начинающим писателям стали основой для рубрики «Письма из редакции» в журнале «Литературная учеба». Однако Горький специальным образом обрабатывал эти письма, убирая то, что могло указать на личность адресата. По приблизительным подсчетам А.И. Овчаренко, редактировавшего Полное собрание сочинений с 1968 по 1988 г., при жизни Горького было опубликовано около 1300 его писем [1, с. 6].

После смерти писателя, в конце 1930-х – 1940-е годы, письма Горького публиковались чаще всего фрагментами, встраивались в текст биографических и публицистических статей. При этом зачастую публикаторы искажали или изменяли тексты писем в своих целях, допуская необозначенные купюры или заменяя отдельные слова. Так, например, С.Я. Маршак при публикации в 1940 г. письма Горького о молодых поэтах Дмитровского исправительно-трудового лагеря Л. Могилянкой и Д. Тасе [2] корректировал текст, удаляя целые фрагменты: имена, упоминание о Дмитлаге, название канала (подробнее см.: [3]). После периода сталинских репрессий 1937–1938 гг., унесшего жизни и молодых поэтов, и их начальника С.Г. Фирина, в сложной и непрерывно меняющейся общественно-политической ситуации наиболее безопасным было обойтись общими словами, избегая конкретных фактов и имен, что сказало и на специфике публикации писем Горького. Также в этот период небольшие сборники эпистолярных текстов писателя, преследовавшие пропагандистские и просветительские цели, появились в серии «Библиотека “Огонек”»: в 1936, 1937 и 1946 гг. выходили «Письма к рабкорам и писателям».

Выдержки из писем Горького также публиковались в воспоминаниях В.А. Десницкого, К.А. Федина, Л.М. Леонова, Л.Н. Сейфуллиной и др. Ценность этих фрагментов заключается в их тесной включенности в контекст происхождения, в авторском комментарии корреспондентов, сообщающих важные сведения биографического и историко-литературного характера, однако научный подход в этих публикациях отсутствует.

История научной публикации писем Горького начинается с тридцатитомного собрания его сочинений, где три последних тома, ответственным редактором которых выступил Е.Б. Тагер, были посвящены эпистолярному наследию писателя. В этих книгах были опубликованы 1195 писем Горького за период 1889–1936 гг. В краткой вступительной статье к 28-му тому принципы публикации характеризуются так: «Большая часть писем, телеграмм, надписей печатается по подлинникам, хранящимся в Архиве А.М. Горького. Некоторые печатаются с незначительным сокращением. Сокращения отмечены многоточием, взятым в прямые скобки. В примечаниях оговариваются те случаи, когда письма публикуются по черновому автографу, копии или печатному источнику. Кроме того, в примечаниях дается краткий реально-исторический комментарий» [4, т. 28, с. 446]. Также в статье даются краткие пояснения о структуре научного комментария, сопровождающего опубликованные письма.

Подготовка томов осуществлялась в начале 1950-х годов при давлении идеологического контроля КПСС. С этим были связаны многочисленные купюры в текстах, исключаящие, прежде всего, упоминаемые в письмах Горького имена Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, П.П. Крючкова, С.Б. Урицкого и др. Эти люди были репрессированы, и их имена оказались под запретом. Надо отдать должное составителям, которые в ситуации суровых цензурных ограничений осуществили купирование горьковского текста максимально бережно, с очевидным стремлением сохранить и смысл письма, и стиль автора.

Комментарии составляют приблизительно 1/4 объема томов. Многие письма, опубликованные в собрании сочинений, имеют текстологический комментарий, включающий сведения

об источнике текста, о более ранних его публикациях, наличии встречных писем, особенностях датировки. В редких случаях встречные письма цитируются в комментарии. При сложностях датировки составители ограничиваются фразой «датируется по содержанию», не углубляясь в аргументацию. Можно отметить, что текстологический комментарий не унифицирован, в каждом случае приводятся те сведения, которые показали текстологам наиболее важными.

«Краткий реально-исторический комментарий» служит в значительной степени для раскрытия малоизвестных имен и фактов биографии М. Горького. Более подробно составлен библиографический комментарий при упоминаниях художественных произведений писателя или книг, статей, рекомендуемых им корреспонденту. Однако за редким исключением при реальном комментарии не приводятся ссылки на его источники, на документы или исследования. При всех сложностях публикации и комментирования три завершающих тома тридцатитомного собрания сочинений были очень ожидаемы как писательским и научным сообществом, так и широким читателем. Предваряя выпуск томов, «Литературная газета» представляла обширные подборки писем из этого издания (см.: [5]; [6]; [7]). Публикация большого объема горьковского эпистолярия дала существенный импульс к обновлению горьковедения и привела к тому, что широкое использование и цитирование этих писем прочно вошло в советскую научную и публицистическую традицию.

В эти же годы вышли очередные тома серии «Архив А.М. Горького»: «Письма к К.П. Пятницкому» (т. 4, 1954) и «Письма к Е.П. Пешковой» (т. 5, 1955). Серия началась в 1939 г. «Историей русской литературы», где были опубликованы лекции Горького в Каприйской партийной школе, однако ее основой стали тома переписки писателя. В подготовке пятого и девятого томов, посвященных истории общения Горького с женой, непосредственное участие принимала сама Екатерина Павловна Пешкова, отбирая материал, составляя реальный комментарий, датируя письма. Эти тома получились особенными: с одной стороны, они содержат бесценный фактический комментарий от очевидца событий, с другой — на них лежит отпечаток личного отношения Е.П. Пешковой, которая запрещала к публикации некоторые письма и настаивала на использовании так называемых этических купюр, удаляя из текстов то, что показалось ей слишком личным (информацию о здоровье домочадцев, резкие суждения Горького об окружающих и т.д.). В серии «Архив

А.М. Горького» следует выделить выпуски «Письма к писателям и И.П. Ладыжникову» (т. 7, 1959), «Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами» (т. 8, 1960), «М. Горький и советская печать» (т. 10, кн. 1–2, 1964–1965), «Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым» (т. 11, 1966), «Неизданная переписка» (т. 14, 1976), «М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936)» (т. 15, 1995). Последней на сегодняшний день книгой в серии вышла переписка Горького с М.И. Будберг (т. 16, 2001). Особенностью изданий является публикация двусторонней переписки писателя с его корреспондентами, что существенно расширяет контекст горьковского эпистолярия. Основная задача серии — представить читателям и исследователям и ввести в научный оборот все многообразие материалов, хранящихся в уникальном архиве писателя. Каждый том «Архива А.М. Горького» при этом — особое издание, принципы подготовки которого оговорены во вступительных статьях. Одни тома (например, 4, 5, 9, 15, 16) имеют монографический характер и представляют отношения писателя с корреспондентом — К.П. Пятницким, Е.П. Пешковой, Р. Ролланом, М.И. Будберг — во всей их сложности и целостности. Другие — более дробные, материалы в них связаны не именем горьковского корреспондента, а определенной темой. Так, в 14 томе, имеющем общее название «Неизданная переписка», таким объединяющим началом выступает сквозная тема революции и культуры, которая раскрывается на материале переписки Горького с А.В. Луначарским, М.Н. Покровским, А.С. Бубновым, Е.К. Малиновской и др.

При публикации писем в комментариях часто даются архивные шифры, датировка документов аргументируется более детально, чем в собрании сочинений — с указанием конкретного события, связанного с фразой в письме. Историко-культурный комментарий в томах серии сопровождает не только письма Горького, но и его корреспондентов и составлен значительно более подробно, чем во всех предыдущих изданиях. Составители приводят биографический, библиографический комментарий, восстанавливая контекст переписки и ее результаты. Также в комментариях приводится множество ссылок на горьковедческие издания, в первую очередь — на тридцатитомное собрание сочинений, четырехтомную «Летопись жизни и творчества А.М. Горького», многочисленные материалы «Горьковских чтений», издания литературоведческого и мемуарного характера.

Неизданная переписка Горького выходила и в знаменитой серии «Литературное наследство»:

«Горький и советские писатели» (т. 70, 1963), «Горький и Леонид Андреев» (т. 72, 1965), «Горький и русская журналистика начала XX века» (т. 95, 1988). В соответствии с концепцией серии в 70-м томе публиковалась двусторонняя переписка Горького с советскими писателями 1920–1930-х годов, а также материалы и документы: предисловия, отзывы и дарственные надписи. Организация издаваемых материалов в горьковских томах «Литературного наследства» напоминает ту, которую мы наблюдали в томах «Архива А.М. Горького», что не случайно, поскольку научные коллективы работали над этими изданиями совместно. Объединение усилий двух исследовательских групп позволило использовать их лучшие достижения и подготовить издание, которое «в высокой степени обогащает наши знания о Горьком как о непосредственном участнике и руководителе советского литературного движения, как о друге, воспитателе, а подчас суровом, требовательном критике советских писателей разных взглядов и разных направлений. Многочисленные фактические данные вносят любопытные штрихи в биографию Горького, проясняют творческую историю его произведений. Вместе с тем переписка поднимает ряд серьезных литературно-теоретических и социально-политических вопросов, позволяет глубже и точнее охарактеризовать эволюцию философско-эстетических и общественных взглядов Горького» [8, с. 5].

С открытием Полного собрания сочинений Горького под общей редакцией Л.М. Леонова в 1968 г. издание текстов Горького вышло на новый уровень. Первая серия – «Художественные произведения» в 25 томах – выходила с 1968 по 1974 г. и дополнялась «Вариантами» в 10 томах (1972–1982). Масштабная задача, которая была поставлена перед учеными-филологами, потребовала огромного напряжения всех сил горьковедческих подразделений Института мировой литературы им. А.М. Горького и других научных организаций. Руководитель Архива А.М. Горького Е.Р. Матевосян пишет об этом периоде: «На подготовку к публикации писем брошены все силы горьковедов ИМЛИ, Ленинграда и Нижнего Новгорода. Сделано все, чтобы работа над архивным массивом документов, насчитывающим в сумме около 60 тыс. писем Горького и ответных писем его корреспондентов, шла безостановочно, как на конвейере. <...> Филологи Архива и Полного собрания сочинений М. Горького надолго забывают о написании диссертаций, монографий, статей, о подготовке самостоятельных публикаций» [9, с. 34–35].

Редакционной коллегией в первую очередь была предпринята масштабная поисковая работа: исследование архива писателя, а также фондов других российских и зарубежных архивохранилищ: РГАЛИ, РГАСПИ, РЦХИДНИ, ЦГАЛИ, ГАРФ, Отделов рукописей в ИМЛИ РАН, РГБ, ИРЛИ РАН, ЦАНО, Бахметьевского архива (США), Музея А. Галлена (Финляндия) и др. Огромную роль в поисковой работе сыграли горьковедческие библиографические справочники С.Д. Балухатого, К.Д. Муратовой, С.Я. Бродской, Е.Б. Валульской и др. Был также осуществлен просмотр публикаций, содержащих письма Горького. Этому способствовало наличие в отделе изучения и издания творчества А.М. Горького обширного, собираемого в течение десятилетий архива газетных вырезов и сопровождающего его каталога. Разумеется, существенной основой для Полного собрания сочинений стали предшествующие издания: серии «Архив А.М. Горького» и «Литературное наследство». В результате был составлен проспект издания, включавший около 10 тыс. писем, написанных Горьким с 1888 по 1936 г., распределенных по 24 томам.

Подготовительная работа к изданию второй серии была начата задолго до выхода первого тома, в начале 1980-х годов, однако вследствие политической ситуации, давления советской цензуры и официозного образа Горького обнародование многих писем оказалось в те годы совершенно невозможным. В первую очередь это касается полемики с В.И. Лениным в каприйский период, резких отзывов о большевиках в первые послереволюционные годы, доброжелательных откликов Горького о представителях русского зарубежья и др. В письмах представал совершенно иной образ Горького, далекий от догматических представлений о нем, более сложный и глубокий. В 1990-е годы, когда цензурные запреты были отменены, появились трудности другого характера: финансовые, организационные, кадровые. Составители собрания сочинений – ученые отдела изучения и издания творчества А.М. Горького ИМЛИ, Архива писателя, сотрудники смежных отделов – совершили настоящий научный подвиг, более 15 лет работая «в стол», кропотливо трудясь над текстами и комментариями без реальных перспектив на публикацию серии «Письма», вначале по идеологическим, а затем по финансовым причинам.

В начале 1990-х годов ситуация изменилась радикальным образом: цензурного бремени больше не было, появилось огромное количество новых источников: материалы русской эмиграции, поток мемуарной прозы, бесчисленные публикации

документов, открылись ранее недоступные архивы. Однако очевидной была опасность поверхностного взгляда, спешной публикации остроактуального материала без его глубокого научного осмысления. В середине 1990-х годов отдел изучения и издания творчества А.М. Горького и собрание сочинений возглавила Л.А. Спиридонова, которая организовала регулярный выход серии научных сборников «М. Горький. Материалы и исследования» (к настоящему времени вышло 15 выпусков). В этих изданиях впервые публиковались сотни писем Горького и его корреспондентов. Особенный интерес у читателей вызвала переписка с политическими деятелями (И.В. Сталиным, Г.Г. Ягодой, В.М. Молотовым, Н.И. Бухариным, Л.Б. Каменевым и др.), с представителями русского зарубежья (Г.Д. Гребенщиковым, Е.Б. Кусковой, П.П. Сувчинским, И.Д. Сургучевым). Эти письма не только сыграли важную роль в расширении литературного контекста, процессе «возвращения имен» русской эмиграции, но и позволили иначе взглянуть на руководителей советского государства, понять механизмы их коммуникации. Впоследствии все эти письма вошли в Полное собрание сочинений с расширенным комментарием.

Методология подготовки и комментирования писем с опорой на научные традиции предшественников была в то же время совершенно новаторской. Текстологические принципы были подробно изложены в статье А.И. Овчаренко «Письма Горького», во вступительной статье от редакции к первому тому и внутренней инструкции, опубликованной позднее в монографии Л.А. Спиридоновой «Текстология: теория и практика» [10, с. 197–205]. Сохраняя основные подходы, коллектив собрания сочинений развивал эти положения, адаптируя их к специфике материала.

Впервые в основу был положен принцип полноты издания. И хотя в случае такого объемного и рассеянного по миру эпистолярного наследия, как горьковское, это почти невозможно — писательский архив по сей день ежегодно прирастает новыми документами, — важно, что такая задача была поставлена и научный коллектив прилагал все возможные усилия для ее выполнения. В каждом из 24 томов, входящих в издание, содержится порядка 350–400 писем Горького. Общий объем тома колеблется от 35 до 45 авторских листов. При богатой истории публикации эпистолярного наследия писателя — за десятилетия были напечатаны тысячи писем — около трети писем в каждом томе печатаются впервые.

Специфика эпистолярного наследия Горького, особенно в поздние периоды его жизни, заключается

в том, что жанровые границы не всегда определяются легко. Письма и публицистические статьи часто чрезвычайно близки в стилистическом и жанровом отношении, и текстологи сталкиваются с необходимостью тщательного отбора материала. В некоторых случаях определяющим становится присутствие формальных признаков: обращения к адресату (даже коллективному), наличие встречных писем, авторских дат на автографе, личного тона в тексте и др. Например, в том 22 (книга 1) вошло письмо ученикам национальной школы поселка Ноглики на Сахалине [11, с. 41–42], которое ранее публиковалось в тридцатитомном собрании сочинений как публицистическая статья [4, т. 27, с. 18–19].

В случае с эпистолярием Горького определяющее значение приобретает принцип выбора основного источника текста. Многие письма имеют несколько вариантов текста: черновой и белой автографы, авторизованные и неподписанные машинописи, опубликованный вариант, поздние архивные копии и отпуски. Л.А. Спиридонова писала: «Текстологу приходится устанавливать иерархию источников, чтобы выбрать основной. Решающим фактором в таком случае является то, какой текст был отправлен адресату, прочитан им и на который он ответил» [10, с. 53–54]. Например, письма Горького И.В. Сталину часто имеют несколько черновых и белых автографов, расположенных в разных архивохранилищах (РГАСПИ, РГАНИ, Архив А.М. Горького), что свидетельствует о том, с какой тщательностью и осторожностью писатель составлял письма главе государства. При работе над письмом текстолог тщательно изучает все варианты текста и выбирает наиболее авторитетный, однако механические искажения, описки и пропуски могут быть устранены с помощью других источников с неременной оговоркой в комментарии.

Каждое письмо в составе Полного собрания сочинений сопровождается максимально унифицированным с точки зрения структуры текстологическим комментарием, в котором дается полная информация об источнике текста и сопровождающих его документах. В первую очередь характеризуется документ, ставший основой для публикуемого текста. Подавляющее большинство писем печатается по документам, хранящимся в Архиве А.М. Горького, в некоторых случаях, когда другие архивохранилища хранят более представительные документы (подлинники, а не копии), письма печатаются по этим источникам. До 21-го тома Полного собрания сочинений было не принято указывать шифр хранения архивной единицы, если она принадлежала Архиву А.М. Горького. Однако с течением времени

стало ясно, что фиксирование шифра помогает не только составителям собрания при учете опубликованных писем и поиске пропущенных, но и другим исследователям, интересующимся литературой, историей страны или своей семьи. Следующее поле указывает на наличие или отсутствие первой публикации и ее характер: полный или частичный текст, наличие купюр (купюры указываются), отличающаяся дата и др. Далее следует описание источника: наличие авторских, секретарских или поздних помет адресата, хранение вместе с письмом иных документов: заметок, материалов адресата, рисунков, фотографий. Непременно перечисляются все источники текста письма (черновые автографы, машинописные копии) и кратко описываются их отличия: содержательные или стилистические, объемные или незначительные.

Обоснование датировки письма приводится в случае отсутствия авторской даты или ее уточнения по другим источникам. Составители не ограничиваются скупой формулировкой «датируется по содержанию», ссылаясь на конкретные фразы в письме и события, с ними связанные. При датировке учитываются иные письма Горького, ответы адресатов, упоминаемые в письме события или публикации в прессе, указания в дневниках и воспоминаниях современников писателя, почтовые штемпели и сроки почтовых отправок и мн. др. Зачастую текстологи сопоставляют десятки документов, фактов, деталей, чтобы выяснить правильную дату письма. О нескольких сложных случаях рассказала Н.Н. Примочкина в статье «Основные проблемы датировки писем М. Горького». Она писала: «...проблемы датировки огромного горьковского эпистолярного сложны и ответственны. Их решение требует от текстолога внимательного и критического отношения к каждому письму как произведению особого, эпистолярного жанра, обширных познаний в области исторических, политических, общественных и культурных событий эпохи» [12, с. 492].

Завершают текстологический комментарий сведения о наличии встречных писем адресата, их точной или примерной даты и места, откуда они были отправлены, указывается архивный шифр или библиографическое описание опубликованных писем.

Особого внимания заслуживает методология составления реально-исторического комментария, составляющего около 2/3 объема каждого тома. Основой комментария часто становятся встречные письма адресата. В примечаниях приводятся те реплики корреспондента, которые привели к появлению горьковского письма или стали откликом

на него. Таким образом, восстанавливается полноценный эпистолярный диалог, составляющий цепочку из нескольких писем, в которых предстает история общения писателя с его адресатом. Комментарию подвергаются упоминания всех фактов биографии Горького и исторических событий. При этом от текстолога требуется глубокое погружение в контекст общественно-политической жизни страны и мира, поскольку даже намек писателя, понятный лишь ему и адресату, необходимо раскрыть и подкрепить материалами и источниками. Так, например, в сентябре 1935 г. Горький писал сотруднику НКВД М.С. Погребинскому: «Делишки-то как разворачиваются? Англичане-то как подставили ножку Муссолини? Не сломит ли он шею на этой своей авантюре? А — красные китайцы?» [13]. Комментатор в этом случае не только выясняет информацию об Абиссинском кризисе и так называемом Великом походе армии китайских коммунистов, но и приводит статьи из центральной прессы, опубликованные в дни написания письма, которые с большой вероятностью мог читать Горький. Эти сведения способствуют и уточнению датировки письма. В другом письме, адресованном секретарю П.П. Крючкову, Горький шуточно сообщает: «Играю в подкидного дурака с тремя дамами, две из них, как Вам известно, весьма выдержаны во времени и занимают солидное место в пространстве» [14]. Здесь требуется комментарий совершенно иного рода — о домашнем круге писателя, о тех людях, которые жили рядом с ним, сопровождали его день за днем, но не оставили заметного следа в истории. Упомянутые «три дамы» — медсестра О.Д. Черткова, воспитательница внучек Горького М.А. Гинкен и П.Т. Корина, жена художника, гостившая у писателя на крымской даче в Форосе. Отыскать такие сведения бывает чрезвычайно сложно, требуется знание деталей биографии писателя и его окружения, привлечение широкого круга мемуарных источников.

Важно сказать, что реальный комментарий собрания сочинений со временем претерпел некоторую трансформацию. Традиционно принято, что в академическом собрании сочинений приводятся источники информации, современные писателю. Однако при публикации писем конца 1920-х — начала 1930-х годов редакционная коллегия пересмотрела этот принцип и стала включать документы и исследования, опубликованные значительно позднее, в том числе в современную эпоху. Дело в том, что в условиях тотального контроля над прессой сложная общественно-политическая ситуация периода могла освещаться искаженно и, если бы составители комментировали судебные процессы Шахтинского дела, Дела

Промпартии, Дела электрических станций и др., используя лишь оптику 1930-х годов, это могло стать отступлением от исторической правды, установить которую помогает привлечение целого комплекса различных документов.

Особенного внимания требует библиографический комментарий. В письмах Горький упоминает тысячи названий: произведений, статей, книг, сборников и др. При этом наименование может быть указано не точно, с искажениями. Задача комментатора — не только установить верное название книги или статьи, но и указать полное библиографическое описание того источника, которым с наибольшей вероятностью пользовался Горький. В этом большую помощь оказывает подробное описание личной библиотеки писателя, опубликованное в 1981 г. [15]. Если на упомянутом издании сохранились пометы Горького, сделанные им при чтении, или дарственная надпись автора или иного лица, эта информация также дается в комментарии, что помогает прояснить и отношения между Горьким и автором книги, и степень внимания писателя к тому или иному изданию. Широчайший круг чтения Горького способствовал тому, что в его письмах встречается множество прямых и скрытых цитат из художественной, исторической и религиозной литературы, пословиц и крылатых выражений. Эти цитаты и их источники также уточняются в комментарии.

Разумеется, особое внимание уделяется указаниям на произведения Горького, на текстуальные и содержательные цитаты из его художественных и публицистических произведений. Часто какая-то мысль владеет писателем и почти одновременно получает выражение в публицистических статьях, художественных произведениях и письмах. Так, рассуждения о мещанстве звучат в статьях конца 1920-х годов и неоднократно встречаются в письмах. Рецензируя книги по истории метро, Горький упоминает Симплонский тоннель, о котором идет речь в «Сказках об Италии». Цитата из «Очерков бирсы» Н.Г. Помяловского «Печали и болезни вон полезли» встречается в «Жизни Клим Самгина» и в письмах К.А. Федину и В.А. Десницкому. Таким образом, не только уточняются факты писательской биографии, но и осуществляется связь между сериями собрания сочинений: «Художественными произведениями», «Письмами» и планируемой серией «Публицистические и литературно-критические статьи».

Отдельно следует сказать о комментировании замыслов писателя. Горький всю жизнь до последних дней делился с корреспондентами множеством планов новых статей и художественных произведений, издательских серий, сборников,

организации новых учреждений и т.д. Комментарии непременно выясняют, какие шаги предпринимались для воплощения той или иной идеи, каков был результат, кто помогал Горькому в запланированном проекте или почему замысел не был осуществлен. Зачастую комментарий разрастается до объемов полноценной научной статьи или даже монографии, но объем тома не позволяет осветить весь сюжет целиком. Такие работы публикуются в сборниках продолжающейся серии «М. Горький. Материалы и исследования» и в периодических научных изданиях.

Непременной частью комментария становятся перекрестные ссылки между письмами внутри тома и между томами. Это помогает избежать дублирования информации и лишнего объема текста.

Поскольку при подготовке комментариев составители руководствуются упомянутыми текстологическими инструкциями, отдельные комментарии выглядят как части целого, но и редакторы томов проводят большую работу по их унификации и объединению. Ответственными редакторами томов в разное время становились высококвалифицированные ученые М.Г. Петрова, Л.Н. Смирнова, Л.А. Спиридонова, Н.Н. Примочкина, А.А. Тарасова, С.Д. Островская, И.А. Ревякина, И.А. Бочарова, Е.Н. Никитин, О.В. Быстрова, Л.В. Суматохина. Более 50 лет профессиональной жизни отдала собранию сочинений ответственный секретарь М.А. Семашкина.

На основе текстов и комментариев ответственным редактором тома подготавливается вступительная статья, которая становится своего рода путеводителем по книге. В статье описываются основные политические и культурные события представленного в томе периода, участие в них Горького, основные вехи творческой биографии писателя в эти месяцы, характер переписки, круг адресатов и темы, которые в ней обсуждаются. Надо отметить, что объем вступительной статьи меняется от тома к тому, это связано не столько с личностью ответственного редактора, сколько со спецификой периода. Объемной преамбулы потребовал 12-й том (отв. ред. И.А. Ревякина), охватывавший сложные революционные годы (1916–1919), также вступительные статьи всех томов, освещающих 1930-е годы, имеют увеличенный объем в силу неоднозначности периода и обилия нового материала, вводимого исследователями.

В оформлении тома используются редкие фотографические материалы из собрания московского Мемориального музея-квартиры А.М. Горького.

Каждый том сопровождается справочным аппаратом, который является неотъемлемой частью научного издания. В него входят аннотированный именной указатель, краткий указатель адресатов тома, перечень иллюстраций. В аннотированный именной указатель входит около 3 тыс. справок о лицах, периодических изданиях, культурных и политических организациях, издательствах, книжных сериях и др., упоминаемых в письмах Горького или в комментариях к ним. В нескольких первых томах собрания писем указатели составлялись издательскими работниками, однако быстро стало понятно, что розыск справок об отдельных адресатах и упоминаемых в письмах или комментариях лицах требует более серьезной научной подготовки и погруженности в культурный контекст эпохи, поэтому эта работа осуществляется составителями собрания сочинений. Среди авторов указателя – Е.Н. Никитин, О.В. Быстрова, Т.Р. Гавриш, О.В. Шуган, А.Г. Плотникова.

Остановимся на справках об адресатах в составе именного указателя. С первых томов принята определенная структура: приводятся краткие биографические сведения и по возможности полная история взаимоотношений с Горьким. Важно указать, кто был инициатором переписки, случилось ли личное знакомство, каковы были особенности творческих взаимоотношений: наличие взаимных рецензий, посвящений, присутствие произведений адресата в личной библиотеке Горького (с восстановлением дарственных надписей), для художников – существование портретов Горького или иллюстраций к его произведениям. Обязательно указывается количество взаимных писем, разысканных в Архиве А.М. Горького и других архивохранилищах. При составлении справок о малоизвестных корреспондентах писателя важным источником информации становятся их письма, где они сообщали знаменитому писателю биографические сведения о себе. Социальный состав адресатов Горького был невероятно широк, и нередко случаи, когда в Архив А.М. Горького приходят люди, узнавшие благодаря этому указателю подробности биографии своих родственников, так что собрание сочинений способствует и сохранению национальной культурной памяти.

При описании в указателе периодических изданий указывается наличие в них произведений, литературно-критических и публицистических статей писателя. Таким образом, существующие аннотированные именные указатели являются фундаментальной основой для будущей Горьковской энциклопедии.

При такой скрупулезной работе специалистов над текстом письма, при составлении подробного комментария читателю предлагается максимально информационно плотный текст, по интенсивности наполнения стремящийся к энциклопедическому. Понятная и отработанная годами структура текстологического и реально-исторического комментария позволяет составителям собрания сочинений создать научный текст, который, с одной стороны, отличается емкостью и краткостью, а с другой – представляет максимально широко биографический, культурный, литературный, политический, общественный контекст писем М. Горького. Важно отметить, что собрание сочинений такого масштаба – живой организм, который, имея фундаментальные методологические основания, постоянно развивается с учетом новых данных, специфики периода и особенностей текстов.

Серия «Письма» Полного собрания сочинений М. Горького приближается к завершению. Последний запланированный в собрании сочинений том предполагает публикацию дарственных надписей, открытых и коллективных писем, ответов на анкеты и прочих периферийных текстов Горького, методология издания которых еще разрабатывается. В преддверии планирования третьей серии собрания – «Литературно-критические и публицистические статьи» – важно приступить к научному осмыслению истории и методологии этого титанического труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Овчаренко А.И.* Письма Горького // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 1. М.: Наука, 1997. С. 5–40.
2. *Маршак С.* Из воспоминаний // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1940. № 139. 18 июня. С. 3.
3. *Плотникова А.Г.* М. Горький и Лада Могилянская // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6 (1). С. 141–147. DOI: 10.20339/PhS.6-21.141
4. *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. М.: Художественная литература, 1949–1955.
5. Письма А.М. Горького // Литературная газета. 1954. № 72. 17 июня. С. 3.
6. Из писем А.М. Горького // Литературная газета. 1954. № 113. 21 сент. С. 3.
7. Из писем А.М. Горького / Публ. Архива А.М. Горького // Литературная газета. 1955. № 72. 19 июня. С. 2.
8. От редакции // Горький и советские писатели / Литературное наследство. Т. 70. М.: Наука, 1963. С. 5–6.

9. Матевосян Е.Р. Серия томов «Архив А.М. Горького»: история и перспективы развития // Архив А.М. Горького: Методические материалы и инструкции по научному описанию и каталогизации документов личного происхождения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 28–48.
10. Спиридонова Л.А. Текстология: теория и практика. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 254 с.
11. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 22, книга 1. М.: Наука, 2022. 926 с.
12. Примочкина Н.Н. Основные проблемы датировки писем М. Горького // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 486–492.
13. Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). ПГ-рл-31-29-1. Письмо М. Горького М.С. Погребинскому.
14. Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). ПГ-рл-21а-1-462. Письмо М. Горького П.П. Крючкову.
15. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: В 2 кн. М.: Наука, 1981.
6. *Iz pisem A.M. Gorkogo* [From the Letters of A.M. Gorky]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. 1954, No. 113, Sept. 21, p. 3. (In Russ.)
7. *Iz pisem A.M. Gorkogo. Publ. Arkhiva A.M. Gorkogo* [From the Letters of A.M. Gorky]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. 1955, No. 72, June 19, p. 2. (In Russ.)
8. *Ot redaktsii* [From the Editors]. *Gorkiy i sovetskie pisateli* [Gorky and Soviet Writers]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 70. Moscow: Nauka Publ., 1963, pp. 5–6. (In Russ.)
9. Matevosian, E.R. *Seriia tomov "Arkhiv A.M. Gor'kogo": istoriia i perspektivy razvitiia* [A Series of Volumes "Archive of A.M. Gorky": History and Development Prospects]. *Arkhiv A.M. Gorkogo: Metodicheskie materialy i instruktsii po nauchnomu opisaniiu i katalogizatsii dokumentov lichnogo proiskhozhdeniia* [Archive of A.M. Gorky: Methodological Materials and Instructions for the Scientific Description and Cataloging of Documents of Personal Origin]. Moscow: IWL RAS Publ, 2020, pp. 28–48. (In Russ.)

REFERENCES

1. Ovcharenko, A.I. *Pisma Gorkogo* [Gorky's Letters]. Gorky, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pisma: v 24 t.* [Complete Works. Letters: In 24 Vols.] Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1997, pp. 5–40. (In Russ.)
2. Marshak, S. *Iz vospominanii* [From the Memories]. *Izvestiia TsIK SSSR i VTsIK* [News of the Central Executive Committee of the USSR and the Russian Central Executive Committee]. 1940, No. 139, June 18, p. 3. (In Russ.)
3. Plotnikova, A.G. M. *Gorkiy i Lada Mogilianskaia* [M. Gorky and Lada Mogilyanskaya]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Reports of High School]. 2021, No. 6 (1), pp. 141–147. DOI: 10.20339/PhS.6-21.141 (In Russ.)
4. Gorky, M. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1949–1955. (In Russ.)
5. *Pisma A.M. Gorkogo* [Gorky's Letters]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. 1954, No. 72, June 17, p. 3. (In Russ.)
10. Spiridonova, L.A. *Tekstologiya: teoriia i praktika* [Textology: Theory and Practice]. Moscow: IWL RAS Publ., 2020. 254 p. (In Russ.)
11. Gorky, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pisma: V 24 t. T. 22, kniga 1* [Complete Works. Letters: In 24 Vols. Vol. 22, Book 1]. Moscow: Nauka Publ., 2022. 926 p. (In Russ.)
12. Primochkina, N.N. *Osnovnye problemy datirovki pisem M. Gorkogo* [The Main Problems of Dating the Letters of M. Gorky]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia. Kn. 2.* [Textual Time. Russian Literature of the 20th Century: Questions of Textual Source Studies. Book 2]. Moscow: IWL RAS Publ., 2012, pp. 486–492. (In Russ.)
13. *Arkhiv A.M. Gorkogo* [Archive of A.M. Gorky] (IWL RAS, Moscow). PG-rl-21a-1-462. Letter from M. Gorky to M.S. Pogrebinsky.
14. *Arkhiv A.M. Gorkogo* [Archive of A.M. Gorky] (IWL RAS, Moscow). PG-rl-31-29-1. Letter from M. Gorky to P.P. Kryuchkov.
15. *Lichnaia biblioteka A.M. Gorkogo v Moskve: Opisanie: V 2 kn.* [Personal Library of A.M. Gorky in Moscow: Description: In 2 Books]. Moscow: Nauka Publ., 1981. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 10 января 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 января 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.
Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on January 10, 2024
Revised on January 27, 2024
Accepted on February 15, 2024
Date of publication: April 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020072

Оптативные конструкции в луговых марийских и горномарийских идиомах

© 2024 г. А. Н. Закирова

Младший научный сотрудник Института Языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1
aigul.n.zakirova@gmail.com

Резюме. Грамматикализация оптативных форм и конструкций недостаточно изучена в типологической перспективе. Задача исследования – при помощи метода элицитации и анализа текстов описать синхронные свойства и путь грамматикализации оптативных конструкций в четырех марийских идиомах: моркинско-сернурском и волжском диалектах (< луговой марийский), а также горномарийских говорах с. Кузнецово и Микряково.

Рассматриваются конструкции, содержащие 1) императив 3 лица (юссив), 2) инфинитив на *-aš*, 3) форму не прошедшего времени 1 лица единственного числа (NPST.1SG), 4) дебитивную форму на *-šaš*. Для всех этих конструкций обсуждается возможность употребления с подлежащими 1SG и 3SG. Выясняется, что здесь марийские идиомы обнаруживают вариативность. Также парадоксальным образом обнаруживается, что оптативная конструкция с формой NPST.1SG используется с подлежащими 3SG.

Для описанных конструкций обсуждаются пути их грамматикализации: для этого используется метод междиалектного сравнения. Конструкция с императивом 3 лица развивается из формы императива, которая оказывается «смягчена» формой ретроспективного сдвига. Конструкция с инфинитивом возникает из независимых употреблений инфинитива, который в волжских диалектах начинает присоединять подлежащее 3 лица. Наибольший интерес представляет оптативная конструкция, развившаяся на базе формы NPST.1SG: мы предлагаем возможный механизм такой грамматикализации из контрфактивных употреблений. Наконец, еще одна оптативная конструкция развивается на основе дебитивной формы на *-šaš*.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01924 «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья» (организация финансирования – Институт языкознания Российской академии наук). – <https://rscf.ru/project/22-28-01924/>. Автор благодарит Н.Р. Добрушину и А.В. Савельева за ценные замечания и комментарии к черновой версии текста.

Ключевые слова: грамматикализация, внутривидовая типология, оптатив, финно-угорские языки, луговой марийский язык, горномарийский язык, 1-е лицо, юссив, императив, инфинитив, дебитив.

Для цитирования: Закирова А.Н. Оптативные конструкции в луговых марийских и горномарийских идиомах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 80–99. DOI: 10.31857/S1605788024020072

Optative Constructions in Meadow Mari and Hill Mari

© 2024 Aigul N. Zakirova

Junior Research Fellow at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
aigul.n.zakirova@gmail.com

(4) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)
 vot mən' mad-ən näl-šāš (ə'le)!
 вот я играть-СВВ взять-ДЕВ RETR1
 'Вот бы я выиграл(а)!' (элиц.)

Оптативной зоне в описаниях марийских диалектов уделяется сравнительно немного внимания. Некоторое исключение представляет собой обзор оптатива в горномарийском говоре с. Кузнецово, проведенный Д.Д. Мордашовой и А.Н. Закировой [4], в котором описываются некоторые из обсуждаемых здесь оптативных конструкций. В настоящей работе мы частично опираемся на вышеупомянутый источник. При этом изложенные в этой статье данные кузнецовского говора были собраны автором настоящей статьи, если не указано обратное. Источники данных по остальным идиомам перечисляются в разделе 2.

Таким образом, описательная ценность настоящей статьи состоит в том, что в ней рассматриваются и сравниваются между собой способы выражения оптативного значения, которые прежде не были подробно описаны в литературе по марийским диалектам. Для некоторых из описанных оптативных конструкций мы фиксируем нетривиальные ограничения на выражение и признаки подлежащего. Как в дистрибуции конструкций по диалектам, так и в поведении подлежащего рассматриваемые диалекты обнаруживают некоторую вариативность.

Выражение оптатива в марийских диалектах не только ценно с точки зрения описания, но и представляет интерес для диахронической типологии, так как в изучаемых диалектах обнаруживаются разнообразные и подчас нетривиальные источники грамматикализации оптатива. Среди конструкций, перечисленных в таблице 1, особенно любопытной представляется конструкция с формой NPST.1SG. В статье мы обсуждаем диахроническое развитие этих конструкций, используя для реконструкции данные междиалектного варьирования.

Статья имеет следующую структуру. Раздел 2 знакомит читателя с марийскими идиомами, на данных которых основывается исследование. Раздел 3 представляет собой теоретический обзор значений оптативной зоны в типологии и диахронии. Раздел 4 посвящен синхронному описанию оптативных конструкций в марийских идиомах. В разделе 5 рассматриваются возможные пути грамматикализации четырех рассматриваемых оптативных конструкций. В заключении подводятся итоги исследования.

2. Марийские идиомы, рассматриваемые в этом исследовании

Марийские диалекты относятся к финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Они распространены главным образом в Республике Марий Эл (Российская Федерация), а также в Кировской области, Республике Башкортостан и Пермском крае. Некоторые диалектные классификации, например, приводимая в учебнике марийской диалектологии И.Г. Иванова [5], выделяют четыре диалектные группы – т.н. наречия: луговое, горное, восточное и северо-западное. В других классификациях выделяются две большие диалектные группы – восточная и западная, ср. работы П. Хайду [6] и Г. Берецки [7]. Взаимное соответствие этих классификаций показано в таблице 2.

Таблица 2. Диалектные классификации марийских идиомов и их взаимное соответствие

[5]	восточное наречие	луговое наречие	горное наречие	северо-западное наречие
[6]	восточная группа		западная группа	
[7]	восточная группа		западная группа	

На основе марийских диалектов сложились два литературных марийских языка – луговой марийский, в основе которого лежит моркинско-сернурский диалект лугового наречия, и горномарийский, который основан на горном наречии и используется в качестве официального языка в Горномарийском районе. Всероссийская перепись населения учитывает только владение этими двумя литературными нормами. Согласно Переписи-2010, число владеющих луговой литературной нормой составляет около 365 тыс. человек, а число владеющих горномарийской литературной нормой – около 23 тыс. человек.

В этой статье рассматриваются данные двух луговых марийских (восточных по П. Хайду и Г. Берецки) и двух горномарийских (западных) идиомов.

Данные были получены методом элицитации и с помощью анализа текстов. В некоторых случаях мы также обращаемся к грамматическим описаниям, текстам на литературном луговом марийском языке и электронному словарю марийского языка МарлаМутер. В таблице 3 перечислены основные источники данных для каждого говора.

Таблица 3. Идиомы, рассматриваемые в этом исследовании

Населенный пункт	Идиом	Источник данных
с. Старый Торъял Новоторьяльского района Республики Марий Эл	моркинско-сернурский диалект (луговое наречие) ≈ литературный луговой марийский	Устный корпус лугового марийского языка (УКЛМЯ)
пос. Сернур Сернурского района Респ. Марий Эл		Элицитация в социальных сетях (1 носитель)
дер. Чодыраял Волжского района Республики Марий Эл	волжский диалект (луговое наречие)	Элицитация в дер. Чодыраял в 2019 г. (4 носителя)
с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл	говор с. Кузнецово (горное наречие)	1) Элицитация в с. Кузнецово в 2016–2019 гг. (11 носителей) 2) Корпус горномарийских экспедиций в с. Кузнецово и окрестные деревни (КГЭК)
с. Микряково Горномарийского района Республики Марий Эл	говор с. Микряково (горное наречие)	1) Элицитация в с. Микряково в 2016–2019 гг. (8 носителей) 2) Корпус горномарийских экспедиций в с. Микряково и окрестные деревни (КГЭМ)

Можно заметить, что наша выборка не является максимально широкой: она включает только те луговые марийские и горномарийские диалекты, которые были нам доступны. Исследование оптативных конструкций в северо-западном и восточном наречиях, таким образом, остается делом будущего.

(5) БАГВАЛИНСКИЙ (< нахско-дагестанские)
den hanč'u-b b-as-ina:χ
я.ERG лгать-N N-говорить-IMPF-CVБ
'Чтобы я умер, если говорю неправду!' [11, с. 328–329]

3. Типология и диахрония оптатива

Прежде чем перейти к рассмотрению марийских данных, в этом разделе мы приведем краткий обзор оптативной зоны. Нас будет интересовать, во-первых, семантическое устройство этой зоны, во-вторых, возможные способы выражения оптатива в языках мира, и, в-третьих, возможные диахронические источники оптативных форм и конструкций.

В общих работах, посвященных типологии ТАМ-значений, например, в работе Дж. Байби и соавторов, а также в работе Ф. Палмера [1]; [8], оптативное значение обычно рассматривается как единое и неделимое. Более дробная классификация представлена, например, в работе Н.Р. Добрушиной [9], в которой предлагается выделять два семантических типа оптатива – перформативный и дезидеративный оптатив. *Перформативный* оптатив понимается как форма, которая используется в ситуациях благословления или проклятия, причем сам речевой акт, в котором используются такие формы, концептуализуется как попытка изменить положение вещей в мире с помощью обращения к высшим силам. Произнося же форму *дезидеративного* оптатива, говорящий лишь выражает свое желание, но признает, что на исполнение этого желания он никаким образом не может повлиять. Выводы Н.Р. Добрушиной основаны в основном на материале языков Кавказа, но, судя по приводимым в той же работе примерам из индоевропейских языков, противопоставление перформативного и дезидеративного оптатива встречается также в других языках мира и типологически релевантно. В работе В.Ю. Гусева [10] к оппозиции перформативного и дезидеративного оптатива добавляется также *ирреальный (контрфактивный)* оптатив – значение, описывающее желаемую ситуацию, которая уже никоим образом не может иметь место.

В нашей статье мы лишь вскользь касаемся семантических противопоставлений внутри оптативной зоны, перечисленных выше. Основной фокус работы – на средствах выражения оптатива в марийских диалектах, их формальных свойствах и диахронических источниках.

В языках мира оптативное значение может выражаться с помощью как спрягаемых глагольных форм, так и целых конструкций. Специализированная форма оптатива представлена, например, в багвалинском языке:

b-is-a-na:, de: w-ič'a-be-la!
N-найти-POT-COND я M-умереть-IMP-ОРТ

Специализированные оптативные формы в языках мира достаточно редки, за исключением двух ареалов – Кавказа и Непала [12]; [8]. В отсутствие специализированной формы оптативное значение может выражаться с помощью синтетических форм с более широкой функциональностью. Так, в уже упомянутой работе Н.Р. Добрушиной [9] показано, что в языках Дагестана перформативное оптативное значение и значение императива 3-го лица (юссива) нередко выражаются с помощью одних и тех же средств: например, такая картина наблюдается в агульском и лезгинском языках (< нахско-дагестанские).

Наконец, часто оптативное значение выражается с помощью особых конструкций, ср. английскую контрфактивную оптативную конструкцию *if only + had + V_{ed}* в примере (6), которая отличается от контрфактивного протасиса условной конструкции только на частицу *only*:

(6) АНГЛИЙСКИЙ

If only I had told them both a year ago!

‘Если бы я только сказал им обоим год назад!’ [13, р. 13]

В оптативных конструкциях иногда встречаются факультативные или обязательные частицы. Например, английская частица *only* в оптативных конструкциях обязательна:

(7) АНГЛИЙСКИЙ

a. *If you only knew* the power of the dark side

b. # *If you knew* the power of the dark side

‘Если бы ты только знал силу темной стороны!’ [13, р. 20]

Конструкциям типа (6), (7) посвящена обширная формальная литература – ср. диссертацию П. Гроса [13], статьи Дж. Рифкина [14] и М. Бизмы [15], в которых поднимается вопрос о возможности композиционного анализа оптативных конструкций, формально совпадающих с протасисом условной конструкции или отличающихся от них одним элементом.

В то время как некоторые оптативные конструкции, такие как *if only + had + V_{ed}*, имеют внешне прозрачную этимологию, о происхождении других конструкций известно не так много.

В работе Дж. Байби и соавторов [1] источники оптатива не рассматриваются из-за недостаточного объема выборки. В обзоре Дж. Садока и А. Звики [16, р. 164] лишь кратко перечисляются несколько возможных источников оптативных форм, а именно футуральные, императивные и условные формы, а также показатели сослагательных наклонений.

В справочнике по грамматикализации авторства Т. Кутевой и соавторов [17] рассматриваются

два случая грамматикализации оптатива: упоминается, что глагол ‘приходить’ в языке кьора (< койсанские) развился в гортативно-оптативный маркер [17, р. 93], а также что глагол ‘останавливаться’ в кру (< семья кру < нигеро-конголезские) развился в отрицательный императив / отрицательный оптатив [17, р. 413].

Еще два возможных источника упоминаются в работе Й. ван дер Ауверы и В.А. Плунгяна [18]. Это показатели возможности (ср. английское *may* в примере (8)) и необходимости (ср. русский модальный инфинитив, который чаще всего имеет прочтение необходимости, но также встречается и в контекстах типа (9)).

(8) АНГЛИЙСКИЙ

May your dreams *come* true!

‘Пусть твои мечты исполнятся!’ [18]

(9) РУССКИЙ

Жить вам до ста лет! [18]

В литературе, посвященной оптативному значению в отдельных языковых семьях и ареалах, также обсуждаются пути грамматикализации оптатива. В недавней статье М. Ванхове [19] иллюстрируется путь развития НЕОБХОДИМОСТЬ → ОПТАТИВ в языке беджа (< кушитские).

В работе Н.Р. Добрушиной [9] об оптативе в языках Дагестана обсуждаются, среди прочего, паттерны полифункциональности оптативных форм. Хотя их обсуждение ведется в синхронном ключе, оно также позволяет сделать выводы о возможных диахронических переходах между ними. Выясняется, что формы перформативного оптатива в языках Дагестана часто выражаются теми же средствами, что и формы императива (в частности, юссива). Формы перформативного оптатива, с другой стороны, обычно совпадают с ирреальными, условными и сослагательными формами.

В дальнейшем изложении (раздел 5) мы попытаемся установить источники оптативных конструкций в марийских диалектах и таким образом дополнить набор сценариев грамматикализации оптатива, который обнаруживается в типологической литературе.

4. Марийские оптативные конструкции и их синхронное устройство

Как уже было сказано в разделе 1, в марийских диалектах нет специализированной синтетической формы оптатива. Значение пожелания выражается с помощью форм с более широкой функциональностью, а также специализированных конструкций. Для удобства читателя повторим

еще раз таблицу 1, в которой перечислены средства выражения оптатива в марийских диалектах.

Таблица 1. Способы выражения оптативного значения в рассматриваемых идиомах

№	Способ	Глагольная форма в составе конструкции
1	v-IMP.3 + (RETR)	Императив 3 лица (юссив)
2	v-INF-(POSS.2SG) + (RETR)	Инфинитив
3	v-NPST.1SG + RETR	Форма непрошедшего времени 1SG
4	v-šas̄ + (RETR)	Дебитивная форма на -šas̄

Список, представленный в таблице 1, не является исчерпывающим: так, по крайней мере в горномарийских диалектах существуют также оптативные конструкции, формально совпадающие с протасисом условного предложения (10). Этот тип конструкций в марийских идиомах не рассматривается в настоящей статье из-за нехватки данных; впрочем, его устройство типологически достаточно ожидаемо.

(10) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 mǎn' inst'itut-šš pǎr-en-äm älgəs!
 Я институт-ILL **ВХОДИТЬ-PRET-1SG** COND
 'Вот бы мне поступить в институт!' (букв.: 'Если бы я поступил в институт') [4, пример Д.Д. Мордашовой]

Все конструкции в таблице 1 содержат опциональный (или, в случае с конструкцией с формой NPST.1SG, обязательный) показатель ретроспективного сдвига. Под показателями ретроспективного сдвига (англ. *retrospective shift*) в работах В.А. Плунгяна и Й. ван дер Ауверы [2]; [3] понимаются такие показатели, которые, сочетаясь с разными видовременными формами, «сдвигают» интерпретацию высказывания в прошлое, не меняя видовременных свойств глагольной формы. Показатели ретроспективного сдвига имеются во всех марийских идиомах, причем в каждом идиоме их два: один соответствует форме аориста, а другой – форме претерита вспомогательного глагола *ulas̄* 'быть': ср. горномарийские *ä'l'ä* и *ä'l'än*, луговые марийские *ä'l'e* и *ulmas̄*. Показатели ретроспективного сдвига и их семантический вклад в прочтение индикативной глагольной формы иллюстрируются в примерах (11 а, б):

(11) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 mǎn' lǎdǎš-vlä-m sir-em.
 Я стихотворение-PL-ACC **nucam̄-NPST.1SG**
 'Я пишу стихи' [20].

mǎn' lǎdǎš-vlä-m sir-em ä'l'ä/ ä'l'än.

я стихотворение-PL-ACC **nucam̄-NPST.1SG RETR1 / RETR2**
 'Я писал стихи' [20].

В неиндикативных высказываниях в марийских идиомах ретроспективные показатели, по-видимому, вносят другой семантический вклад. Так, в оптативных высказываниях эти показатели «смягчают» высказывание, уменьшая его категоричность [4]; подобный эффект имеют и употребления показателей ретроспективного сдвига в императивных клаузах – ср. описание горномарийских императивных форм Д.Д. Мордашовой [21]. В этой статье мы не будем рассматривать подробно семантический вклад показателей ретроспективного сдвига в оптативных клаузах; заметим лишь, что ретроспективный показатель, восходящий к форме аориста от глагола 'быть' *ä'l'e* (г-мар. *ä'l'ä*), чаще используется в оптативных конструкциях, чем ретроспективный показатель, восходящий к форме перфекта глагола 'быть'. Конструкции с горномарийским *ä'l'än* (перфект от глагола 'быть') имеют скорее контрфактивное прочтение [4], а луговой марийский показатель ретроспективного сдвига *ulmas̄*, восходящий к нерегулярной форме перфекта от глагола 'быть', по нашим данным, в оптативных клаузах не употребляется вовсе.

Наконец, еще один вопрос, который необходимо обсудить, прежде чем мы перейдем к рассмотрению отдельных конструкций, – это выражение подлежащего в марийских оптативных конструкциях.

Как уже обсуждалось в разделе 1, оптативные конструкции передают желание говорящего, а не какого-то участника аргументной структуры клаузы¹. Таким образом, в принципе, говорящий вполне может желать, чтобы что-то случилось с любым референтом:

(12) РУССКИЙ

- Вот бы **ты** выиграл завтра!
- Вот бы **я** смог это сделать!
- Вот бы **дождь** закончился!

Однако, несмотря на логическую совместимость с подлежащим любого лица, конструкции,

¹ Этим оптатив отличается, например, от формы деизидератива (желательного наклонения) на *-ne-*, которая передает желание субъекта клаузы и таким образом возможна только с подлежащим, денотат которого является мыслящим существом:

(i) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 xoza-na mām-nā-m šəšk-ä'l-ne-žə'
 хозяин-POSS.1PL мы-POSS.1PL-ACC **бить-SEM-DES-3SG**
 'Хозяйка нас хочет зарезать' (корпус).
 # 'Вот бы хозяйка нас зарезала!'

перечисленные в таблице 1, могут накладывать некоторые ограничения на подлежащие разных лиц и чисел. В некоторых случаях эти ограничения варьируются по диалектам. Например, конструкция V-IMP.3 + (RETR) не может сочетаться с подлежащими 1-го лица, а конструкция V-INF-(POSS.2SG) + (RETR), напротив, в большинстве рассматриваемых идиомов, кроме волжских говоров, возможна только с подлежащими 1-го лица. В волжских говорах эта конструкция может иметь подлежащее любого лица.

В этой статье для каждой конструкции мы рассмотрим ее грамматичность с подлежащими 1SG и 3SG, а затем попытаемся сопоставить наблюдаемые ограничения с диахронией каждой конструкции. Выбор подлежащих 1SG и 3SG связан с тем, что как минимум две из перечисленных конструкций содержат формы, имеющие отношение к 1-му лицу: это форма NPST.1SG и форма на *-šaš*, которая имеет особые употребления в 1-м лице – см. об этом доклады А.Н. Закировой [22]; [23] и описание Д.Д. Мордашовой и А.Н. Закировой [4]. Форма IMP.3 является формой третьего лица. С другой стороны, рассмотрение форм 2-го лица с неизбежностью привело бы нас к необходимости включить в исследование формы императива 2-го лица и пытаться в этих случаях провести границу между императивом и оптативом, что осложнило бы и без того объемную задачу. Формы 2-го лица, таким образом, остаются предметом дальнейшего исследования.

4.1. Конструкция с императивом 3-го лица:

V-IMP.3 + RETR

Как уже упоминалось в разделе 3, императив 3-го лица и перформативный оптатив могут выражаться в языках мира с помощью одних и тех же средств: такая полифункциональность встречается, например, в языках Дагестана [9]. Подобное совмещение функций имеет место и в марийских диалектах [24, с. 172]; [25, S. 123].

Так, в примере (13) из лугового марийского в функции императива 3-го лица используется синтетическая форма на *-že*²: говорящие передают своей дочери просьбу через посредника – председателя колхоза. Такая же форма есть и в волжских говорах.

(13) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

{Председатель колхоза просит родителей отпустить свою дочь работать в другой колхоз. Родители отвечают:}

² При подлежащем множественного числа в форме IMP.3 в луговых диалектах выступает алломорф *-əš*; в горномарийских – алломорф *-əšə*.

joča-ž-эм *nəŋgajə-že*, vara *kajə-že*
ребенок-3SG-ACC **приносить-IMP.3SG** потом **идти-IMP.3SG**
'Пусть детей заберёт, тогда пусть идёт!' (т.е. говорящие не хотят, чтобы дети дочери остались с ними) (корпус).

Луговой марийской форме на *-že* соответствует горномарийская форма на *-žə*³, которая используется в говорах с. Кузнецово и Микряково в аналогичных контекстах передачи просьбы или приказа:

(14) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

{Учитель сообщает родителю неуспевающего ученика условия, на которых он готов поставить ему удовлетворительную оценку за четверть:

cilä to-nə-š päšä-vlä-m *kandə-žə*
весь дом-IN2-ATTR работа-PL-AC **приносить-IMP.3SG**

'Пусть принесёт все домашние работы.'

Формы, проиллюстрированные в примерах (13), (14), встречаются также в контекстах перформативного оптатива – ср. луговой марийский пример (15) из детского фольклора, в котором говорящий, обращаясь к высшим силам, желает быстрого выздоровления ребёнка:

(15) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (литературный)

koršt-эм-əžo šem maska-lan *lij-že*,
болеть-NMZ-POSS.3SG чёрный медведь-DAT **становиться-IMP.3SG**

čeg-že sur pir-əlan *lij-že*,
болезнь-POSS.3SG серый волк-DAT **становиться-IMP.3SG**

izi tan'a vaške *tör-lanə-že*
маленький Таня скоро **прямой-MAN-IMP.3SG**

'Пусть боль чёрному медведю уйдёт, пусть болезнь серому волку уйдёт, пусть маленькая Таня быстрее поправляется' [26, с. 219–220]

В горномарийских говорах в контекстах перформативного оптатива (например, в поздравлении на открытке) также используется форма на *-žə*:

(16) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

{Что же тебе пожелать?}

čäš-än *li-žə* əlā-mäš!
счастье-PROP **становиться-IMP.3SG** жить-NMZ

'Пусть будет счастливой жизнь!' (корпус)

Дезидеративный оптатив, который отличается от перформативного оптатива субъективным отсутствием контроля со стороны говорящего, обычно выражается немного иначе: к форме на *-že* присоединяется частица ретроспективного сдвига [24, с. 172]; [25, S. 123]. Повторим пример (1), иллюстрирующий эту конструкцию (здесь цитируется как (17)):

(17) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

oj, məj-эм pire kočk-ən *kajə-že* əl'e!
INTJ я-ACC волк есть-CVB **идти-IMP.3SG** **RETR**

'Ой, хоть бы волк пришёл и съел меня!' (корпус).

³ После основ, в которых последний гласный – передний, выступает алломорф *-žə*.

В горномарийском языке дезидеративный оптатив выражается с помощью такой же конструкции:

(18) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 igod-ə̃m jüg *li-žə'* ə'ə'
 завтрашний_день-ACC дождь быть-IMP.3SG RETR1
 'Был бы завтра дождь!' (элиц.)

В оптативных контекстах, как и в юссивных, форма на *-žə* во всех исследуемых диалектах сочетается только с подлежащими 3-го лица: так, с подлежащим 1SG эта форма оказывается неграмматичной. Таким образом, можно сказать, что форма на *-žə* при оптативном прочтении сохраняет свои сочетаемостные свойства.

(19) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 *məj *sejə-žə* ə'e!
 я победить-IMP.3SG RETR1
 Ожидаемое значение: 'Вот бы я победил!' (элиц.)

В таблице 4 суммируются данные рассматриваемых идиомов.

Таблица 4. Оптативная конструкция с императивом 3-го лица: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой марийский (волжские говоры)	Луговой марийский (моркинско-сернурские говоры)	Горномарийский (говор с. Кузнецово)	Горномарийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG

4.2. Конструкция с инфинитивом: v-INF-POSS.2SG + (RETR)

Вторая из рассматриваемых конструкций имеет в составе форму инфинитива на *-aš*, которая часто дополнительно маркируется посессивным суффиксом 2SG *-et* (20). Посессивный суффикс 2SG в этой конструкции не указывает на лицо аргументов глагола; мы предполагаем, что его появление здесь диахронически связано с дискурсивными употреблениями показателя 2SG. Более подробно об этом см. раздел 5(b).

(20) луговой марийский (волжские говоры)
 erla ava-j *tol-aš-et'*
 завтра мама-KIN прийти-INF-POSS.2SG
 'Вот бы завтра мама приехала!' (элиц.)

Вне оптативной конструкции во всех рассматриваемых идиомах форма на *-aš* используется в типичных функциях инфинитивов: как

нефинитная форма при некоторых матричных предикатах (21), в контекстах цели (22) и в некоторых других функциях.

(21) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 tu-što vara pörjeŋ-šaməč dotovo *tumanl-aš* təŋal'-əč
 этот-LOC потом мужчина-PL до_того ругаться-INF начинать-AOR.3PL
 'А там мужики начали очень сильно ругаться' (корпус).

(22) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 a tide ver-əške kö *il-aš* tol-ən?
 CONJ этот место-ILL кто жить-INF прийти-PRET
 'А в это место кто пришёл жить?' (корпус)

Форма инфинитива в марийских диалектах обычно не может иметь своего подлежащего в номинативе. Возможность же оптативной конструкции с инфинитивом иметь номинативное подлежащее варьируется по диалектам. Так, во всех рассмотренных говорах возможна оптативная конструкция с невыраженным подлежащим 1-го лица:

(23) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 kogo *li-äš-et'*
 большой становиться-INF-POSS.2SG
 'Вот бы {мне} стать взрослым!' (элиц.)

(24) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)
 ex *sej-aš-et'*
 INTJ победить-INF-POSS.2SG
 'Эх, вот бы {мне} победить!' (элиц.)

Однако в волжских говорах лугового марийского языка форма на *-aš-et* может употребляться также при выраженных субъектах с другими лично-числовыми признаками, например, при субъекте 3SG (20), (25):

(25) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)
 erla jüg *lij-aš-et* (ə'e!)
 завтра дождь становиться-INF-POSS.2SG RETR1
 'Вот бы завтра дождь был!' (элиц.)

В обоих горномарийских говорах (26), а также в моркинско-сернурских идиомах (27) форма на *-aš-et* при субъекте 3SG, по-видимому, невозможна:

(26) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 *igod-ə̃m jüg *li-äš-et'*
 завтра-ACC дождь становиться-INF-POSS.2SG
 Ожид. знач.: 'Вот бы завтра был дождь!' (элиц.)

(27) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 *jüg *tol-aš-et'*
 дождь прийти-INF-POSS.2SG
 Ожид. знач.: 'Вот бы дождь пришел!' (элиц.)

Данные о конструкции с инфинитивом суммированы в таблице 5, из которой можно увидеть, что волжские говоры лугового марийского в отношении этой конструкции отличаются от

остальных: в них конструкция с инфинитивом может иметь выраженное подлежащее по крайней мере 3-го лица.

Таблица 5. Оптативная конструкция с формой инфинитива на -аӥ: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой мари́йский (волжские говоры)	Луговой мари́йский (моркинско-сернурские говоры)	Горнома́рийский (говор с. Кузнецово)	Горнома́рийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	1SG, 3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG

Конструкция с формой непрошедшего времени 1-го лица: V-NPST.1SG + RETR

Третья конструкция, которую мы рассмотрим, — это конструкция с глаголом в застывшей форме NPST.1SG и показателем ретроспективного сдвига *ə'le*. Эта конструкция практически не упоминается в литературе, кроме работы Л.П. Васиковой [27], в которой приводятся примеры такой конструкции в литературном луговом мари́йском.

Рассмотрим подробнее форму лексического глагола в этой конструкции. Вне оптативной конструкции форма NPST.1SG маркирует действие, относящееся к плану настоящего (28) или будущего (29). Выбор между алломорфами *-am* и *-em* зависит от спряжения глагола, которое является его лексической характеристикой: глаголы первого спряжения присоединяют алломорф *-am*, глаголы второго спряжения — алломорф *-em*.

(28) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры, с. Старый Торъял)
zina, ʂog-al-Ø, mɛj **ul-am** man-am
Зина остановиться-ATT-IMP.2SG я **быть-NPST.1SG** говорить-NPST.1SG
'Зина, стой, это я, — говорю' (корпус).

(29) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры, с. Старый Торъял)
dvacatyj mart-əšte kandaʂlu kandaʂ ij-əm **tem-em**
двадцатый март-IN восемьдесят восемь год-ACC **наполнить-NPST.1SG**
'Двадцатого марта восемьдесят восемь лет мне исполнится' (корпус).

В трех из рассматриваемых диалектов — это есть во всех, кроме говора с. Кузнецово, — форма NPST.1SG в сочетании с показателем ретроспективного сдвига также используется в оптативных контекстах. При этом форма NPST.1SG в оптативной конструкции является «застывшей», т.е. сохраняется в виде *-am / -em* с подлежащими другого лица и числа, например, с подлежащими 3SG (30), (31).

В говоре с. Кузнецово, как мы увидим в разделе 5, форма NPST.1SG тоже может использоваться с подлежащими 3SG, но в несколько отличных контекстах. В оптативных контекстах типа (30), (31) в кузнецовском говоре форма NPST.1SG не используется.

(30) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
erla jüg **lij-am** *ə'le!*
завтра дождь **становиться-NPST.1SG** RETR1
'Вот бы завтра был дождь!' (элиц.)

(31) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (волжские говоры)
maksim erla **tol-am** *ə'le!*
Максим завтра **приходить-NPST.1SG** RETR1
'Вот бы завтра Максим приехал!' (элиц.)

То, что перед нами действительно застывшая форма NPST.1SG, а не случайно совпавшая с ней другая модальная форма, подтверждается следующим фактом: отрицание в этой конструкции совпадает с отрицанием формы NPST.1SG: л. мар. *o-m* [NEG.NPST-1SG], г-мар. *a-m* [NEG.NPST-1SG] (32). При этом ни в каких других ТАМ-формах глагола отрицательный показатель не совпадает с отрицанием формы NPST.1SG.

(32) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
jüg **o-m** *lij* *ə'le!*
дождь NEG.NPST-1SG **становиться** RETR1
'Вот бы дождя не было!' (элиц.)

Любопытно, что подлежащее 1-го лица единственного числа в оптативной конструкции с формой NPST.1SG по крайней мере в некоторых диалектах невозможно. Так, конструкция в примере (33) интерпретируется не как оптативная, а как контрфактивная или ирреальная:

(33) ЛУГОВОЙ МАРИ́ЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
sej-em *ə'le*
победить-NPST.1SG RETR1
'Я бы победил / я должен был победить {но по какой-то причине не победил}.
'Вот бы я победил!' (элиц.)

Таблица 6. Оптативная конструкция с формой на -am / -em: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой мари́йский (волжские говоры)	Луговой мари́йский (моркинско-сернурские говоры)	Горнома́рийский (говор с. Кузнецово)	Горнома́рийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	3SG; 1SG -- ?	*1SG; 3SG	конструкция отсутствует	3SG; 1SG -- ?

4.4. Конструкция с дебитивной формой на -šāš: V-šāš + (RETR)

Наконец, четвертая оптативная конструкция, которую мы рассмотрим, содержит полифункциональную форму на -šāš. Форма на -šāš имеет множество разных употреблений, причем в луговых мариийских и горномариийских идиомах ее дистрибуция различается.

Достаточно частотный класс употреблений показателя -šāš – это употребления в роли футурального / дебитивного причастия, которые возможны как в атрибутивной, так и в предикативной позиции. В луговом мариийском в таких контекстах выступает ничем не осложненный показатель -šāš (34), (35):

(34) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
āšā-šāš raša
 делать-DEB работа
 ‘работа, которая должна быть выполнена’ [28]

(35) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 məj čerke orol dene ške *kuṭərə-šāš ul-am*
 я церковь сторож с сам говорить-DEB быть-NPST.1SG
 ‘С церковным сторожем я должен поговорить сам’ (Марла Мутер)

В горномариийских идиомах футуральное причастие образуется с помощью сложного показателя -šāšlāk⁴, который представляет собой сочетание показателя -šāš с дестинативным суффиксом (суффиксом предназначения) -lāk.

(36) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
ke-šāšlāk sola
 идти-PTCP.DEV деревня
 ‘деревня, в которую нужно пойти’ (элиц.)

(37) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 məp’ *tol-šāšlāk* əl-am.
 я приходит-PTCP.DEV быть-NPST.1SG
 ‘Я должен прийти’ (элиц.).

Кроме того, у формы на -šāš в луговых мариийских и горномариийских диалектах имеются употребления в качестве вершины независимой клаузы. Это, в частности, интенциональные / побудительные употребления, которые возможны только с подлежащим 1SG:

(38) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
kajə-šāš
 идти-DEB
 ‘Пойду-ка я’ (элиц.).

⁴ После основы с последним передним гласным показатель имеет вид -šāšlāk; ə не гармонирует.

(39) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 lapkaš *ke-šāš*
 магазин-ILL идти-DEB
 ‘Пойду-ка я в магазин’ (элиц.).

Наконец, во всех рассматриваемых идиомах имеются оптативные употребления формы на -šāš с факкультативной частицей ретроспективного сдвига.

В горномариийских идиомах с. Кузнецово и Микряково такая конструкция может иметь подлежащее любого лица и числа, в том числе 1SG и 3SG:

(40) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)
 vot məp’ *mad-ən* *nül-šāš* (ə’ə’!)
 вот я играть-CVB взять-DEB RETR1
 ‘Вот бы я выиграл(а)!’ (элиц.)

(41) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)
 juḡ *cärnə-šāš* (ə’ə’!)
 дождь остановиться-DEB RETR1
 ‘Вот бы дождь перестал!’ (элиц.)

С другой стороны, в луговых мариийских идиомах эта форма используется только с подлежащим 1SG:

(42) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (литературный)
 keč tora gəč pel šinča dene *už-šāš* ə’ə’
 хоть расстояние из половина глаз с видеть-DEB RETR1
 ‘Увидеть бы хоть издали одним глазом’ [28]

(43) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
 *juḡ *lij-šāš* ə’ə’!
 дождь становится-DEB RETR1
 Ожид. знач.: ‘Вот бы дождь пошел!’ (элиц.)

В таблице 7 обобщены данные о конструкции с формой на -šāš: из нее видно, что в горномариийских идиомах эта конструкция возможна с более широким кругом подлежащих, чем в луговых мариийских идиомах.

Таблица 7. Оптативная конструкция с формой на -šāš: сочетаемость с разными подлежащими

	Луговой мариийский (волжские говоры)	Луговой мариийский (моркинско-сернурские говоры)	Горномариийский (говор с. Кузнецово)	Горномариийский (говор с. Микряково)
Возможные подлежащие	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, 3SG	1SG, 3SG

4.5. Синхронные данные оптативных конструкций: обобщение

Таблица 8 суммирует данные разделов 4.1–4.4.

Таблица 8. Оптативные конструкции в марийских идиомах: обобщение

Конструкция	Форма глагола	ЛМ (волжские говоры)	ЛМ (моркинско-сернурские говоры)	ГМ (говор с Кузнецово)	ГМ (говор с Микряково)
v-IMP.3 + RETR	Императив 3 лица (юссив)	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG	*1SG, 3SG
v-inf- (poss.2sg) + (retr)	Инфинитив	1SG, 3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, *3SG
v-npst.1sg + retr	Форма NPST.1SG	3SG 1SG -- ?	*1SG, 3SG	-	3sg 1sg -- ?
v-šaš + (RETR)	Дебитивная форма на -šaš	1SG, *3SG	1SG, *3SG	1SG, 3SG	1SG, 3SG

В каждом из рассмотренных марийских идиом имеется по меньшей мере по 3–4 способа выражения оптативного значения. В частности, во всех идиомах в оптативных контекстах используется конструкция с формой императива 3-го лица. Подлежащее в этой конструкции может быть только 3-го лица. Конструкция с инфинитивом на *-aš* и опциональным посессивным показателем *-et* также встречается во всех рассмотренных диалектах. В большинстве диалектов она возможна с подлежащим 1-го лица, но в волжских говорах сочетается и с подлежащим 3-го лица. Конструкция с «застывшей» формой NPST.1SG присутствует в трех из рассмотренных идиомов и сочетается с подлежащим 3-го лица. Наконец, конструкция с формой на *-šaš* присутствует во всех рассмотренных идиомах; в луговых она возможна только с подлежащим 1-го лица, а в горномарийских имеет более широкую сочетаемость и возможна также с подлежащими 3-го лица.

5. Диахрония оптативных конструкций

В предыдущем разделе мы рассмотрели синхронные данные оптативных конструкций в марийских языках. Рассмотрим теперь возможную диахроническую мотивацию, которая может стоять за развитием этих конструкций.

а. Конструкция с императивом 3-го лица: v-IMP.3 + (RETR)

Повторим пример (1), иллюстрирующий эту конструкцию (здесь цитируется как (44)):

(44) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

oj, məj-əm pire kočk-ən *kaja-že* əl'e!
INTJ я-ACC волк есть-CVB ИДТИ-IMP.3SG RETR1
'Ой, хоть бы волк пришёл и съел меня!' (корпус).

Оптативная конструкция с императивом 3-го лица, судя по ее паттернам полифункциональности, представляет собой расширенное употребление юссивной формы на *-že*. Для формы перформативного оптатива, судя по обсуждению в статье Н.Р. Добрушиной [9], это закономерно.

В контекстах дезидеративного оптатива форма на *-že* дополнительно маркируется ретроспективным показателем. Использование ретроспективного показателя как способ уменьшения категоричности высказывания обнаруживается в марийских диалектах не только в оптативных конструкциях, но и в императивных (см. раздел 4.1). Таким образом, хотя случаи грамматикализации дезидеративного оптатива из формы императива 3-го лица не описаны в известной нам литературе, развитие дезидеративного оптатива из императива 3-го лица и ретроспективной частицы для марийских идиомов представляется правдоподобным.

в. Конструкция с инфинитивом на *-aš*: v-INF-POSS.2SG + (RETR)

Повторим пример такой конструкции (20), цитируемый здесь как (45).

(45) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (волжские говоры)
erla ava-j *tol-aš-et!*
завтра мама-KIN **прийти-INF-POSS.2SG**
'Вот бы завтра мама приехала!'

Употребление инфинитива в оптативной конструкции имеет параллель в русском языке — сослагательный инфинитив [29, с. 81–89]; [30], ср. пример (46), цитируемый в статье Е.В. Падучевой [30]:

(46) РУССКИЙ

Провалиться вам! — сердито сказал Гейгер. [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный (1972)]

Отличие марийской оптативной конструкции от сослагательного инфинитива в русском языке состоит, во-первых, в том, что подлежащее кодируется в нем номинативом, а не дативом, а во-вторых, в том, что в марийской конструкции, помимо субъекта и глагола в инфинитиве, присутствует дополнительный морфологический материал — суффикс *-et*.

Основная функция показателя *-et* в марийских диалектах — это маркирование посессивного отношения 2SG ('твой'). Собственно посессивные употребления иллюстрируются в примерах из марийской грамматики А. Алхониеми [25, S. 72–75]:

л. мар. *vüid-et* [вода-poss.2sg] ‘твоя вода’, *кепк-et* [кепка-poss.2sg] ‘твоя кепка’, г-мар. *әлә-мәш-et* [жить-NZR-poss.2sg] ‘твоя жизнь’. К посессивным восходят также употребления *-et* на нефинитных формах, которые маркируют лицо и число одного из аргументов этой формы: ср. л. мар. *kaj-aš-et žap* [уйти-INF-poss.2sg время] ‘время тебе уйти’ [25, S. 72–75].

Помимо маркирования собственно посессивных отношений показатель *-et* также имеет дискурсивные употребления, в которых этот показатель может присоединяться к именным группам, не имеющим посессора 2-го лица единственного числа. В частности, в грамматике Алхониеми [25, S. 75] предлагается считать, что суффикс POSS.2SG маркирует определенность, хотя чаще в этой функции в марийских диалектах выступает суффикс 3SG [31]. Дискурсивные употребления посессивного суффикса 2SG также есть в других уральских языках — например, в хантыйском и нганасанском [32]; [33]. В работе Г.М. Тужарова [34, с. 66–67] говорится об употреблении суффиксов 2SG и 3SG как «указательно-выделительных, эмфатических, эмоционально-экспрессивных частиц», которые «выражают обсуждаемый предмет более наглядно, осязаемо и эмоционально». Суффиксы 2SG и 3SG, согласно Тужарову, «в роли частиц могут присоединяться ко всем склоняемым частям речи <...>, к инфинитиву, причастию, деепричастию, в редких случаях даже к личной форме глагола».

Показатель *-et* в оптативной конструкции оказывается затруднительно трактовать как посессивный показатель, указывающий на лицо и число аргумента, как в цитируемом выше примере *kaj-aš-et žap* [уйти-INF-poss.2sg время] ‘время тебе уйти’. Трудность состоит в том, что в таком случае мы бы не наблюдали показатель 2SG, например, при субъекте 3SG. Однако пример (45) показывает обратное: показатель *-et* в нем употребляется с подлежащим 3SG. На наш взгляд, использование посессивного суффикса 2SG *-et* в оптативной конструкции скорее может быть связано с его дискурсивными употреблениями. В частности, описанное выше «эмоционально-экспрессивное» прочтение суффикса *-et* может иметь отношение к оптативной семантике изучаемой конструкции. Впрочем, это предположение нуждается в большей формализации и дальнейшем изучении.

с. Конструкция V-NPST.1SG + RETR

Повторим для удобства читателя пример (30), цитируемый как (47).

(47) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

erla jüg *lij-am* әл'е!
завтра дождь становиться-NPST.1SG RETR1
‘Вот бы завтра был дождь!’ (элиц.)

Использование формы NPST.1SG в оптативных конструкциях с подлежащим 3SG, как в (47), представляется неожиданным и требует объяснения. Нам не известно других случаев, когда формы с оптативным значением восходят к формам NPST.1SG, однако известны случаи, когда в различных языках мира другие ТАМ-формы содержат в себе показатели 1SG.

Например, в тюркских языках встречаются проспективные конструкции, содержащие глагол в форме 1SG [35]. По всей видимости, диахронически они восходят к конструкциям передачи чужой речи. Об этом свидетельствует наличие в составе этих конструкций деепричастия от глагола ‘говорить’, ср. примеры (48), (49) из турецкого и татарского:

(48) ТУРЕЦКИЙ

kiremit *düş-eceğ-im di-yip / de-yip dur-u(r)*
кирпич падать-FUT.1SG сказать-СВВ сказать-СВВ стоять-AOR
‘Кирпич вот-вот упадет.’ (букв.: ‘Кирпич стоит, говоря: «Я упаду»’) [35]

(49) ТАТАРСКИЙ⁵

bu ağaç *awa-m awa-m di-p tor-a*
это дерево упасть-PRS.1SG упасть-PRS.1SG сказать-СВВ стоять-PRS.3SG
‘Это дерево вот-вот упадет’ (букв.: ‘Это дерево стоит, говоря: «Я упаду-упаду»’, элиц.)

Конструкция, калькирующая татарскую, теоретически могла появиться в марийских идиомах в результате интенсивных языковых контактов с татарским языком, которые и в самом деле имели место [36]. По аналогии с ситуацией в турецком и татарском можно представить, что и марийская форма NPST.1SG претерпела развитие из конструкции передачи чужой речи в проспектив. Затем проспективное значение (возможно, через стадию более общего значения будущего времени) могло развиваться в оптативное: вспомним, что среди возможных источников оптативных форм, перечисленных в обзоре Дж. Садока и А. Звики [16, р. 164], упоминаются формы будущего времени.

Однако это рассуждение оказывается проблематичным. Во-первых, в марийских идиомах не засвидетельствовано конструкций, в которых застывшие формы 1SG функционировали бы как показатели намерения или ближайшего будущего.

⁵ Пример получен автором от носителей литературного татарского языка.

Во-вторых, в тюркских языках проспективные конструкции содержат дополнительный морфологический материал – деепричастие от глагола ‘говорить’ и матричный глагол ‘стоять’. Марийская же оптативная конструкция *v-NPST.ISG + RETR* не содержит материала, свидетельствующего о происхождении этой конструкции из конструкции передачи чужой речи. Таким образом, предложенная выше гипотеза о развитии оптативной конструкции из конструкций типа (48) (49) представляется нам маловероятной.

Вторая параллель обнаруживается в коптском языке⁶, где есть глагольная форма, которая выражает следствие какого-либо события (50). Показатель этой формы, который здесь глоссируется как *PROM* (промиссив), восходит к морфеме каузатива *ISG*, то есть буквально форма *tare-tn-cine* [*PROM-2PL-найти*] означает ‘я заставлю вас найти’ или ‘я позволю вам найти’.

(50) КОПТСКИЙ

<i>ʃine</i>	<i>tare-tn-cine</i>
искать. <i>IMP</i>	<i>PROM-2PL-найти</i>

‘Ищите и обрящете’ [37, р. 284, глоссы Э. Гроссмана]

Форма промиссива, по-видимому, имеет фу-туральную референцию, как и тюркские проспективные формы. Однако сложно представить себе, как коптский сценарий мог бы быть применен к марийскому материалу: в частности, нет оснований полагать, что марийские показатели *NPST.ISG* имеют отношение к каузативу.

Мы предлагаем другой сценарий развития оптативной конструкции с формой *NPST.ISG*. Согласно этому сценарию, грамматикализации подверглась не отдельная форма *NPST.ISG*, а целое сочетание *NPST.ISG + RETR*.

(51) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

<i>irgod-ə̆m</i>	<i>ə̆ʃkal-ə̆m</i>	<i>a-m</i>	<i>orolə̆</i>	<i>ə̆l'ə̆/</i>	<i>*ə̆lən</i>
завтрашний_день-ACC	корова-ACC	<i>NEG.NPST-1SG</i>	пасти	<i>RETR1</i>	<i>RETR2</i>
<i>gə̆n', mə̆n'</i>	<i>tə̆</i>	<i>don-da</i>	<i>pä̆šə̆-l-em</i>	<i>ə̆l'ə̆/</i>	<i>*ə̆lən.</i>
если я вы	<i>c-POSS.2PL</i>	<i>работа-DENOM-NPST.1SG</i>		<i>RETR1</i>	<i>RETR2</i>

‘Если бы я завтра не пасла коров, я бы с вами поработала’ [38]

(54) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

<i>tə̆də̆</i>	<i>mə̆lām</i>	<i>ni-mat</i>	<i>porə̆de,</i>	<i>iziš</i>	<i>xot'</i>	<i>anzə̆c-rak</i>
тот	я. <i>DAT</i>	<i>NEG-что.ADD</i>	сказать- <i>NEG.PRET.3SG</i>	немного	<i>PTCL</i>	перед- <i>CMPR</i>

keles-äl-äm *ə̆l'ə̆*
сказать-*ATT-NPST.1SG* *RETR1*

‘Она мне ничего не сказала, хоть заранее немножко рассказала бы’ (элиц.)

⁶ Автор благодарит Эйтана Гроссмана, который указал на существование в коптском языке формы на *-tare*, а также поделился примерами, нужными ссылками и своим взглядом на диахронию этой формы. В статье мы придерживаемся его анализа и используем предложенный им типологический ярлык «промиссив».

Сочетание формы *NPST* с показателем ретро-спективного сдвига как в луговых марийских, так и в горномарийских диалектах имеет ирреальную или контрфактивную интерпретацию [25, S. 117, 38]. В примере (51) это сочетание выступает в протасисе и аподосисе условной конструкции, в (52) – в ирреальном контексте.

(52) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

<i>pa:zar-ə̆š</i>	<i>kaj-em</i>	<i>ə̆l'e,</i>	<i>oksa-m</i>	<i>uke</i>
базар- <i>ILL</i>	<i>идти-NPST.ISG</i>	<i>RETR1</i>	деньги- <i>POSS.ISG</i>	<i>NEGEX</i>

‘Пошёл бы на базар, да у меня денег нет’ (Марла Мутер)

В примерах типа (51), (52) формы *1SG* согласуются с подлежащим *1SG*. Однако существуют контрфактивные употребления сочетания *NPST.ISG + RETR*, в которых форма *1SG* неожиданно выступает с подлежащими *3SG*. Так, в примере (53), выражающем контрфактивное предпочтение, обе глагольные словоформы семантически относятся к одному и тому же подлежащему *3SG*. Однако вторая форма глагола, которая выражает предпочтительное действие, маркируется в нем показателем *1SG*.

(53) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)

<i>ʃ_{3SG} ə̆š</i>	<i>šiz-tar-e</i>	<i>vet,</i>	<i>ʃ_{3SG} keč</i>	<i>šinča-m</i>
<i>NEG.AOR.3SG</i>	чувствовать- <i>CAUS-AOR</i>	<i>PTCL</i>	<i>PTCL</i>	глаз- <i>ACC</i>

püjal-am *ə̆l'e!*
подмигнуть-*NPST.1SG* быть.*AOR.3SG*
[Она] не предупредила же, [она] хоть глазом подмигнула бы! (Марла Мутер)

Примеры типа (53) грамматичны как в луговых марийских диалектах, так и в горномарийских, в том числе в говоре с. Кузнецово.

Пример (53) отличается от оптативных примеров типа (47) по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, он имеет контрфактивное прочтение (предпочтительное событие не произошло),

во-вторых, подлежащее в нем одушевленное. Мы не располагаем данными, которые позволили бы точнее определить, каким из этих различий обусловлена разница грамматичности примеров (53) и (47) в кузнецовском говоре.

Однако исходя из того, что конструкции типа (53) имеются во всех рассматриваемых идиомах, можно предположить, что в (53) представлена исходная конструкция, которая затем во всех диалектах, кроме кузнецовского говора, дала оптативные употребления типа (47). Мы предполагаем, что в исходной конструкции имеет место сдвиг перспективы при переходе ко второй клаузе (*perspective shift*, см. статью С. Спронка и соавторов [39]). Таким образом, по нашему предположению, буквально пример (53) устроен следующим образом:

(55) *Она не предупредила, {на ее месте я} хоть глазом бы подмигнула.*

Дальнейшее развитие этой конструкции может, по нашему предположению, заключаться в инсубординации второй клаузы, которая при этом начинает употребляться в большем числе контекстов. В частности, она теряет элемент контрфактивности и /или расширяется на неодушевленные субъекты. Чтобы более точно описать развитие конструкций типа (53) в оптативную конструкцию, необходимо более тщательное исследование.

**d. Конструкция с дебитивным показателем -šāš:
V-šāš + (RETR)**

Повторим пример конструкции с формой на -šāš (40), далее цитируемый как (56), а также примеры (35) и (37) с дебитивным причастием в предикативной позиции (далее (57), (58)).

(56) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)
vot mən' mad-ən nül-šāš (əTə)!
вот я играть-СВВ взять-ДЕВ RETR I
'Вот бы я победил!' (элиц.)

(57) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
məj čerke otol dene ške kutərə-šāš ul-am
я церковь сторож с сам говорить-ДЕВ быть-NPST.1SG
'С церковным сторожем я должен поговорить сам' (Марла Мутер)

(58) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
mən' tol-šāšlək əl'am.
я приходит-PTCP.DEV быть-NPST.1SG
'Я должен прийти' (элиц.)

Развитие оптативной конструкции типа (56) из формы на -šāš, у которой имеются некоторые дебитивные употребления, с одной стороны, типологически кажется возможным, ср. путь грамматикализации из дебитивных форм в оптативные,

(61) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
keč tora gəč pel šinča dene uš-šāš əl'e
хоть расстояние из половина глаз с видеть-ДЕВ RETR I
'Увидеть бы хоть издали одним глазом' [28]

упомянутый в статье Й. ван дер Ауверы и В.А. Плуногяна [18].

Однако объяснение, при котором дебитивные употребления типа (57), (58) развиваются в оптативные употребления типа (56), сталкиваются со следующими возражениями. Во-первых, если возводить примеры типа (56) к предикативным употреблениям причастий ('Я тот, который должен выиграть'), то нужно объяснить отсутствие в (56) глагола-связки: в предполагаемой исходной структуре он обязателен, ср. горномарийский пример (59); то же верно для луговых марийских идиомов. Во-вторых, в горномарийском в функции причастия выступает форма с показателем -šāšlək (58), в то время как в оптативной конструкции используется форма на -šāš.

(59) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
*mən' tol-šāšlək
я приходит-PTCP.DEV
'Я должен прийти' (элиц.)

Таким образом, нам кажется маловероятным, что оптативные конструкции с формой на -šāš развились из дебитивных причастий в позиции предиката. Однако, как уже упоминалось в разделе 4.4, формы на -šāš имеют также употребления в качестве вершины независимой клаузы, ср. пример (38), цитируемый как (60).

(60) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (моркинско-сернурские говоры)
kajə-šāš
идти-ДЕВ
'Пойду-ка я'. (элиц.)

В луговых марийских диалектах форма на -šāš используется в оптативной функции в сочетании с частицей ретроспективного сдвига, ср. пример (42), далее цитируемый как (61). Как уже было сказано в разделе 4.4, в луговых марийских диалектах в этой конструкции может выступать только подлежащее 1SG. Можно предположить, что в сочетании с интенциональными / побудительными употреблениями 1-го лица типа (60) семантический вклад ретроспективной частицы состоит в «смягчении», уменьшении категоричности формы. Таким образом интенциональная / побудительная форма получает оптативное прочтение, как мы уже видели ранее с формами императива 2-го и 3-го лица.

В горномарийских идиомах с. Микряково и с. Кузнецово форма на *-šas* в независимых клаузах имеет более широкую дистрибуцию, чем в луговых марийских. Так, в горномарийских диалектах она может использоваться в контекстах «контрфактивного предпочтения» (62). В таком случае она относится не к первому лицу, а к другим лицам, например, 3SG. В рассматриваемых луговых диалектах таких употреблений нет.

(62) ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)
 (*tǝ dǝ) ǝškǝ-lǎn-žǝ kačk-aš šolta-šas.
 тот REFL-DAT-POSS.3SG есть-INF готовить-ДЕВ
 {Что он ходит голодный?} 'Готовил бы себе еду' (элиц.)

Можно представить себе, что горномарийские оптативные употребления, которые совместимы с любыми подлежащими, возникли из употреблений типа (62). Такое развитие было бы параллелью к сценарию развития конструкции с формой NPST.3SG, который был предложен выше. Дополнительный аргумент в пользу такого пути развития конструкции с формой на *-šas* заключается в том, что оптативные конструкции с подлежащими любого лица существуют только в тех диалектах, где имеются употребления типа (62).

Наконец, обсудим происхождение самого маркера *-šas*. В имеющейся литературе оно не установлено с достаточной степенью надежности. В исторической грамматике И.С. Галкина [40, с. 166] предлагается следующая этимология: показатель *-šas* состоит из двух показателей, а именно *-še* и *-aš*. Первый показатель, *-še*, является показателем причастия настоящего времени. Второй, *-aš*, встречается в атрибутивизованных формах типа *ikijaš* 'одногодка, годовалый'. Не вполне ясно, впрочем, почему эта комбинация должна давать значение долженствования или будущего времени. Не встречается в языках Поволжья и параллелей такого развития.

Можно предложить другую этимологию, указанием на которую мы обязаны А.В. Савельеву: форма на *-šas* — это морфологическое заимствование из чувашского языка. В чувашском языке имеется условно-временное деепричастие на *-sassən* (стяженная форма *-san*): [41, с. 248]

(63) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧУВАШСКИЙ
 Сумяр сү-сассән
 дождь идти-COND.CVB
 'если пойдёт дождь,...' (пример А.В. Савельева)

Деепричастие на *-sassən* имеет в своем составе адвербиализатор *-(ə)n*, который регулярно присоединяется к причастным формам. В таком случае можно предполагать на некоторой более ранней стадии развития чувашского языка причастный

суффикс **-sas*, который при заимствовании в марийские диалекты дал бы *-šas*, ср. регулярный переход *s > š* [7, S. 53]. Показатель *-sas* в чувашском, по-видимому, восходит к сочетанию оптативного расширителя глагольной основы **-sa-* (который в чувашском в других контекстах не зафиксирован) [42, с. 435] и показателя причастия будущего времени *-as*. Структурной параллелью к данной форме является общетюркское причастие долженствования на *-sar* [42, с. 351], восходящее к сочетанию того же оптативного *-sa-* и аориста на *-ar*.

Чувашская форма на *-sassən* (*-san*) в сочетании с копулой *=čče* также может использоваться в оптативном значении, ср. в работе И.П. Павлова [41]: «Как сказуемое простого предложения, оно выражает сильное, даже невыполнимое желание говорящего лица в совершении того или иного действия-условия» (64).

(64) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧУВАШСКИЙ
 Эх, Николай Петрович, пёл-сен=ччё эсир...
 INTJ Николай Петрович знать-COND.CVB=RETR вы
 'Эх, Николай Петрович, знали бы вы...' [41]

Путь грамматикализации, который мы предложили в этом разделе для марийского *-šas*, совместим с идеей, что *-šas* — это заимствованный из чувашского причастный показатель **-sas*. Однако примеры типа (64) структурно отличаются от оптативных употреблений марийского *-šas*. Таким образом, мы предполагаем, что оптативная конструкция с формой на *-šas* развилась другим путем, чем чувашская конструкция в (64): марийские диалекты заимствовали из чувашского языка морфему, но не ее оптативные употребления.

6. Заключение

В статье мы рассмотрели оптативные конструкции в четырех марийских диалектах. Все эти конструкции состоят из формы лексического глагола и частицы ретроспективного сдвига. Большинство из них ранее не были подробно описаны в литературе.

Мы определили формы лексического глагола, входящие в состав рассмотренных оптативных конструкций, и рассмотрели возможные механизмы их грамматикализации.

Выяснилось, что форма императива 3-го лица (юссива) в оптативных контекстах ведет себя предсказуемо как с формальной точки зрения, так и с семантической. Так, она сочетается только с подлежащими 3-го лица, то есть сохраняет сочетаемость формы юссива. Без ретроспективного показателя она имеет скорее перформативное прочтение, а с ретроспективным

показателем – деидеративное: по-видимому, ретроспективный показатель имеет в оптативной конструкции функцию «смягчения категоричности». Таким образом, применительно к форме юссива оказывается необязательно постулировать особую оптативную конструкцию.

Остальные рассмотренные случаи оказались менее прозрачными. Так, **форма инфинитива на -аӑ** в большинстве идиомов не имеет выраженного подлежащего и может относиться только к подлежащему ISG. Однако в волжских говорах при ней возможно выраженное подлежащее других лиц и чисел. **Форма NPST.ISG** имеет особое, оптативное прочтение с подлежащими 3-го лица, что позволяет считать такое сочетание оптативной конструкцией. Наконец, **форма на -ӑаӑ** в независимом употреблении не имеет выраженного подлежащего (кроме подлежащего ISG), но в горномарийских диалектах оказывается совместимой с подлежащими 3SG. На наш взгляд, это также аргумент в пользу статуса конструкции.

Настоящее исследование также расширяет и дополняет список потенциальных источников грамматикализации оптатива. Так, форма NPST.ISG и форма на -ӑаӑ, по нашему предположению, иллюстрируют похожие пути развития оптативной конструкции из глагольных форм, маркирующих предпочтительное действие. При этом других примеров грамматикализации конструкции с формой NPST.ISG в оптатив нам не известно.

Выводы, к которым мы пришли в этой статье, основаны на междиалектном сравнении оптативных конструкций: реконструкция способов выражения оптативного значения главным образом основана на дистрибуции форм и конструкций в диалектах. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть предложенные пути развития, следует рассмотреть данные еще нескольких марийских диалектов.

Любопытно, что по крайней мере в некоторых диалектах чувашского языка, который находится в ситуации языкового контакта с марийскими идиомами [43], оптативные конструкции выглядят похожим образом. Например, в малокарачкинском диалекте [44]; [45] футурально-причастные, инфинитивные и финитные презентные формы глагола могут в сочетании с ретроспективной клитикой =*teə/teĕ* иметь оптативные прочтения. В дальнейшем исследовании марийские оптативные конструкции имеет смысл подробнее сравнить с чувашскими.

АТТ – аттенуатив, АТТР – атрибутивизатор, CAUS – каузатив, COND – кондиционал, CONJ – союз, CMPR – компаратив, CVB – конверб, DAT – датив, DEB – дебитив, DES – деидератив, ERG – эргатив, EX – бытийная копула, FUT – будущее время, ILL – иллатив, IMP – императив, IMPF – имперфектив, IN – инессив, INF – инфинитив, INTJ – местоимение, KIN – показатель родства, LOC – локатив, M – мужской класс, MAN – суффикс, образующий глаголы способа, N – средний класс, NEG – отрицание, NMZ – номинализация, NPST – непрошедшее время, OPT – оптатив, PL – множественное число, POSS – посессив, POT – потенциалис, PRET – претерит, PROM – промиссив, PROP – проприетив, PRS – презент, PTCL – частица, PTCP – причастие, RETR – ретроспективный сдвиг, SG – единственное число, SIM – симилятив.

ИСТОЧНИКИ

- Устный корпус лугового марийского языка [электронный ресурс, 11647 словоупотреблений] // URL: http://lingconlab.ru/spoken_meadow_mari/, дата обращения 6.12.2023
- Корпус горномарийских экспедиций в с. Микряково [частная коллекция, ок. 22700 словоупотреблений]
- Корпус горномарийских экспедиций в с. Кузнецово [электронный ресурс, 63522 словоупотребления] // URL: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>, дата обращения 6.12.2023
- Агрегатор онлайн словарей марийского языка МарлаМутер [электронный ресурс] // URL: <https://marlamuter.com/muter/ru/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA>, дата обращения 6.12.2023

SOURCES

- Spoken corpus of Meadow Mari (11647 tokens). URL: http://lingconlab.ru/spoken_meadow_mari/search, accessed 6.12.2023
- Mikryakovo Hill Mari field corpus [private collection, appr. 22700 tokens]
- Kuznetsovo Hill Mari field corpus (63522 tokens). URL: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>, accessed 6.12.2023
- Aggregator of online dictionaries of Mari MarlaMuter. URL: <https://marlamuter.com/muter/ru/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA>, accessed 6.12.2023

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ACC – аккузатив, ADD – аддитив, AOR – аорист,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bybee J.L., Perkins R.D., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the

- languages of the world (Vol. 196). Chicago: University of Chicago Press, 1994.
2. Плу́нган В.А. Антирезультатив: до и после результата // В.А. Плу́нган (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
 3. Plungian V.A, van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung 59(4): 317–349. 2006.
 4. Мордашова Д.Д., Закирова А.Н. Оптативная зона // Е.В. Кашкин (отв. ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М., 2023. С. 366–372.
 5. Иванов И.Г. Марий диалектологий // Университетсе студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1981 [На мар. яз.]
 6. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.
 7. Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. T. 1. Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1994.
 8. Palmer F.R. Mood and modality. Cambridge university press, 2001.
 9. Dobrushina N. The optative domain in East Caucasian languages. Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages, 95, 130. 2011.
 10. Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
 11. Добрушина Н.П. Наклонение и модальность // Кибрик А.Е., Татевосов С.Г., Лютикова Е.А., Казенин К.И (ред.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001.
 12. Dobrushina N., van der Auwera J., Goussev V. The Optative // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/73>, Accessed on 2022-12-01.)
 13. Grosz P.G. On the grammar of optative constructions. PhD Thesis. Massachusetts, 2011.
 14. Rifkin J. If only if only were if plus only. *Proceedings of CLS 36.1* Chicago Linguistic Society, Chicago. 2000: 369–384.
 15. Biezma M. Optatives: Deriving desirability from scalar alternatives. In *Proceedings of Sinn und Bedeutung* (Vol. 15, pp. 117–132). 2011.
 16. Sadock J.M., Zwicky A.M. Speech Acts Distinctions in Syntax // T. Shopen (ed.) Language Typology and Syntactic Description. Vol. I. Cambridge: CUP, 1985, Pp. 155–196.
 17. Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Seongha R. World lexicon of grammaticalization, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
 18. Van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 2, 79–124, 1998.
 19. Vanhove M. A diachronic semantic map of the Optative negative in Beja (North-Cushitic) // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2022. Vol. 41. №. 1. Pp. 263–277.
 20. Мордашова Д.Д. Аналитические конструкции с формами глагола 'быть' в горномарийском языке // Урало-алтайские исследования, 2017. № 04 (27). С. 59–76.
 21. Мордашова Д.Д. Формы императивной серии // Е.В. Кашкин (отв. ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М., 2023. С. 350–366.
 22. Закирова А.Н. Горномарийский модальный показатель *-šaš*, параметр субъективности и участники речевого акта // Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.) / Ред. Д.Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2017. С. 61–64.
 23. Закирова А.Н. Оптатив и дебитив в горномарийском: употребления в полипредикации и ограничения на подлежащее. Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике», ОтиПЛ МГУ, 17.04.2020.
 24. Пенгитов Н.Т. Современный марийский язык: морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
 25. Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993.
 26. Петухова А.Н. Детский фольклор народа мари. Йошкар-Ола, 2004.
 27. Васикова Л.П. Структурные схемы предложений в марийском языке // Советское финно-угроведение, 1982. № 4. С. 271–282.
 28. Васикова Л.П. Модальные значения причастий будущего времени в современном марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975. С. 46–55.
 29. Добрушина Н.П. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики: Монография. Русский язык. Семантика. Animedia Company, 2016.
 30. Падучева Е.В. Конструкция с независимым инфинитивом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).
 31. Simonenko A. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // *Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 43)* (Vol. 2, pp. 127–140). N.Y.: The City University of New York.
 32. Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // International Symposium on Deictic Systems и

REFERENCES

- Quantification in Languages Spoken in Europe и North и Central Asia: Collection of papers. 2003. Pp. 130–145.
33. Siegl F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan и Dolgan – a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. Pp. 67–100.
 34. Тужаров Г.М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
 35. Nevskaya I. The typology of the prospective in Turkic languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung-STUF*, 58(1), 2005. Pp. 111–123.
 36. Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993.
 37. Layton B. A Coptic Grammar. With Chrestomathy and Glossary. Sahidic Dialect. Harassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000.
 38. Мордашова Д.Д. Ретроспективный сдвиг // Е.В. Кашкин (отв. ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М., 2023. С. 336–349.
 39. Spronck S., Van linden A., Gentens C., Sol Sansiñena M. 2020. Perspective persistence and irregular perspective shift: Mismatches in form-function pairings. *Functions of Language* 27(1): 1–6 [Special issue ‘Notes from the field on perspective-indexing constructions: Irregular shifts and perspective persistence’, edited by Stef Spronck, An Van linden, Caroline Gentens and María Sol Sansiñena (<https://benjamins.com/catalog/fol.27.1>)]
 40. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
 41. Павлов И.П. (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.
 42. Тенишев Э.Р. (ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
 43. Johanson L. Linguistic convergence in the Volga area // *Studies in Slavic and General Linguistics*, 2000. Vol. 28. Pp. 165–178.
 44. Ардышева С.М., Романова Е.А., Сапарова Д.А. Функции копулы прошедшего времени =*teə* в малочарачкинском говоре чувашского языка // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). / Отв. ред. Д.Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 7–11.
 45. Романова Е.А., Сапарова Д.А. Клитика *teə* в малочарачкинском говоре чувашского языка: копула, показатель ретроспективного сдвига, фокусная частица // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2021. Т. 1. №. XVII. С. 306–338.
 1. Bybee, J.L., Perkins, R.D., Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world (Vol. 196). Chicago: University of Chicago Press, 1994.
 2. Plungian, V.A. *Antirezultativ: do i posle rezultata* [Anti-Resultative: Before and After the Result]. V.A. Plungian (ed.). *Issledovanija po teorii grammatiki. Vyp. 1: Grammaticheskie kategorii* [Studies in Grammatical Theory. Vol. 1: Grammatical Categories]. Moscow: Russkie slovari Publ., 2001, pp. 50–88. (In Russ.)
 3. Plungian, V.A., van der Auwera, J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, No. 59(4), pp. 317–349.
 4. Mordashova, D.D., Zakirova, A.N. *Optativnaja zona* [The Optative Zone]. E.V. Kashkin (ed.). *Elementy gornomarijskogo jazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of Hill Mari in a Typological Perspective]. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023, pp. 366–372. (In Russ.)
 5. Ivanov, I.G. *Marij dialektologij. Universitetyse student-vlaklan tunemme kniga* [Mari Dialectology. University Student’s Book]. Yoshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1981. (In Mari)
 6. Hajdu, P. *Uralskie jazyki i narody* [Uralic Languages and People]. Moscow: Progress Publ., 1985. (In Russ.)
 7. Berczki, G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte [Basic linguistic history of Mari]. T. 1. Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1994. (In German)
 8. Palmer, F.R. Mood and modality. Cambridge university press, 2001.
 9. Dobrushina, N. The optative domain in East Caucasian languages. Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages, 95, 130. 2011.
 10. Gusev, V.Ju. *Tipologija imperativa* [Typology of Imperative]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2013. (In Russ.)
 11. Dobrushina, N.R. *Naklonenie i modalnost* [Mood and Modality]. Kibrik, A.E., Tatevosov, S.G., Lyutikova, E.A., Kazenin, K.I (eds.). *Bagvalinskij jazyk: Grammatika. Teksty. Slovori* [Bagvalal Language: Grammar. Texts. Dictionaries]. Moscow: Nasledie Publ., 2001. (In Russ.)
 12. Dobrushina, N., van der Auwera, J., Goussev, V. The Optative. Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/73>, Accessed on 2024-02-29.)
 13. Grosz, P.G. On the grammar of optative constructions. PhD Thesis. Massachusetts, 2011.
 14. Rifkin, J. If only if only were if plus only. *Proceedings of CLS 36.1 Chicago Linguistic Society*, Chicago, 2000, pp. 369–384.

15. Biezma, M. Optatives: Deriving desirability from scalar alternatives. In *Proceedings of Sinn und Bedeutung* (Vol. 15, pp. 117–132). 2011.
16. Sadock, J.M., Zwicky, A.M. *Speech Acts Distinctions in Syntax*. T. Shopen (ed.) *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. I. Cambridge: CUP, 1985, pp. 155–196.
17. Kuteva, T., Heine, B., Hong, B., Long, H., Narrog, H., Seongha, R. *World lexicon of grammaticalization*, 2nd Edn, 2019. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Van der Auwera, J., Plungian, V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 2, 1998, pp. 79–124.
19. Vanhove, M. A diachronic semantic map of the Optative negative in Beja (North-Cushitic). *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2022, Vol. 41, No. 1, pp. 263–277.
20. Mordashova, D.D. *Analiticheskie konstrukcii s formami glagola 'byt' v gornomarijskom jazyke* [Analytical Constructions Using Forms of the Verb 'to be' in Hill Mari]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai Studies]. 2017. No. 04 (27), pp. 59–76. (In Russ.)
21. Mordashova, D.D. *Formy imperativnoj serii* [Forms of the Imperative Series]. E.V. Kashkin (ed.). *Elementy gornomarijskogo jazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of Hill Mari in a Typological Perspective]. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023, pp. 350–366. (In Russ.)
22. Zakirova, A.N. *Gornomarijskij modalnyj pokazatel -šaš, parametr subjektivnosti i uchastniki rechevogo akta* [The Hill Mari Modal Marker -šaš, the Parameter of Subjectivity and Speech-Act Participants]. D.F. Mishchenko (ed.). 14th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (St. Petersburg, 23–25 November 2017). Book of abstracts. St. Petersburg: ILI RAN Publ., 2017, pp. 61–64. (In Russ.)
23. Zakirova, A.N. *Optativ i debitiv v gornomarijskom: upotrebleniya v polipredikacii i ogranicheniya na podlezhashchee* [Optative and Debitive in Hill Mari: Uses in Polypredication and Restrictions on the Subject]. Talk at the conference: *Malye jazyki v bolshoj lingvistike* [Small Languages in Big Linguistics]. 17–18 April 2020, Moscow State University, online. (In Russ.)
24. Pengitov, N.T. *Sovremennyy marijskij jazyk: morfologija* [Modern Mari: Morphology]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1961. (In Russ.)
25. Alhoniemi, A. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)* [A Grammar of Mari]. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993. (In German)
26. Petuhova, A.N. *Detskij folklor naroda mari* [Children Folklore of the Mari People]. Yoshkar-Ola, 2004. (In Russ.)
27. Vasikova, L.P. *Strukturnye shemy predlozhenij v marijskom jazyke* [Structural Schemes of Sentences in Mari]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies]. 1982, No. 4, pp. 271–282. (In Russ.)
28. Vasikova, L.P. *Modalnye znachenija prichastij budushhego vremeni v sovremennom marijskom jazyke* [Modal Meanings of Future Participles in Modern Mari]. *Voprosy marijskogo jazyka* [Issues in the Mari Language]. Yoshkar-Ola, 1975, pp. 46–55. (In Russ.)
29. Dobrushina, N.R. *Soslagatelnoe naklonenie v russkom jazyke: opyt issledovanija grammaticheskoj semantiki* [Subjunctive in Russian: Study of the Grammatical Semantics]. Praha: Animedia Company, 2016. (In Russ.)
30. Paducheva, E.V. *Konstrukcija s nezavisimym infinitivom. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* [Construction with the Independent Infinitive. Materials for the Corpus Description of Russian Grammar] (<http://rusgram.ru>). (In Russ.)
31. Simonenko, A. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. *Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 43)* (Vol. 2, pp. 127–140). N.Y.: The City University of New York.
32. Nikolaeva, I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International Symposium on Deictic Systems и Quantification in Languages Spoken in Europe и North и Central Asia: Collection of papers*. 2003, pp. 130–145.
33. Siegl, F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan и Dolgan – a reappraisal. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015, No. 39, pp. 67–100.
34. Tuzharov, G.M. *Grammaticheskie kategorii imeni sushhestvitelnogo v marijskom jazyke* [Grammatical Categories of the Noun in Mari]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1987. (In Russ.)
35. Nevskaya, I. The typology of the prospective in Turkic languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung-STUF*, 2005, No. 58(1), pp. 111–123.
36. Isanbaev, N.I. *Marijsko-tjurkskie jazykovye kontakty Ch. 1. Tatarskie i bashkirskie zaimstvovaniya* [Mari-Turkic Language Contacts. Part 1. Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1993. (In Russ.)
37. Layton, B.A. *Coptic Grammar. With Chrestomathy and Glossary. Sahidic Dialect*. Harassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000.
38. Mordashova, D.D. *Retrospektivnyj sdvig* [Retrospective Shift]. E.V. Kashkin (ed.). *Elementy gornomarijskogo jazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of Hill Mari in a Typological Perspective]. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023, pp. 336–349. (In Russ.)
39. Spronck, S., Van linden, A., Gentens, C., Sol Sansiñena, M. 2020. Perspective persistence and irregular perspective shift: Mismatches in form-function pairings. *Functions of Language* 27(1): 1–6 [Special issue 'Notes from the field on perspective-indexing constructions: Irregular shifts and perspective persistence', edited by Stef Spronck, An Van linden, Caroline Gentens and María Sol Sansiñena (<https://benjamins.com/catalog/fol.27.1>)]
40. Galkin, I.S. *Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija* [Historical Grammar of Mari].

- Morphology]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1964. (In Russ.)
41. Pavlov, I.P. (ed.). *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo jazyka* [Materials in Modern Chuvash Grammar]. Cheboksary: Chuvashgosizdat Publ., 1957. (In Russ.)
42. Tenishev, E.R. (ed.) *Sravnitelno-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Morfologija* [Comparative Grammar of Turkic Languages. Morphology]. Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
43. Johanson, L. Linguistic convergence in the Volga area. *Studies in Slavic and General Linguistics*, 2000, Vol. 28, pp. 165–178.
44. Ardysheva, S.M., Romanova, E.A., Saparova, D.A. *Funkcii kopuly proshedshego vremeni =teə v malokarachkinkom govore chuvashskogo jazyka* [Functions of the Past Copula =teə in Maloe Karachkino Chuvash]. D.F. Mishhenko (ed.). 15th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (St. Petersburg, 22–24 November 2018). Book of abstracts. St. Petersburg: ILIRAN Publ., 2018, pp. 7–11. (In Russ.)
45. Romanova, E.A., Saparova, D.A. *Klitika teə v malokarachkinkom govore chuvashskogo jazyka: kopula, pokazatel retrospektivnogo sdviga, fokusnaja chastica* [Clitic teə in Maloe Karachkino Dialect of Chuvash: a Copula, a Retrospective Shift Marker, a Focus Particle]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the RAS]. 2021, Vol. 1, No. XVII, pp. 306–338. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 17 ноября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.
Дата публикации: 30 апреля 2024 г.*

*Received by Editor on November 17, 2023
Revised on December 7, 2023
Accepted on February 15, 2024
Date of publication: April 30, 2024*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020082

Зарубежные письма читателей на русском языке Б. Л. Пастернаку после публикации романа «Доктор Живаго»

© 2024 г. А. М. Королева

Аспирант Научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
alinak28@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается зарубежная читательская корреспонденция к Б.Л. Пастернаку на русском языке в 1958–1960 гг. Работа основана на материалах РГАЛИ. Определяются доступные для читателей на Западе издания романа «Доктор Живаго» на языке оригинала (в т.ч. пиратские) и на иностранных языках. Предлагается систематизация писем читателей на русском языке: содержание и цель письма, страна проживания отправителя, национальность и культурная принадлежность отправителя (русский эмигрант или иностранец, знающий русский язык). Приводятся суждения читателей о поэтике романа «Доктор Живаго», их вопросы о произведении, дискуссия по еврейскому вопросу и восприятие личности Пастернака в среде русской эмиграции. Рассматривается отношение Пастернака к письмам читателей, выраженное в лирике и эпистолярном наследии. Помимо читательских откликов вводится в научный оборот письмо Пастернака к переводчику-любителю С. Вейнбергу (1959).

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, «Доктор Живаго», письма читателей, рецепция, Нобелевская премия, переписка.

Для цитирования: Королева А.М. Зарубежные письма читателей на русском языке Б.Л. Пастернаку после публикации романа «Доктор Живаго» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 100–110. DOI: 10.31857/S1605788024020082

Readers' Letters from Abroad, in Russian, addressed to B. L. Pasternak after the Publication of His Novel "Doctor Zhivago"

© 2024 Angelina M. Koroleva

Postgraduate (Philol.) of the National Research University
"Higher School of Economics"
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
alinak28@yandex.ru

Abstract. The article examines the foreign readers' correspondence to B.L. Pasternak, written in Russian in 1958–1960. The work is based on the materials of the Russian State Archive of Literature and Art. The article lists editions of the novel "Doctor Zhivago" available to western readers in the Russian original (including pirated copies) and in foreign languages. These Russian-language letters are systematized according to the content and purpose of the letter, the sender's country of residence, the sender's nationality and cultural affiliation (be it a Russian emigrant or a foreigner who knows Russian). There are noted various opinions of readers about the poetics of the novel "Doctor Zhivago", their questions about the work, the discussion on the Jewish question and the perception of Pasternak's own personality among Russian emigration. The author examines Pasternak's attitude to readers' letters expressed by him in lyrical and epistolary forms.

In addition to readers' responses, Pasternak's letter to the amateur translator S. Weinberg (1959) is published for the first time.

Key words: B.L. Pasternak, "Doctor Zhivago", readers' letters, reception, Nobel Prize, correspondence.

For citation: Koroleva, A.M. *Zarubezhnye pisma chitatelej na rusском jazyke B.L. Pasternaku posle publikacii romana "Doktor Zhivago"* [Readers' Letters from Abroad, in Russian, Addressed to B.L. Pasternak after the Publication of His Novel "Doctor Zhivago"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 100–110. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020082

После публикации романа «Доктор Живаго» (ноябрь 1957 г.) Борису Пастернаку стало приходиться много писем читателей на разных языках, а последующее присуждение Нобелевской премии (октябрь 1958 г.) только увеличило число корреспонденции со всего света. Писатель бережно хранил письма и часто откликался на них. На сегодняшний день письма читателей к поэту отложились в архивах в России (РГАЛИ), США (Пастернаковская коллекция Архива Гуверовского института), Грузии (Государственный музей грузинской литературы им. Г.М. Леонидзе) и в семейных собраниях наследников.

Настоящее исследование основано на материалах РГАЛИ, где в фонде Пастернака (ф. 379, оп. 6) собрана входящая корреспонденция (письма, открытки, телеграммы, рисунки и т.д.) от более чем 250 адресатов. Данные материалы только один раз становились предметом исследования. М.А. Рашковская обозначила проблематику изучения и публикации читательской корреспонденции, провела масштабную работу по подсчету и систематизации писем читателей, а также ввела в научный оборот несколько писем читателей о «Докторе Живаго» на разных языках [1].

Данная работа опирается на результаты Рашковской, но предметом исследования выбраны только письма читателей на русском языке (26 писем от 23 корреспондентов). Актуальность исследования состоит в том, что в нем рассматриваются все собранные в РГАЛИ письма зарубежных русскоязычных читателей автору «Доктора Живаго».

Читательская корреспонденция Пастернаку на русском языке охватывает период с июня 1958 г. по май 1960 г. Этот период жизни писателя, насыщенный драматическими событиями, детально раскрывается в книгах Л.С. Флейшмана [2], П. Манкозу [3], статьях К.М. Поливанова [4], В.М. Борисова [5], многих публикациях Е.Б. и Е.В. Пастернаков, антологии «Б.Л. Пастернак: pro et contra» [6] и документальных сборниках [7]; [8]; [9].

История изданий произведений Пастернака за рубежом в 1957–1960 гг.

Роман «Доктор Живаго» вышел в ноябре 1957 г. в Милане на итальянском языке в издательстве Дж. Фельтринелли. Первые переводы на английский и французский языки появились в феврале–марте 1958 г. Немецкий перевод увидел свет осенью этого же года. Некоторые русские эмигранты в письмах к Пастернаку указывали, что читали «Доктора Живаго» в переводе (на итальянском, французском и др. языках). Роман на русском языке в пиратском издании был отпечатан по заданию ЦРУ [10] в издательстве «Мутон» (Гаага, Нидерланды) в августе 1958 г. [2, с. 118–120, 127–130]. Оформление обложки повторяло итальянское издание. Флейшман указывает на то, что не распоряжение ЦРУ дало толчок к развертыванию работы всех лиц, причастных к подпольному изданию, а, наоборот, «инициатива представителей эмигрантской интеллигенции способствовала предоставлению на всех этапах необходимой финансовой и организационной поддержки» [2, с. 223]. Пиратский тираж в 1000 экземпляров был разделен на три части: 200 копий были отправлены в штаб-квартиру ЦРУ в Вашингтоне. В сумме 435 книг были переданы сотрудникам и осведомителям ЦРУ во Франкфурте, Берлине, Мюнхене, Лондоне и Париже. 365 экземпляров были доставлены в Брюссель, где с 17 апреля по 19 октября проходила Всемирная выставка [10]. «Доктор Живаго» на языке оригинала был предназначен для подпольной раздачи советским гостям. Книги распространялись в сентябре через павильон Ватикана, который был расположен между павильонами СССР и США.

Три издания романа на русском языке с указанием копирайта Фельтринелли появились в 1959 г. (полные библиографические описания см. [2, с. 221]). В этом же году в США в издательстве Мичиганского университета вышел крупный тираж, полностью поступивший в продажу. Одновременно с американским изданием «Доктор Живаго» небольшим тиражом был напечатан Фельтринелли в Италии. Качество всех изданий

романа на русском языке было крайне невысоким из-за множества опечаток в тексте (Ж. де Пруайяр присылала Пастернаку список из более чем 400 ошибок). Помимо лицензионных изданий на языке оригинала в 1958–1959 гг. бытовало два пиратских издания: первое – вышеуказанный гаагский тираж (1958 г.); второе – карманное издание в двух томах тиражом в 2000 экземпляров, напечатанное на тонкой папиросной бумаге для удобства транспортировки через границу в СССР, местом издания было проставлено несуществующее парижское издательство (1959 г.) (полные библиографические описания см. [2, с. 221–222]). Второе пиратское издание «Доктора Живаго» также спонсировалось ЦРУ [10]. Основным каналом распространения романа стал Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Вене (июль–август 1959 г.), где студенты из СССР могли бесплатно получить не только «Доктора Живаго», но и другие произведения, запрещенные в СССР.

«Доктор Живаго» на языке оригинала читался не только за пределами страны Советов, но и контрабандой завозился на родину автора. Запрещенная в СССР литература, печатавшаяся в Европе и США, подпольно передавалась через делегации из Советского Союза, спортивные команды, театральные ансамбли, командированных специалистов и т.д. По предположению В. Розенберга (Rosenberg), возобновление в 1958 г. строгого таможенного досмотра багажа при въезде в СССР, подобно существовавшему при Сталине, было вызвано появлением романа Пастернака на Западе [11, р. 129].

После знакомства зарубежных читателей с «Доктором Живаго» следующей переведенной на Западе книгой стал автобиографический очерк «Люди и положения». Летом 1958 г. он вышел во Франции, а осенью – в Англии, Германии и США. Иностранные издатели не раз обращались к писателю с настойчивыми просьбами дать разрешение на перевод и публикацию его прошлых произведений. На все подобные запросы Пастернак отвечал отказом, считая, что «Доктор Живаго» несоизмеримо выше его прошлого творчества. Стоит отметить, что лишь малая часть произведений Пастернака 1910–1930 гг., благодаря ранее переведенным книгам, была знакома только узкому кругу ценителей его творчества, но для массового читателя имя писателя ассоциировалась прежде всего с «Доктором Живаго». На волне возросшего интереса к поэту в разных странах начали переиздаваться все доступные на Западе произведения Пастернака, также в США вышло трехтомное собрание сочинений [12].

Аналитический обзор писем читателей на русском языке

Подсчет читательской корреспонденции на разных языках *по количеству адресантов*:

на немецком языке – 78 адресантов,

на французском – 73,

на итальянском – 38,

на английском – 32,

на русском – 23¹,

на испанском – 5,

на шведском – 2,

на греческом, голландском, венгерском, чешском языках и на иврите – по 1 адресанту.

В подавляющем большинстве случаев на одного читателя приходится одно письмо, но в некоторых случаях мы располагаем 2–3 письмами от адресанта, по которым возможно реконструировать эпистолярный диалог читателя и писателя.

Все письма читателей на русском языке пришли из-за рубежа. География отправителей крайне широка: Северная Америка (США, Канада), Южная Америка (Венесуэла), Азия (Израиль), Европа (Западная и Восточная Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Италия, Греция). Во Франции проживало 7 адресантов; в Израиле – 4; в США, Италии, ФРГ, ГДР – по 2 адресанта в каждой стране; в остальных странах – по одному отправителю.

Пастернаку писали люди разных возрастов (от 20 лет до 81 года) и профессий, некоторые из них давно были знакомы с творчеством писателя, а другим нобелевский лауреат был интересен как главный герой новостей. Чаще всего к автору «Доктора Живаго» обращались *русские эмигранты* (в личных и коллективных посланиях). По роду занятий и профессиональной принадлежности известны письма от эмигрантов, любительски занимающихся переводами или сочиняющими стихи; врача; бухгалтера; рабочего на заводе; собирателя автографов. Из неопубликованных писем личностей, вошедших в историю культуры российской эмиграции, в фонде Пастернака в РГАЛИ отложились письма художника В.А. Чекуновой (1897 – не ранее 1961) с просьбой о материальной помощи (биографическую справку см.: [14]) и поэта О.Н. Можайской (по мужу

¹ Четыре письма читателей на русском языке опубликованы М.А. и Е.Б. Рашковскими [1, с. 341–343, 350, 360–362]; [13, с. 546–548].

Емельяновой; 1896–1973) (лирику и биографическую справку см.: [15]).

К другой группе адресатов относятся *иностранцы, знающие русский язык*. Некоторые из них преследовали образовательный (студент-славист) или профессиональный интерес (литературовед, журналист-редактор) – в письмах обозначенных адресантов содержатся вопросы к писателю. Иногда русскоговорящие иностранцы писали на нескольких языках. На русском и французском языках к Пастернаку обращался польский художник, писатель и публицист Ю. Чапский (1896–1993) [13, с. 540–548]. На трех языках (русском, английском и французском) написано письмо французки М. Кольра (см. далее).

Все письма были адресованы в Переделкино, называвшийся в адресах по-разному: дача, село, поселок писателей. Корреспондент из Израиля М. Гроссман в адресе назвал Переделкино «Новой Ясной Поляной» [1, с. 360]. Из всей корреспонденции только письмо Чапского было доставлено не по почте, а с оказией [13, с. 545].

В отдельных случаях Пастернак делал *пометы на конвертах*:

о содержании письма («вопросы о Живаго русское письмо» [1, с. 350], «просьба об автографе» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 4]);

об адресате («русский эмигрант французский рабочий» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 50], «Италия / Иррина Гарулли / всякие пожертвования» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 563. Л. 17]);

высказывал свою реакцию на письмо («дурак / филологический запрос об этимологии Живаго» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 561. Л. 31]);

отмечал, что ответ отправлен адресату («Отвечено 17, V, 59» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 531. Л. 5]).

Рассмотрение писем читателей к Пастернаку целесообразнее проводить, сгруппировав их по содержанию:

письма о романе «Доктор Живаго»;

обращения к Пастернаку-поэту и переводчику с целью получить профессиональную оценку собственного творчества;

просьбы к писателю (материальная помощь², коллекционерский интерес к автографу нобелевского лауреата);

² На русском языке известно только одно письмо с мольбой о денежной помощи от пожилой русской художницы Чекуновой, оказавшейся в одиночестве в крайне бедственном положении. Пастернак, получавший десятки писем на разных

письма о восприятии личности Пастернака в среде русской эмиграции;

поздравительная корреспонденция (письма и открытки).

У Пастернака уходило несколько часов в день, чтобы *ответить* на самую значимую корреспонденцию, но не на все читательские письма он откликался. Некоторые читатели были настойчивы и отправляли письма по нескольку раз, намекая на ожидание ответа³. По содержанию других писем видно, что Пастернак вступал в переписку с их авторами⁴, но ответные письма поэта неизвестны.

Нас, естественно, занимает часть писем, которая содержит оценку романа, часто эмоциональную; вопросы, возникающие у читателей; а также по большей части полемические замечания, касающиеся обращения Пастернака к темам христианства и национального вопроса. Это неудивительно, еще только начиная работу над романом, Пастернак писал, например, своей двоюродной сестре О.М. Фрейденберг 13 октября 1946 г., что в книге сводит счеты с еврейством, «со всеми видами национализма», со «всеми формами антихристианства» (см.: [17, с. 194 и следующие]). Для

языках с просьбами о материальной поддержке, обсуждал со своей поверенной в делах, французской слависткой Ж. де Пруайяр, планы о широкой благотворительности, которые могли быть реализованы только после прекращения его травмы и получения задержанных гонимых за опубликованные работы в СССР и денег за всемирные издания романа. Он собирался в будущем ответить на подобные письма [16, т. X, с. 423, 465]. Для этого Пастернак вел список читателей, нуждающихся в помощи (1958–1959 гг.):

Сообщения о нуждающихся в помощи

Италия

1) Русская художница в Венеции [В.А. Чекунова. – А.К.]

2) Старый официант

Германия

1) Рабочие в Бременской верфи

2) Инвалид войны, пишущий стихи (северная Германия)

Австрия

1) Инвалид [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 226. Л. 1].

По воспоминаниям де Пруайяр, поэт мечтал передать деньги на восстановление разрушенных церквей и облегчение участи репрессированных. Из всех просьб он выделил письмо воспитательницы из Бельгии Клары Е., у которой на попечении находились несколько бедных русских детей, беженцев и просил свою поверенную оказать помощь [16, т. X, с. 465].

³ Так, письмо Л.Л. Вайнбаум завершается строчкой: «Мне жалько, что Вы не написали мне» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 63].

⁴ В архиве хранится два письма от Ш. Левенталя, и первое письмо является ответом на неизвестное письмо Пастернака. «Большое Вам спасибо за Ваше любезное письмо, – благодарит Левенталь, – оно доставило мне большое удовольствие» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 51].

многих принципиальных противников ассимиляции соответствующие страницы романа представлялись неприемлемыми (подробнее об этом см.: [18]).

Письма с оценкой романа Пастернак иногда помечал записью на конверте: «Письма с разбором романа» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 219. Л. 1]. Писателю сообщали о впечатлении, которое произвела его книга:

Спасибо за написание такой книги, в которой мы чувствуем сильнее всего любовь и уважение к жизни.

Ваша книга — так чиста, так строга и мучительна... <...> Во мне тоже была революция в течение чтения вашей книги, потому что она нам даёт чувство жизни <...> мы чувствуем ритм человеческой и растительной жизни⁵ и развитие жизни.

Эта книга — близка жизни, как книга Рилке⁶ «Lettres à un jeune poète»⁶.

После чтения вашей книги мы желаем быть лучше, делать лучше и больше уважать жизнь [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 22–23. Ответ Пастернака неизвестен. Все выдержки из писем приводятся в авторской орфографии и пунктуации]. (20-летняя иностранка, изучающая русский язык, **Марлин Кольра** (Marine Colrat); Париж (Франция); 28 октября 1958 г.);

*Для таких как я — Живаго великое художественное произведение, глубоко потрясающее и лечебное и действует, как 5-я и 9-я симфонии Бетховена⁷. Всё, что происходит в этом произведении — высшая правда, первобытная правда, выше всех фактов, стилей и принятых конструкций повести. Здесь говорит наичистейшая инспирация Человека. Как часть вселенной силы, физической, метафизико-психической силы [1, с. 360–361. Ответ Пастернака неизвестен] (писатель, журналист, переводчик «Доктора Живаго» на идиш **Моше Гроссман**; Тель-Авив (Израиль); 23 октября 1959 г.);*

Я прочел Вашу книгу “Docteur Jivago”⁸. Восхищен и благодарен. Ваша книга вызвала во мне в первый

⁵ О поэтике растительного царства в «Докторе Живаго» см.: [19]; [20].

⁶ Название на немецком языке книги «Письма к молодому поэту» Р.М. Рильке, вышедшей в 1928 г. на немецком языке. Райнер Мария Рильке (1875–1926) — австрийский поэт, о значении творчества и фигуры Рильке для Пастернака см. [21]. См. также [22].

⁷ Симфония No. 5, до минор, Op. 67 (1808) и симфония No. 9, ре минор, Op. 125 (1824) немецкого композитора Людвиг ван Бетховена (1770–1827).

⁸ Название романа «Доктор Живаго» на французском языке.

раз, ностальгию по родине⁹, и сделала на меня большее впечатление как годы передач советского радио за возвращение на родину¹⁰.

Из прессы я знаю, что Вас критикуют даже рабочие на Волге¹¹. Будет несколько лет я читал “Gone with the wind”¹² и думаю если бы эта книга была написана во время Линкольна¹³ на авторку тоже бы обрушилась вся Америка [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 49–50] (русский эмигрант, рабочий на заводе **Григорий Лапоног** (Gregor Laponog); Монтиньи-ле-Мец (Франция); 3 января 1959 г.). Помета на конверте рукой Пастернака: «Русский эмигрант французский рабочий» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 50].

Многих читателей интересовали конкретные подробности романа, так автора спрашивали о фамилии Живаго. Немецкий студент-славист сообщал, что мнения славистов по этому вопросу разделились. Некоторые исследователи считают, что фамилия заглавного героя «только форма родительного падежа, единственного числа, мужского или среднего рода, прилагательного имени ‘живой’ по прежней орфографии». Другие ученые предполагают, что фамилии с окончанием на «-аго» появились в окрестностях Москвы (подробнее об этом см.: [26]). Третья группа славистов связывает фамилию с корнем «жи» в слове «жить»; из их точки зрения следует, что название романа следует переводить на немецкий как «Доктор Полнокровный» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 561. Л. 30. Ответ Пастернака неизвестен].

⁹ Ср. со строками из стихотворения «Нобелевская премия»: «Я весь мир заставил плакать / Над красой земли моей» [16, т. II, с. 194–195].

¹⁰ Об истории радиопропаганды возвращения «невозвращенцев» в годы «хрущевской оттепели» см.: [23].

¹¹ Во время травли Пастернака на родине в газетах публиковались осуждающие письма советских граждан. К примеру, на полосе «Литературной газеты» от 1 ноября 1958 г. под заголовком «Гнев и возмущение. Советские люди осуждают действия Б. Пастернака» в разделе «Из редакционной почты» опубликовано множество подобных откликов [24, с. 3]. И.Н. Сухих указывает, что их «почти пародийная псевдонимная стилистика и разнообразное социальное представительство подписантов» (рабочий, председатель колхоза, продавец книжного магазина, врач, пенсионер, преподаватель, ученый, профессор, старший машинист экскаватора) выдают руку журналистов» [25, с. 85].

¹² Название романа «Унесенные ветром» (1939) М. Митчелл на английском языке (язык оригинала).

¹³ Линкольн Авраам (1809–1865) — 16-й президент США. На время его правления пришлось Гражданская война / (1861–1865 гг.), которая закончилась подавлением самопровозглашенной независимости южных штатов и уничтожением института рабства. Действие романа Митчелл «Унесенные ветром» разворачивается в 1860-х годах в южных штатах США.

(**Винсент Зивекинг** (Vincent J. Sieveking); Гамбург (ФРГ); 12 января 1959 г.). Помета на конверте рукой Пастернака: «Дурак / филологический запрос об этимологии Живаго» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 561. Л. 31].

Читателей интересовали литературные пристрастия автора. Шведский славист работала над литературоведческим докладом, где собиралась проследить, какие писатели оказали влияние на творческое становление автора «Доктора Живаго» [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 531. Л. 1–2]. (**Грета Хельм** (Greta Hjelm); Стокгольм (Швеция); 11 октября 1959 г.)

Пастернака спрашивали о значении для него самого и для романа природного мира:

Из «Доктора Живаго», как из Вашей поэзии, очевидно, что природа очень важна для Вас, что она основа Ваших понятий о человеке. А при том ведь Вы укоряете марксистов за то, что для них человек просто в природе, а не в истории¹⁴. Должно ли заключить, что для Вас природа важна по той причине, что она начало человека, что она база, из которой человек построит историю? [1, с. 350] (**Ги Созье** (Guy Sauzier); Вальс-пре-Ле-Пюи (Франция); 2 мая 1959 г.)

Также Созье интересовался христианским мироощущением писателя: «Для Вас христианство — высочайший идеал. А по-вашему ведь оно более чем «верность к бессмертию»¹⁵ и духовное мироощущение? Ведь оно должно включить и подчинение правилам определенной морали?» [1, с. 350]. Здесь стоит привести наблюдение Ф.А. Степуна над стихами доктора Живаго, которые «свидетельствуют о сверхфилософской и сверхэстетической связи Пастернака с христианством» [6, с. 349].

Читатель из Греции старался узнать об отношении Пастернака к древнегреческой литературе и скульптуре. Русско-греческим культурным связям посвящено письмо журналиста, редактора, организатора празднования «будущей литературной годовщины» 1960 г. (семидесятилетия Пастернака), **Эвагелоса Сакатоса**; Афины (Греция); 11 ноября 1959 г. [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 499. Л. 1. Ответ Пастернака неизвестен].

Читателей, как уже было сказано, задели высказывания персонажей по еврейскому вопросу. И они спрашивали, согласен ли Пастернак с тем, «что евреи должны смешаться с другими народами

для того, чтобы раз навсегда избавиться от преследований»¹⁶, поясняя: считает ли писатель ассимиляцию единственным выходом «для евреев также и теперь, когда евреи обосновались в своем независимом государстве, Израиле — и этим показали миру, что они такой же народ, как все другие народы?» [курсив автора. — А.К.] [1, с. 341–342. Ответ Пастернака неизвестен] (поэт, переводчик на идиш **Леонид Александрович Гребнев-Файнберг** (Leon Feinberg); Нью-Йорк (США); 2 февраля 1959 г.). На конверте рукой Пастернака помета: «С переводами на еврейский (идиш), вопросы о взглядах Гордона» [1, с. 319].

*«Как это наш народ, всегда чуткий исключительно, склонный к чудесному, отвергнул от себя это чудо, этот единственный образ всех времен одарённого божественной мудростью чудо-человека? <...> Как это могло случиться?», — задает риторический вопрос **М. Шилони (Слевич)**; Нес-Циона (Израиль); 5 июля 1959 г. [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 543. Л. 1–2. Ответ Пастернака неизвестен].*

Крайне резкая реакция на тему ассимиляции евреев выражена в следующем замечании читателя:

Но что Вы знаете о нашем народе, кроме того, что пьяный украинец, который несмотря на коммунизм в этом отношении с времен Хмельницкого¹⁷ (когда по юмористическому! описанию Гоголя, Мошка летел тормашками вверх утопать в реку) ни на шаг вперед не подвинулся, шлепает старого седобородого еврея по заду?¹⁸ И я рад напомнить Вам, что имеется в мире теперь такое место, где таких стариков шлепать по заду никак не возможно, потому что наидлиннейшие руки коротки. И что Вы знаете о том, как мы это место отстаивали и от малярии, и от англичан, и от полдюжины арабских армий чуть ли не голыми руками...

Насчет же принятия ассимиляции... К кому прикажете нам ассимилироваться? К тому же пьяному украинцу или к гитлеровским немцам, или румынам или, “white supremacist”¹⁹ — американцам? [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 409. Л. 29–30] русский

¹⁶ Размышления Миши Гордона и Лары о проблеме ассимиляции евреев в романе см.: [16, т. IV, с. 124, 299–300]. К еврейской теме в романе обращается К.М. Поливанов, отмечая, что герои-евреи «в романе занимают неожиданно малое место (явно не пропорциональное их присутствию в русской культуре и политике первой половины XX в.) — в отличие от «еврейского вопроса», который важен для Пастернака в плане метафизическом» [17, с. 21].

¹⁷ Богдан Хмельницкий (сер. 1590-х годов — 1657) — глава запорожского и малороссийского казачества.

¹⁸ Отсылка к эпизоду из «Доктора Живаго» [16, т. IV, с. 120].

¹⁹ Странники превосходства белой расы (с англ.).

¹⁴ О философии истории в размышлениях Николая Веденяпина в «Докторе Живаго» см.: [16, т. IV, с. 13].

¹⁵ Цитата из романа: «Надо сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу!» [16, т. IV, с. 12].

эмигрант, психиатр, переводчик-любитель **Семен Вейнберг**; Тель-Авив (Израиль); 22 сентября 1959 г.)

Пастернак откликнулся на раздраженное письмо Вейнберга. Но не на его возражения по национальному вопросу, а на присланные им переводы на немецкий язык стихотворений И.А. Бунина, А.А. Блока и Б.Л. Пастернака:

1 октября 1959

Уважаемый г-н Вейнберг, напрасно Вы посылаете мне стихотворения в таком количестве. Я очень занят и не знаю, найду ли когда-нибудь время для их прочтения. Кроме того я не люблю (за редкими исключениями) стихов и ничего не понимаю в поэзии. Вы слишком превратно и в чересчур безмятежных тонах представляете мою судьбу, время, которым я располагаю и степень моего недосуга [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 248. Л. 1. Машинописная копия].

Читатели пересылали Пастернаку вырезки из газет о том, как в политике воспринимается его обращение к еврейскому вопросу в романе. Так, в одном письме содержится перевод с идиша высказывания Д. Бен-Гуриона²⁰:

«Доктор Живаго» одна из самых подлых книг о евреях и написанная одним евреем, еврейского происхождения, говорит Бен-Гурион.

Тель-Авив, 6 февраля «Jta»²¹. Министр Бен-Гурион вчера здесь обозначил книгу Бориса Пастернака как одну из самых подлых книг о евреях которая когда-либо написана и еще одним еврейского происхождения.

В речи на митинге относительно заема о финансировании иммиграции в Израиле евреев из Западной Европы²², Бен-Гурион сказал, что в этой книге осмеливается один, который был евреем и крестился²³, спросить, почему евреи не ассимилируются и становятся носителями факела христианства [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 559. Л. 55–56. Ответ Пастернака неизвестен] (русский эмигрант

²⁰ Бен-Гурион Давид (1886–1973) – первый премьер-министр Израиля, находился у власти в 1948–1953; 1955–1963 гг.

²¹ JTA (Jewish Telegraphic Agency – с англ.: Еврейское телеграфное агентство) – Международное информационное агентство, основанное в 1917 г. и существующее по сей день. Штаб-квартира расположена в Нью-Йорке.

²² В тот период Израиль призывал к организации широкой международной кампании на снятие преград для эмиграции евреев.

²³ Вопрос о том, был ли поэт крещен, в пастернаковедении не имеет однозначного ответа (об этом см.: [27, с. 25–32]).

первой волны, инженер **Ш. Левенталь**; Западный Берлин (ФРГ); 3 апреля 1959 г.

Заслуживает внимания письмо 81-летней русской эмигрантки, в котором она убеждает Пастернака, что ему необходимо требовать напечатания и распространения «Доктора Живаго» в СССР. Письмо, бесспорно, свидетельствует о весьма своеобразном представлении пожилой эмигрантки о жизни в Советской России:

Только что закончила чтение «Доктора Живаго» и чувствую потребность Вам сказать, что это великое произведение русской литературы. Читала и лихорадила от радости и возбуждения, это продолжалось 10 дней и 10 ночей и сегодня, к сожалению, окончилось. Но я надеюсь вновь пережить это счастливое состояние, когда книга выйдет здесь (или будет прислана из Москвы) на русском языке (читала пока на итальянском). Мне 81-ый год, и я пережила все это время во всей силе. Простите, что не обращаюсь к Вам по имени отчеству, я хорошо помню Вашего отца, друга Льва Толстого, а вот забыла его имя [Л.О. Пастернака. – А.К.]. Но так как мне столько лет, то я не могу удержаться от упрёков. Отчего Вы столько времени держали эту книгу под спудом? Вы хуже всякого толстовца. Отчего Вы не кричали, не топали ногами, не требовали, чтобы ее напечатали? Ведь, это в социологическом и в философском смысле откровение, не говоря уже о литературной силе этого произведения. Как жаль, что Ленина нет в живых, он бы оценил эту книгу! Да и мистика там никакой нет – конечно, больше чутья и тонкости, чем у грубого обывателя, но не <гипертрофия?> мистики. Я сама, превосходно знающая это поколение удивляюсь религиозности Юрия Андреевича, но верю Вам на слово и кончено!

Вы виноваты, и чтобы искупить свою вину перед человечеством Вы теперь должны быть энергичны, настаивать на напечатании и распространении «Доктора Живаго», а затем Вы должны продолжать писать. Может быть, Вы нам сумеете объяснить настоящее и предвидеть будущее (хотя бы ближайшее)? [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 402. Л. 1. Ответ Пастернака неизвестен]. Эсфирь Ароновна Берштейн; Париж (Франция) 12 ноября 1958 г.)

В письме русских эмигрантов из Южной Америки повествуется о *восприятии личности Пастернака в среде русской эмиграции*:

Когда в Каракасе, между русских людей, разнеслась весть, что мною лично получено письмо от Б.Л. Пастернака, в мой дом началось целое папаничество Ваших поклонников, ценителей Вашего таланта... тех людей русских, желающих,

посмотреть Ваше письмо, прочитать его и даже снять с него копию, что конечно мною было разрешено!

Фурор — был — колоссальный, меня посетили даже русские, приехавшие специально прочитать Ваше письмо из далёких джунглей Венесуэлы [РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 488. Л. 1—4. Ответ Пастернака неизвестен]. (Николай и Анастасия Протопоповы (Nikolai Protoporow); Каракас (Венесуэла); 15 января 1960 г.)

Отношение Пастернака к письмам читателей

Первые письма читателей о романе, который только создавался, стали приходить Пастернаку в 1947 г. Автор часто устраивал домашние чтения законченных частей в семейном и дружеском кругу и, по мере работы над белой рукописью и оформления машинописей, рассылал главы романа друзьям и знакомым. Мнения первых читателей и слушателей были порой диаметрально противоположны. Автору приходили отзывы о «Докторе Живаго» от О.М. Фрейденберг, А.С. Эфрон, Л.Я. Чуковской, М.В. Юдиной, К.Г. Локса, С.Н. Дурылина, Э.Г. Герштейн, Н. Муравиной и др.

Диалог писателя с зарубежными читателями завязался с лета 1956 г. Пастернак писал С.Н. Мотовиловой в феврале 1957 г.:

В конце лета и в первые осенние месяцы, в период такой короткой перемены, на меня нахлынул поток писем со всех концов света. Вот уже три или четыре месяца как, видимо, приняты меры, чтобы это начисто прекратилось. Письма ко мне не доходят, мои пропадают [16, т. X, с. 211].

Лишь малая часть поклонников творчества писателя, проживавших на Западе, знали о готовящемся к публикации романе и об отношении советских властей к передаче рукописи за границу. Так, осенью 1957 г. (до публикации романа) стихи из «Доктора Живаго» в списках проникли в эмигрантскую среду [2, с. 38]. Зарубежные читатели стремились всеми силами поддержать Пастернака, и поэт ценил читательскую преданность: «Меня слишком полюбили где-то в далёком мире, и роман проник туда и стал известен» [16, т. X, с. 270] (из письма к А.И. Цветаевой, написанном за месяц до публикации романа).

После выхода в свет «Доктора Живаго» в жизни его автора начался новый этап, ознаменовавшийся не только противостоянием с властями на родине, но и непрерывной перепиской с читателями из разных стран. Искренние письма неравнодушных людей для поэта стали душевными нитями,

«которые... вдруг неожиданно протянулись с разных концов света» [16, т. X, с. 310].

Летом 1958 г. дачу Пастернака посетили зарубежные журналисты (в т.ч. сотрудники газеты «France soir»). Из их публикаций адрес «Переделкино под Москвой. Борису Пастернаку» стал известен всему миру [28, с. 699]. Почтой доставлялись не только письма, но и подарки, книги, вырезки из газет и журналов. Свое отношение к переписке с зарубежными читателями Пастернак развернуто высказал в письме к З.Ф. Руофф:

Мне много пишут оттуда новые, мне интересные, неизвестные, очень любящие Россию, восторженно, сами представляющие для меня ценность своей оригинальностью и мыслью, я отвечаю им иногда на трех языках [английском, французском и немецком. — А.К.]. Они знают обо мне безмерно больше, чем Вы или кто-нибудь в Переделкинском доме творчества, от меня через дорогу. При том обстоятельстве, что всё это противно установлениям и что часть сведений и писем пропадает с обеих сторон по дороге, надо удивляться чудесному вихрю, вырывающему какую-то долю фактов, вестей, радостей и удач из общего потока, и остающемуся их количеству [16, т. X, с. 319].

После присуждения Нобелевской премии и вынужденного отказа от нее количество получаемых писем достигло максимума. В среднем, по наблюдениям писателя, в день приходило около 15—40 писем [16, т. X, с. 407, 421;] [1, с. 311], а однажды сельская почтальонша за один раз принесла целую сумку с 54 конвертами [16, т. X, с. 407]. Следует отметить, что исследователи, вероятно, никогда не смогут полностью восстановить диалог писателя с его читателями, потому что многие письма с обеих сторон подвергались перлюстрации и зачастую пропадали. В марте 1959 г. после вызова к Генеральному прокурору Р.А. Руденко Пастернак был отпущен под обязательство не передавать свои произведения за границу, не встречаться с иностранцами и прекратить переписку с заграницей [7, с. 195]. Писатель «выдержал» запрет на общение с иностранными читателями в течение двух недель, не в силах отказать от радости переписки и «откликов, целого мира горячей преданности и увлеченности» [16, т. X, с. 451].

Переписка с читателями вдохновила поэта на создание стихотворения «Божий мир» (1959). В единственной на все стихотворение безглагольной строфе:

Горы, страны, границы, озера,
Перешейки и материки,

Обсуждены отчеты, обзоры,
Дети, юноши и старики [16, т. II, с. 195]

передается картина неостановимого потока писем со всего света. В стихотворении «Нобелевская премия» Пастернак в ответ на травлю вопрошает:

Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красивой землей [16, т. II, с. 194–195].

Целесообразно сравнить читательские реакции на книгу с отзывами русских эмигрантов Б.К. Зайцева (письма Пастернаку от 9 сентября 1959 г., 7 января 1960 г. [29, с. 176, 178]; статья «Изгнание» [30]), Ф.А. Степуна²⁴ (статья «Б.Л. Пастернак» [32]) и В.С. Франка (статья «Реализм четырех измерений (Перечитывая Пастернака)» [33]). По точной мысли Франка, «может быть, ошибка Пастернака состоит в том, что он переоценил своего читателя, что он не учел того расстояния, на которое он сам ушел вперед» [6, с. 557]. Зайцев сообщал автору «Доктора Живаго» о том, что он делит круг парижских знакомых на «своих» и «чужих» по отношению к роману: «Тут многие за Вас, но есть и против Вас. Для меня Ваш Доктор — лакмусовая бумажка: за Вас близкие мне по духу, друзья, против чужие [курсив автора. — А.К.]» [29, с. 176].

В итоге, половину читательских откликов о романе «Доктор Живаго» составляют вопросы к автору. В другой половине текстов преобладают размышления над еврейским вопросом или резкая критика высказываний Миши Гордона и Лары о судьбах еврейского народа. Лишь совсем малую долю писем составляет именно читательская критика романа. Она выдает эмоционально нагруженное восприятие читателей, в котором «вызревшая» рецепция часто подменяется эмоциональной реакцией на текст романа. При сравнении писем читателей с откликами Степуна, Франка и Зайцева у читателей наблюдается фрагментарное восприятие книги: наиболее глубоко поэтика романа осмыслена людьми, связанными с культурой, что обусловлено более богатым читательским опытом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рашковская М.А.* «По кошачьим следам и по лисьим...». Письма читателей о романе «Доктор

²⁴ Известны три ответных письма Пастернака Степуна [16, т. X, с. 328–329, 334, 600]. Письма Степуна к Пастернаку не опубликованы (см.: [31]).

Живаго» // Новое о Пастернаках: Материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / под ред. Л.С. Флейшмана. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. С. 310–363.

2. *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013.
3. *Манкозу П.* Тайное путешествие «Живаго»: от машинописи до книги / перевод с английского П. Борохова; под общ. ред. Е.В. Пастернак, Л. Флейшмана. М.: Азбуковник, 2021.
4. *Поливанов К.М.* Из истории борьбы за публикацию «Доктора Живаго» в СССР // The Life of Boris Pasternak's «Doctor Zhivago» / ed. by L. Fleishman. Stanford, 2009. P. 128–141.
5. *Борисов В.М.* «Река, распахнутая настезь»: к творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. С. 409–429.
6. Б.Л. Пастернак: pro et contra, антология Т. 2. / сост., коммент. Ел.В. Пастернак, М.А. Рашковская, А.Ю. Сергеева-Клятис. СПб.: ИБИФ, 2013.
7. «А за мною шум погони...» Борис Пастернак и власть. 1956–1972 гг.: Документы / под. Ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
8. Дело Бориса Пастернака: сборник / сост. В. Петров: The Department of Slavic Languages and Literatures of Yale University, 1959.
9. Дело Пастернака. Мюнхен: Издательство Центрального объединения Политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1958.
10. *Попова А.* Как ЦРУ издавало «Доктора Живаго» [Электронный ресурс] // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/625> (дата обращения: 31.08.2023).
11. *Rosenberg V.* Soviet-American Relations, 1953–1960: Diplomacy and Cultural Exchange During the Eisenhower Presidency. Jefferson: McFarland Publishers, 2005.
12. *Пастернак Б.Л.* Сочинения: В 3 т. / под ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова; вступ. ст. Владимира Вейдле. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1961.
13. *Рашковский Е.Б.* Юзеф Чапский — польский корреспондент Пастернака // Новое о Пастернаках. Материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде. М.: Азбуковник, 2017. С. 546–548.
14. *Бертеле М.* Вера Чекунова // Русские в Италии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russinitalia.it/index.php> (дата обращения: 08.08.2023).
15. Возрождение. 1959. № 88.

16. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак; предисл. Л.С. Флейшмана. М.: СЛОВО/ SLOVO, 2003–2005.
17. Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман. Дис. доктора философии по русской литературе. Тарту: University of Tartu Press, 2015.
18. Кацис Л.Ф. «Доктор Живаго» встречается с евреями // Лехаим. 2011. № 6 (230). С. 82–86.
19. Скоропадская А.А. Образы леса и сада в поэтики романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006.
20. Витт С. О пространстве леса в поэтике Пастернака // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака / отв. ред. В.В. Абашев; Пермский гос. ун-т; Ин-т мировой культуры Моск. гос. ун-та; Науч. совет «История мировой культуры» РАН. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 175–187.
21. Павлова Н.С. Поэтика Рильке и Пастернака. Опыт сопоставления // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 77–110.
22. Рильке Р.М. Письма 1926 года / Рильке Р.М., Пастернак Б.Л., Цветаева М.И.; подгот. текстов, сост., предисл., пер., коммент. К.М. Азадовского и др. М.: Книга, 1990.
23. Даутова Р.В. Из истории радиопропаганды возвращения «невозвращенцев» в годы «хрущевской оттепели» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). История. Вып. 42. С. 45–52.
24. Литературная газета. 1 ноября 1958 г.
25. Сухих И.Н. «Доктор Живаго»: пятьдесят восьмой и другие годы // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 81–87.
26. Плавинская Л.С. Живаго. Русские фамилии на -аго // Русская речь. 2010. № 6. С. 89–90
27. Сергеева-Клятис А.Ю. Пастернак. М: Молодая гвардия, 2015.
28. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997.
29. Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Письма 1923–1971. Т. 11. М.: Русская книга, 2001.
30. Зайцев Б. Изгнание // Русская мысль. 1 ноября 1958 г. № 1285.
31. Степун Ф.А. Письма / сост., археографическая работа, вступ. ст. Кантор В.К. М: Росспэн, 2013.
32. Степун Ф.А. Б.Л. Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. № 56. С. 187–206.
33. Франк В.С. Реализм четырех измерений (Перечитывая Пастернака) // Мосты, 1959. № 2. С. 189–209.

REFERENCES

1. Rashkovskaya, M.A. “Po koshachim sledam i po lisim...”. *Pisma chitatelei o romane “Doktor Zhivago”* [“In the Footsteps of Cats and Foxes...”. Readers’ Letters About the Novel “Doctor Zhivago”]. *Novoe o Pasternakakh: Materialy Pasternakovskoi konferentsii 2015 goda v Stenforde* [New about Pasternaks: Materials of the Pasternak Conference 2015 at Stanford], ed. by L.S. Fleishman. Moscow: Izdatelskii tsentr “Azbukovnik” Publ., 2017, pp. 310–363. (In Russ.)
2. Fleishman, L.S. *Boris Pasternak i Nobelevskaia premia* [Boris Pasternak and the Nobel Prize]. Moscow: Izdatelskii tsentr “Azbukovnik” Publ., 2013. (In Russ.)
3. Makonzu, P. *Tainoe puteshestvie “Zhivago”: ot mashinopisi do knigi* [The Secret Journey of Zhivago: From Typescript to Book], ed. by E.V. Pasternak, L. Fleishman. Moscow: Azbukovnik Publ., 2021. (In Russ.)
4. Polivanov, K.M. *Iz istorii borby za publikatsiiu “Doktora Zhivago” v SSSR* [From the History of the Struggle for The Publication of “Doctor Zhivago” in the USSR]. *The Life of Boris Pasternak’s “Doctor Zhivago”*, ed. by L. Fleishman. Stanford, 2009, pp. 128–141. (In Russ.)
5. Borisov, V.M. “*Reka, raspakhnutaia nastezh*”: k tvorcheskoi istorii romana Borisa Pasternaka “Doktor Zhivago” [“The River, Wide Open”: To the Creative History of Boris Pasternak’s Novel “Doctor Zhivago”]. *Pasternak B.L. “Doktor Zhivago”* [Pasternak B.L. “Doktor Zhivago”]. Moscow: Knizhnaia palata Publ., 1989, pp. 409–429. (In Russ.)
6. *B.L. Pasternak: pro et contra, antologiiia* [B.L. Pasternak: Pro Et Contra, Encyclopedia], comp. E.I.V. Pasternak, M.A. Rashkovskaia, A.Iu. Sergeeva-Kliatis. St. Petersburg: IBIF Publ., 2013. (In Russ.)
7. “*A za mnoiu shum pogoni...*” *Boris Pasternak i vlast. 1956–1972 gg.: Dokumenty* [“And the Noise of The Chase After Me...” Boris Pasternak And the Authorities. 1956–1972: Documents], ed. by V.Iu. Afiani, N.G. Tomilinf. Moscow: “Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia” (ROSSPEN) Publ., 2001. (In Russ.)
8. *Delo Borisa Pasternaka: sbornik* [The Case of Boris Pasternak: Collection], comp. V. Petrov. The Department of Slavic Languages and Literatures of Yale University Publ., 1959. (In Russ.)
9. *Delo Pasternaka* [The Case of Pasternak]. Munich: Izdatelstvo Tsentralnogo obedineniia Politicheskikh emigrantov iz SSSR (TsOPE) Publ., 1958. (In Russ.)
10. Popova A. *Kak TsRU izdavalo “Doktora Zhivago” [Elektronnyi resurs]* [How CIA Published “Doctor Zhivago” [Electronic resource]]. *Arzamas* [Arzamaz]. URL: <https://arzamas.academy/materials/625> (accessed: 31.08.2023). (In Russ.)
11. Rosenberg, V. *Soviet-American Relations, 1953–1960: Diplomacy and Cultural Exchange During*

- the Eisenhower Presidency. Jefferson: McFarland Publishers Publ., 2005.
12. Pasternak, B.L. *Sochineniia: V 3 t.* [Works: In 3 Volumes], ed. by G.P. Struve, B.A. Filippov. Ann Arbor: The University of Michigan Press Publ., 1961. (In Russ.)
 13. Rashkovskiy, E.B. *Iuzef Chapskii – polskii korrespondent Pasternaka* [Uzef Chapsky – Polish Correspondent of Pasternak]. *Novoe o Pasternakakh: Materialy Pasternakovskoi konferentsii 2015 goda v Stenforde* [New about Pasternaks: Materials of the Pasternak Conference 2015 at Stanford], ed. by L.S. Fleishman. Moscow: Izdatelskii tsentr “Azbukovnik” Publ., 2017, pp. 546–548. (In Russ.)
 14. Bertele, M. *Vera Chekunova* [Vera Chekunova]. *Russkie v Italii [Elektronnyi resurs]* [Russian in Italy [Electronic resource]]. URL: <https://www.russinitalia.it/index.php> (accessed: 08.08.2023). (In Russ.)
 15. *Vozrozhdenie* [Renaissance], 1959, no. 88. (In Russ.)
 16. Pasternak, B.L. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete Works: in 11 Vols.], ed. by E.B. Pasternak, E.V. Pasternak. Moscow: SLOVO Publ., 2003–2005. (In Russ.)
 17. Polivanov, K.M. “Doktor Zhivago” kak istoricheskii roman [“Doctor Zhivago” as a Historical Novel]. PhD. Tartu: University of Tartu Press Publ., 2015. (In Russ.)
 18. Katsis, L.F. “Doktor Zhivago” vstrechaetsia s evreiami [“Doctor Zhivago” Meets with Jews]. *Lekhaim*. 2011, No. 6 (230), pp. 82–86. (In Russ.)
 19. Skoropadskaya, A.A. *Obrazy lesa i sada v poetiki romana B. Pasternaka “Doktor Zhivago”* [Images of the Forest and Garden in The Poetics of B. Pasternak’s Novel “Doctor Zhivago”]. PhD. Petrozavodsk, 2006. (In Russ.)
 20. Vitt, S. *O prostranstve lesa v poetike Pasternaka* [About the Space of the Forest in the Poetics of Pasternak]. “Liubov prostranstva...”: *Poetika mesta v tvorchestve Borisa Pasternaka* [“The Love of Space ...”: The Poetics of Place in The Works of Boris Pasternak], ed. by V.V. Abashev. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2008, pp. 175–187. (In Russ.)
 21. Pavlova, N.S. *Poetika Rilke i Pasternaka. Opyt сопоставleniia* [The Poetics of Rilke and Pasternak. Cooperation Experience]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2009, No. 5, pp. 77–110. (In Russ.)
 22. Rilke, R.M. *Pisma 1926 goda. Rilke R.M., Pasternak B.L., Tsvetaeva M.I.* [Letters of 1926. Rilke R.M., Pasternak B.L., Tsvetaeva M.I.], ed. by K.M. Azadovskiy et al. Moscow: Kniga Publ., 1990. (In Russ.)
 23. Dautova, R.V. *Iz istorii radiopropagandy vozvrashtsheniia “nevozvrashchentsev” v gody “khrushchevskoi ottepli”* [From the History of the Radio Propaganda of the Return of “Non-Returnees” in the Years of the “Khrushchev Thaw”]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2010, No. 30 (211). *Istoriia* [History]. Vol. 42, pp. 45–52. (In Russ.)
 24. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. November 1, 1958. (In Russ.)
 25. Sukhikh, I.N. “Doktor Zhivago”: *piatdesiat vosmoi i drugie gody* [“Doctor Zhivago”: Fifty-Eighth and Other Years]. *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word]. 2017, No. 1, pp. 81–87. (In Russ.)
 26. Plavinskaya, L.S. *Zhivago. Russkie familii na -ago* [Zhivago. Russian Surnames on -ago]. *Russkaia rech* [Russian Speech]. 2010, No. 6, pp. 89–90. (In Russ.)
 27. Sergeeva-Kliatis, A.Iu. *Pasternak* [Pasternak]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2015. (In Russ.)
 28. Pasternak, E.B. *Boris Pasternak. Biografiia* [Boris Pasternak. Biography]. Moscow: Tsitadel Publ., 1997. (In Russ.)
 29. Zaitsev, B.K. *Sobranie sochinenii. Pisma 1923–1971* [Collected Works. Letters 1923–1971]. Vol. 11. Moscow: Russkaia kniga Publ., 2001. (In Russ.)
 30. Zaitsev, B. *Izgnanie* [Exile]. *Russkaja mysl* [Russian Thought]. November 1, 1958, No. 1285. (In Russ.)
 31. Stepun, F.A. *Pisma* [Letters], ed. by V.K. Kantor. Moscow: Rosspen Publ., 2013. (In Russ.)
 32. Stepun, F.A. *B.L. Pasternak* [B.L. Pasternak]. *Novyi zhurnal* [New Journal]. New-York, 1959, No. 56, pp. 187–206. (In Russ.)
 33. Frank, V.S. *Realizm chetyreh izmerenij (Perechityvaja Pasternaka)* [Realism of Four Dimensions (Rereading Pasternak)]. *Mosty* [Bridges]. No. 2, pp. 189–209. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on October 27, 2023

Revised on December 14, 2023

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020091

Лермонтовские реминисценции в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг»

© 2024 г. Е. И. Ушакова

Аспирант филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
ek.ushakova@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг» в контексте романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, что обусловлено сходством ситуаций, обрисованных в «Бежином луге» и в «Фаталисте»: герои, носители западной культурной традиции, ждут от «простого человека» ответа на вопрос, есть предопределение или нет, — и не получают ответа. Анализ черновой редакции рассказа и хода работы Тургенева над текстом «Бежина луга» показывает, что изменения, вносимые автором, последовательно увеличивают сходство с «Фаталистом». В рассказе «Бежин луг» в паре «простой человек / носитель западной культурной традиции» происходит (в сравнении с «Фаталистом») перераспределение ролей: носителю западной культурной традиции остаются сомнения, а обладает решительностью и является носителем русского сознания Павлуша — крестьянский мальчик. Мировоззрение «простого человека» сочетает несочетаемое: и идею детерминированности, и абсолютную свободу, иллюстрируя амбивалентность русского сознания. Столкновение сомневающегося героя с носителем национального сознания не разрешает сомнений героя и, скорее, подтверждает безнадежность его поисков. Подчеркнутая (в соотношении с «Фаталистом») активность «простого человека» делает невозможным поиск героя времени среди «наследников Печорина» и открывает новый этап поисков национального героя. Соотнесение рассказчика из «Записок охотника» с Печориным позволяет по-новому взглянуть на проблему творческих связей Тургенева и Лермонтова, уточнить, каким был взгляд Тургенева на лермонтовского героя и проблемы, поднятые в романе «Герой нашего времени», в начале 1850-х годов.

Ключевые слова: литература XIX века, реминисценции, Тургенев, источники текста, цикл «Записки охотника», Лермонтов, фатализм, роман «Герой нашего времени», национальный характер.

Для цитирования: Ушакова Е.И. Лермонтовские реминисценции в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 111–116. DOI: 10.31857/S1605788024020091

Lermontov's Reminiscences in the Story of I. S. Turgenev "Bezhin Meadow"

© 2024 Ekaterina I. Ushakova

Postgraduate Student at the Faculty of Philology
of the Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
ek.ushakova@gmail.com

Abstract. The article examines the story of I.S. Turgenev "Bezhin Meadow" in the context of the novel "Hero of our Time" by M.Y. Lermontov, since the issues raised in "Bezhin Meadow" and in "Fatalist" have much in common: the heroes, bearers of the Western cultural tradition, are waiting for a "common man" to answer the question, whether there is such thing as predestination — the question they don't get answered. An analysis of the progress of Turgenev's work on the text of "Bezhin Meadow" and of its draft versions shows that Turgenev kept reworking his text by making it closer to the "Fatalist". In the story "Bezhin

Meadow” in the pair “a simple man / a bearer of Western cultural tradition”, a redistribution of roles occurs (in comparison with the “Fatalist”): the bearer of Western cultural tradition remains in doubt, but Pavlusha is a peasant boy who has determination and is a bearer of Russian consciousness. The worldview of the “common man” combines the incongruous: both the idea of determinism and absolute freedom, illustrating the ambivalence of the Russian consciousness. The collision of the doubting hero with the bearer of national consciousness does not resolve the doubts of the hero and, rather, confirms the hopelessness of his search. The emphasized (in relation to the “Fatalist”) activity of the “common man” makes it impossible to find a hero of the time among the “heirs of Pechorin” and opens a new stage in the search for a national hero. The correlation of the narrator from “A Sportsman’s sketches” with Pechorin allows us to take a fresh look at the problem of creative ties between Turgenev and Lermontov, to clarify the way Turgenev looked at Lermontov’s hero and at the problems raised in the novel “Hero of Our Time” in the early 1850s.

Key words: literature of the 19th century, reminiscences, Turgenev, text sources, cycle “A Sportsman’s sketches”, Lermontov, fatalism, novel “Hero of our time”, national character.

For citation: Ushakova, E.I. *Lermontovskiye reministsentsii v rasskaze I.S. Turgeneva “Bezhin lug”* [Lermontov’s Reminiscences in the Story of I.S. Turgenev “Bezhin Meadow”¹ “Doctor Zhivago”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 111–116. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020091

«Бежин луг» относится к четырем рассказам из «Записок охотника», созданным в 1850–1851 гг. после возвращения Тургенева из-за границы («Певцы», «Свидание», «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи»). Вне зависимости от того, считать ли причиной появления рассказов впечатления, полученные в России после возвращения [1, с. 161], или, наоборот, впечатления, полученные за границей [2, с. 57–58], очевидно, что «Бежин луг» и остальные три рассказа отличаются от других рассказов цикла не только временем создания. Выделяются следующие яркие особенности новых текстов. Во-первых, в рассказе «Бежин луг» «воспроизводится таинственная атмосфера “Неведомого”»; «интерес к тайнам в природе и душе человеческой со всей основательностью впервые был выражен в рассказе “Бежин луг”» [3, с. 22]. Во-вторых, раскрывается «внутреннее духовное богатство» [3, с. 18] крестьян. В-третьих, «пейзаж не является фоном, обстановкой действия, ему придана в известной степени самостоятельная и очень активная роль» [4, с. 73], [5, с. 19–20]. В-четвертых, выделяется не просто сочувственное, а внимательное, заинтересованное отношение автора к внутреннему миру **крестьянских детей** [4, с. 74–81]¹.

Вопрос о влиянии литературной традиции на рассказ «Бежин луг» непосредственно рассматривался в двух статьях ([11]; [12]). В них отмечены реминисценции из романтической поэзии, сходство при очевидном противопоставлении двух пейзажей — тургеневского и гоголевского («Вечера на хуторе близ Диканьки»), мотив странного / страшного и мотив звезд, роднящие «Бежин луг»

с самым широким кругом лирических произведений, созданных как до, так и после тургеневского рассказа. Вторая статья посвящена образу героя-рассказчика, противопоставленному образам крестьянских ребятишек и рассмотрению символического подтекста образа страшной бездны в контексте русской поэзии.

И поэтичность «Бежина луга», и особенность образа рассказчика (о его функции см.: [13]), являющиеся отличительными чертами произведения, могут быть истолкованы в контексте романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»². Чем

² О связи произведений Тургенева с творчеством Лермонтова было сказано уже в 1840-е годы. В.Г. Белинский в рецензии на поэму «Параша» (1843) отметил признаки подражания Лермонтову. А.А. Григорьев в статьях «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа “Дворянское гнездо”» (1859), «Реализм и идеализм в нашей литературе (По поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева)» (1861), «Лермонтов и его направление. Крайние грани развития отрицательного взгляда» (1862) указывал на влияние Лермонтова на произведения Тургенева — «Помещик», «Три портрета», «Бретер», «Затишье», «Гамлет Щигровского уезда», «Дневник лишнего человека», «Рудин». К.К. Истомина смотрит на ранние повести Тургенева как на «попытку углубить лермонтовский стиль», решить вопрос «об отношении толпы к печоринскому типу» и «применить к печоринскому типу другой метод натуральной школы, что, по тургеневской терминологии, должно означать субъективный метод» [14, с. 48]. Г.А. Бялый, П.Г. Пустовойт, Г.Б. Курляндская, во многом соглашаясь с предшественниками, отмечают влияние на Тургенева «романтизма протестующего — лермонтовского или байроновского толка» [5, с. 4], тот факт, что «поэмы Тургенева <...> при всем ученичестве их автора, остаются эстетической формой освоения действительности, а не результатом чисто литературного происхождения, кропотливой работы над усвоением чужих стилей» [15, с. 15], а также тот факт, что «в лирике и поэмах Лермонтова Тургенева привлекало глубокое философское осмысление природы, а также тот субъективный элемент, который является существенным

¹ Также о рассказе «Бежин луг» см.: [6, с. VII]; [7, с. 101–102]; [8, с. 94–96]; [9, с. 185–193]; [10, с. 155–156].

обусловлено сопоставление? Прежде всего, **сходством ситуаций**, обрисованных в «Бежином луге» и в «Фаталисте»: образованные герои, носители западной культурной традиции, ждут от «простого человека»³ ответа на вопрос, есть предопределение или нет, будучи бессильны разрешить его самостоятельно, — и не получают ответа. Печорин сам предлагает Максиму Максимычу разрешить вопрос о предопределении, и ответ на этот вопрос из двух фраз-объяснений, в корне противоречащих друг другу, является финалом романа: «эти азиатские курки часто осекаются» / «видно, уж так у него на роду было написано» [22, с. 313–314]. Рассказчик ни о чем не спрашивает мальчиков, но внимательно вслушивается в их разговоры о загадочном и получает также два взаимоисключающих объяснения непонятого явления — стона, раздающегося из бучила — от одного героя, Павлуши: «душа Акима-лесника жалобится» / «лягушки махонькие, которые так жалобно кричат» [23, с. 101]. Роман Лермонтова заканчивается подчеркнутой неразрешенностью вопроса о предопределении для главного героя, который, испробовав с опасностью для жизни все возможности узнать, существует предопределение или нет, предлагает вопрос «простому человеку», и Печорин неожиданно обнаруживает, что для Максима Максимыча вопроса как такового не существует: он долго не может понять, о чем его спрашивают, и не смущается противоречивостью своего ответа. Точно так же Павлуша не видит проблемы в том, что рациональное и мистическое объяснение одного и того же события сосуществуют в его

признаком романтического искусства» [16, с. 52]. О влиянии Лермонтова на формирование творческой манеры Тургенева-прозаика, в частности, о сходстве сюжета «Дневника лишнего человека», который «не столько событен, сколько психологичен, с сюжетом «Героя нашего времени» см. [17, с. 42]. Авторы статьи оспаривают сложившееся на момент написания статьи мнение о том, что психологическую манеру Тургенева следует возводить исключительно к Пушкину [17, с. 44]. Авторы основывают свое рассуждение на материале ранних повестей Тургенева 1840–50-х годов, но не затрагивают «Записки охотника». Также авторы разделяют взгляд на Печорина как на героя-деятеля, «хозяина положения» в любой ситуации [17, с. 52] и противопоставляют ему героя Тургенева. В статье Л.Н. Назаровой рассматривается влияние «Героя нашего времени» на ранние повести и первые романы Тургенева, освещается, как смотрели на это влияние современники писателя, проводится сопоставление Печорина и тургеневских героев [18]. В статье И.Е. Усок фиксируется проникновение отдельных мотивов лермонтовской лирики в лирику и прозу Тургенева, влияние прозы Лермонтова на формирование особого типа тургеневского героя [19]. О лермонтовской традиции в позднем творчестве Тургенева см. [20].

³ О внимании «человека культуры» к «метафизическим глубинам народной жизни» см. [21].

сознании. Тургенев завершает рассказ сообщением о смерти Павлуши, с одной стороны, следовавшей после призыва утопленника, с другой стороны, никак с водой не связанной, то есть так до конца не проясненной, оставляя рассказчика в таком же недоумении о наличии / отсутствии предопределения, как Лермонтов — Печорина.

Анализ истории создания рассказа «Бежин луг», черновая редакция которого сохранилась, позволяет заметить, что Тургенев в ходе работы 1) добавил отсутствовавшие первоначально пейзажные зарисовки, которые предшествуют встрече рассказчика с мальчиками: и описание июльского дня, постепенно переходящее в описание ночи, и переход от полной неизвестности к узнаванию и осознанию, где герой очутился, и изображение костра с лежащими вокруг мальчиками — все это отсутствует в черновой редакции; 2) увеличил количество бытовых подробностей и вставок, описывающих действия мальчиков и перемежающих страшные рассказы [4, с. 89]; 3) изменил финал, вставив сообщение о смерти Павлуши. Последовательность этих изменений позволяет говорить как о преемственности рассказа «Бежин луг» по отношению к повести «Фаталист», так и о прямом сходстве рассказа с повестью «Фаталист», для которой отмечаются как яркие особенности 1) описание звездного неба как мотив-доминанта [24, с. 200]; 2) сочетание бытового и бытийного пластов (философские размышления Печорина на фоне подчеркнуто реалистично изображенного быта казаков) [24, с. 242]; [25, с. 142] и, конечно, 3) отсутствие ответа на вопрос о существовании предопределения в финале.

Отдельно стоит отметить отсутствующий в черновой редакции эпизод, в котором описывается бесстрашие Павлуши, бросившегося навстречу неведомой опасности в темноту, и любование рассказчика его смелым поступком («Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой удалью и твердой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... “Что за славный мальчик!” — думал я, глядя на него» [23, с. 97]). Именно храбрость героя производит глубокое впечатление на рассказчика, выражающего восхищение смелостью юного человека, который не боится. Взрослый человек оказывается сопоставлен с остальными крестьянскими ребятишками, потому что носит в душе страх перед загадкой жизни. И хотя он набросил на свой страх много покрывал: самообладание, сомнение, научные познания, — но

тем менее боится, потому что ответов на загадки жизни у него не больше, чем у мальчиков. Поэтому так и восхищает его Павлуша, смело идущий навстречу пугающей загадке жизни. В «Герое нашего времени» размышления Печорина о сомнениях человека, не имеющего в душе ничего определенного, кроме страха смерти, предваряют его безумно смелый шаг — с риском для жизни он врывается в хату, где затворился вооруженный казак, чьи поступки, надо сказать, никакого объяснения не получают и равно непонятны и Печорину, и читателю: «Но душа “современного человека”, пережившего пору мечтательного романтизма и разьедаемого рефлексией, не может знать наверное, убеждена ли она в чем или нет» [26, с. 623]. Действия Печорина могут быть истолкованы как отчаянная попытка избавиться от неопределенности в вопросе о существовании предопределения⁴. В лермонтовском романе и сомнения испытывает, и смелый поступок совершает один герой. В «Бежине луге» сомнения — удел рассказчика, а действия — Павлуши. Герой Тургенева уже не способен на решительный шаг для разрешения своего вопроса, тем больше восхищает его смелость другого. В «Герое нашего времени» сомнения и решительность — достояние одного героя, Печорина, а носитель русского сознания, примиряющего противоположности, — Максим Максимыч. В рассказе «Бежин луг» при сходстве проблематики происходит перераспределение: рассказчику остаются лишь сомнения, а обладает решительностью и является носителем русского сознания уже другой герой, Павлуша.

В образе Павлуши, байронического мальчика, традиционно подчеркивается одна его сторона. Например, он однозначно причисляется к «рационалистам-деятелям» в противовес «романтикам-созерцателям» [3, с. 21]. Но мировоззрение Павлуши сочетает несочетаемое: и идею детерминированности, и абсолютную свободу, иллюстрируя амбивалентность русского сознания.

⁴ Следует отметить, что Б.М. Эйхенбаум [27, с. 282], В.В. Виноградов [26, с. 618], Е.Н. Михайлова [28, с. 340] и Б.Т. Удолов [25, с. 149] считали, что Печорин выбирает действие, отказавшись от «метафизических прений», что делает финал романа жизнеутверждающим. Эта позиция не выглядит однозначно убедительной, потому что истинно завершает роман диалог Печорина с Максимом Максимычем, в котором герой как раз очень настойчиво пытается добиться от своего собеседника четкого мнения насчет предопределения, что противоречит утверждению о том, что Печорин разрешил для себя этот вопрос. Также нельзя не вспомнить, каким предстает Печорин перед глазами странствующего офицера в главе «Максим Максимыч» — уж точно не героем, сделавшим раз и навсегда свой выбор, победившим судьбу и отбросившим сомнения [22, с. 243–244].

Тургенев вслед за Лермонтовым сталкивает сомневающегося героя с носителем национального сознания; столкновение не разрешает сомнений героя и, скорее, подтверждает безнадежность его поисков. В рассказе «Бежин луг» инертность героя по сравнению с Печориным подчеркнута, а активность носителя национального сознания усилена, что выводит его на передний план. Именно это делает невозможным поиск героя времени среди «наследников Печорина» и открывает новый этап поисков национального героя. Соотнесение «Бежина луга» с «Героем нашего времени», рассказчика из «Записок охотника» с Печориным позволяет по-новому взглянуть на проблему творческих связей Тургенева и Лермонтова, уточнить, каким был взгляд Тургенева на лермонтовского героя и проблемы, поднятые в романе «Герой нашего времени», в начале 1850-х годов. Появление лермонтовских реминисценций в то время, когда «в сознании рядового читателя Печорин уже несколько упрощается: философичность лермонтовского романа не воспринимается публикой и отодвигается в тень» [24, с. 218], подчеркивает, что тургеневская мысль движется в совершенно ином направлении и он, наоборот, актуализирует философские вопросы, затронутые Лермонтовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукина В.А. Творческая история «Записок охотника» И.С. Тургенева. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 187 с.
2. Клеман М.К. И.С. Тургенев. Очерк жизни и творчества. Л.: Гослитиздат, 1936. 224 с.
3. Курляндская Г.Б. От «Записок охотника» к повестям и романам // Спасский вестник. 2004. № 10. С. 15–27.
4. Голубков В.В. Художественное мастерство И.С. Тургенева. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1955. 176 с.
5. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. 247 с.
6. Эйхенбаум Б.М. Вступительный очерк // Тургенев И.С. Записки охотника. Пг., 1918. С. III–VIII.
7. Петров С.М. И.С. Тургенев. Творческий путь. М.: Гослитиздат, 1961. 590 с.
8. Ковалев В.А. «Записки охотника» И.С. Тургенева: вопросы генезиса. Л.: Наука, 1980. 133 с.
9. Лебедев Ю.В. Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1990. 607 с.
10. Золотарев И.В. Правдоподобие невероятного в фантастике И.С. Тургенева // Учен. записки Орловского гос. ун-та. 2016. № 3 (72). С. 155–159.

11. Руднева Е.Г., Старостина Л.В. Рассказ Тургенева «Бежин луг» в контексте русской литературы // Спасский вестник. 2018. № 26-1. С. 192–207.
12. Руднева Е.Г., Папилова Е.В. Рассказ Тургенева «Бежин луг» в литературном контексте. Статья вторая // Спасский вестник. 2020. № 27. С. 37–46.
13. Муратов А.Б. Автор-рассказчик в рассказе Тургенева «Бежин луг» // Автор и текст: сб. статей / Под ред. В.М. Марковича, В. Шмида. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 179–192.
14. Истомин К.К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.): Опыт психологии творчества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. 128 с.
15. Курляндская Г.Б. И. С. Тургенев и русская литература. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
16. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 301 с.
17. Лисенкова В.А., Парсиева В.А. Тургенев и Лермонтов (К проблеме творческой преемственности) // Вопросы стиля и метода в русской и зарубежной литературе. Пенза. 1969. С. 37–57.
18. Назарова Л.Н. О лермонтовских традициях в прозе И.С. Тургенева // Проблемы теории и истории литературы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 261–269.
19. Усок И.Е. Историческая судьба наследия М.Ю. Лермонтова // Время и судьбы русских писателей. М.: Наука, 1981. С. 78–80.
20. Трофимова Т.Б. Лермонтовский «подтекст» в цикле И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» // Русская литература. 2005. № 1. С. 124–132.
21. Прозоров Ю.М. В поисках русской идентичности. Национальный характер в «Записках охотника» И.С. Тургенева // Спасский вестник. 2017. № 25. С. 5–28.
22. Лермонтов М.Ю. Собр. сочинений: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 4. Проза. Письма. Л.: Наука, 1981. 591 с.
23. Тургенев И.С. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Т. 3. Записки охотника. М.: Наука, 1979. 526 с.
24. Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.
25. Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: Просвещение, 1989. 188 с.
26. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Лит. наследство. Т. 43/44. М.Ю. Лермонтов. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 517–628.
27. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 372 с.
28. Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. 382 с.

REFERENCES

1. Lukina, V.A. *Tvorcheskaya istoriya "Zapisok ohotnika" I.S. Turgeneva* [The Creative History of "A Sportsman's Sketches" by I.S. Turgenev]. Diss. for the degree of Cand. of Philological Sciences. St. Petersburg, 2006. 187 p. (In Russ.)
2. Kleman, M.K. *I.S. Turgenev. Ocherk zhizni i tvorchestva* [I.S. Turgenev. An Essay on Life and Creativity]. Leningrad, 1936. 224 p. (In Russ.)
3. Kurlyandskaya, G.B. *Ot "Zapisok ohotnika" k povestiyam i romanam* [From "A Sportsman's Sketches" to Short Stories and Novels]. *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2004, No. 10, pp. 15–27. (In Russ.)
4. Golubkov, V.V. *Khudozhestvennoe masterstvo I.S. Turgeneva* [Artistic Mastery of I.S. Turgenev]. Moscow, 1955. 176 p. (In Russ.)
5. Byaly, G.A. *Turgenev i russkij realizm* [Turgenev and Russian Realism]. Moscow, Leningrad, 1962. 247 p. (In Russ.)
6. Eihenbaum, B.M. *Vstupitelnyj ocherk* [Introductory Essay]. Turgenev, I.S. *Zapiski okhotnika* [A Sportsman's Sketches]. Petrograd, 1918, pp. III–VIII. (In Russ.)
7. Petrov, S.M. *I.S. Turgenev: Tvorcheskij put* [I.S. Turgenev: Creative Path]. Moscow, 1961. 590 p. (In Russ.)
8. Kovalev, V.A. *"Zapiski ohotnika" I.S. Turgeneva: voprosy genezisa* [I.S. Turgenev's "A Sportsman's sketches": Genesis Issues]. Leningrad, 1980. 133 p. (In Russ.)
9. Lebedev, Y.V. *Turgenev*. Moscow, 1990. 607 p. (In Russ.)
10. Zolotarev, I.V. *Pravdopodobie neveroyatnogo v fantastike I.S. Turgeneva* [The Likelihood of the Improbable in the Fiction of I.S. Turgenev]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gos. un-ta* [Scientific Notes of the Orel State University]. 2016, No. 3 (72), pp. 155–159. (In Russ.)
11. Rudneva, E.G., Starostina, L.V. *Rasskaz Turgeneva "Bezhin lug" v kontekste russkoj literatury* [Turgenev's Story "Bezhin Meadow" in the Context of Russian Literature]. *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2018, No. 26-1, pp. 192–207. (In Russ.)
12. Rudneva, E.G., Papilova, E.V. *Rasskaz Turgeneva "Bezhin lug" v literaturnom kontekste. Statya vtoraya* [Turgenev's Story "Bezhin Meadow" in a Literary Context. Article Two]. *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2020, No. 27, pp. 37–46. (In Russ.)
13. Muratov, A.B. *Avtor-rasskazchik v rasskaze Turgeneva "Bezhin lug"* [The Author and the Narrator in Turgenev's Story "Bezhin Meadow"]. *Avtor i tekst: sb. statej* [Author and Text: Collection of Articles]. St. Petersburg, 1996, pp. 179–192. (In Russ.)
14. Istomin, K.K. *"Staraya manera" Turgeneva (1834–1855gg.): Opyt psikhologii tvorchestva* [Turgenev's "Old Manner"

- (1834–1855): Experience in the Psychology of Creativity]. St. Petersburg, 1913. 128 p. (In Russ.)
15. Kurlyandskaya, G.B. *I.S. Turgenev i russkaya literatura* [I.S. Turgenev and Russian Literature]. Moscow, 1980. 192 p. (In Russ.)
 16. Pustovoyt, P.G. *I.S. Turgenev – hudozhnik slova* [I.S. Turgenev – Artist of the Word]. Moscow, 1987. 301 p. (In Russ.)
 17. Lisenkova, V.A., Parsieva, V.A. *Turgenev i Lermontov (K probleme tvorcheskoj preemstvennosti)* [Turgenev and Lermontov (On the Problem of Creative Continuity)]. *Voprosy stilya i metoda v russkoj i zarubezhnoj literature*. [Questions of Style and Method in Russian and Foreign Literature]. Penza, 1969, pp. 37–57. (In Russ.)
 18. Nazarova, L.N. *O lermontovskikh traditsiyakh v proze I.S. Turgeneva* [About Lermontov Traditions in Prose by I.S. Turgenev]. *Problemy teorii i istorii literatury* [Problems of Theory and History of Literature]. Moscow, 1971, pp. 261–269. (In Russ.)
 19. Usok, I.E. *Istoricheskaya sudba naslediya M.Yu. Lermontova* [The Historical Fate of M.Yu. Lermontov's Heritage]. *Vremya i sudby russkikh pisatelej* [Time and the Fate of Russian Writers]. Moscow, 1981, pp. 78–80. (In Russ.)
 20. Trofimova, T.B. *Lermontovskij "podtekst" v cikle I.S. Turgeneva "Stihotvoreniya v proze"* [Lermontov's "Subtext" in I.S. Turgenev's Cycle "Poems in Prose"]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2005, No. 1, pp. 124–132. (In Russ.)
 21. Prozorov, Y.M. *V poiskah russkoj identichnosti. Nacionalnyj harakter v "Zapiskah ohotnika" I.S. Turgeneva* [In Search of Russian Identity. National Character in "A Sportsman's Sketches" by I.S. Turgenev]. *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2017, No. 25, pp. 5–28. (In Russ.)
 22. Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 Vols.]. Vol. 4. Leningrad, 1981. 591 p. (In Russ.)
 23. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 t.* [Complete Works and Letters in 30 Vols.]. Vol. 3. Moscow, 1979. 526 p. (In Russ.)
 24. Zhuravleva, A.I. *Lermontov v russkoj literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian Literature. Problems of Poetics]. Moscow, 2002. 288 p. (In Russ.)
 25. Udodov, B.T. *Roman M.Yu. Lermontova "Geroj nashego vremeni"* [M.Yu. Lermontov's Novel "The Hero of Our Time"]. Moscow, 1989. 188 p. (In Russ.)
 26. Vinogradov, V.V. *Stil prozy Lermontova* [Lermontov's Prose Style]. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 43-44. M.Yu. Lermontov. Book 1. Moscow, 1941, pp. 517–628. (In Russ.)
 27. Eihenbaum, B.M. *Statji o Lermontove* [Articles about Lermontov]. Moscow, Leningrad, 1961. 372 p. (In Russ.)
 28. Mikhailova, E.N. *Proza Lermontova* [Lermontov's Prose]. Moscow, 1957. 382 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 июля 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 августа 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on July 14, 2023

Revised on August 18, 2023

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S1605788024020109

**Федунина О. В. Криминальный bestiарий: зверь — текст — жанр.
Тула: Аквариус, 2023. 148 с.**

**[Review:] Fedunina, O. V. Criminal Bestiary: Beast — Text — Genre.
Tula, Aquarius Publ., 2023, 148 p. [In Russ.]**

Компактная, но очень содержательная книжка исследовательницы криминальной литературы О.В. Федуниной посвящена вопросам, которые не так уж часто в последнее время становятся предметом рассмотрения — как в силу своей сложности, так и в силу ползучего наступления т.н. читательской жанровой теории, распространившейся в отечественном литературоведении в большой степени посредством книги Ж.-М. Шеффера «Что такое литературный жанр?» [1]. Напомним, что жанр понимается им как семиотический знак, в котором «означающее» — это «жанровое имя», т.е. термин, функционирующий в истории литературы, а «означаемое» — «жанровое понятие», т.е. текстуальные признаки, которые с этим именем ассоциируются, причем, как и в случае знака, связь между жанровым именем и понятием случайна, один и тот же текст может быть назван сразу несколькими жанровыми именами (каждое из них характеризует текст в разных аспектах). В конечном счете, согласно этой концепции, жанровые номинации зависят от субъекта рецепции: именно читатель соотносит различные аспекты текста с жанровыми именами на основании своего культурного опыта.

В области популярной литературы, в том числе литературы криминальной, градус этого жанрового «волюнтаризма» особенно высок. Тем более героической выглядит попытка О.В. Федуниной «навести порядок» в исследуемой области — причем это отнюдь не «покушение с негодными средствами»: автор рецензируемой книги, по всей видимости, прекрасно осознает сложности «инвариантного» подхода, восходящего к жанровой теории М.М. Бахтина и «предполагающего обнаружение минимального количества неизлиминируемых сущностных свойств во всех произведениях определенного жанрового типа» [2, с. 22] и создание «теоретического конструкта» того или

иного жанра. Рецензируемая книга почти не останавливается на рефлексии собственного метода, ограничиваясь отдельными методологическими замечаниями по конкретным поводам (например, о «путанице» или «смешении» в жанровом обозначении того или иного произведения), но метод этот вполне ясен — как благодаря цитатам из трудов, на которых О.В. Федунина базируется, так и благодаря ее предшествующим публикациям о криминальной литературе.

В ряде более ранних публикаций О.В. Федунина и Н.Н. Кириленко выявили четыре основных жанра криминальной литературы расследования: классический детектив (пример — романы А. Кристи об Эркюле Пуаро), «авантюрное расследование» (пример — романы М. Леблана об Арсене Люпене), полицейский роман (пример — романы Ж. Сименона о комиссаре Мегрэ) и «расследование жертвы» (пример — «Лесная смерть» Б. Обер). Каждый из названных типов криминальной литературы характеризуется в трех аспектах (в соответствии с «трехмерной» жанровой моделью Бахтина): с точки зрения речевого целого; действительности героев, включающей в себя хронотоп, сюжетные события, картину мира и пр.; взаимоотношений между миром героев и действительностью автора и читателя (художественного завершения) — все эти аспекты характеризуются разными свойствами в выявленных разновидностях.

В рецензируемой книге автор опирается на заложенный ранее фундамент, в некоторых случаях даже с чересчур большим доверием к читателю — просто отсылая его к той или иной публикации, хотя, возможно, следовало бы повторить некоторые положения. Эта же излишняя, на наш взгляд, лапидарность отмечает и анализ текста в этой книге, который мог бы быть гораздо более подробным, — например, когда автор сокращает число примеров (а ведь их обилие является одним из доказательств

правильности гипотезы): «Вынужденно пропуская подобные примеры, которые имеются практически во всех упомянутых мною текстах, приведем цитату...» (с. 67) — но в чем же «вынужденность» сокращений? Речь ведь идет о монографии, а не о журнальной статье с фиксированным объемом. Возможно, это рудимент эволюции книги из ряда статей. Думается, стоило бы несколько расширить и сам состав анализируемых текстов: хотя подбор их представляется методологически безупречным, они часто повторяются.

Основными прорывами в «Криминальном бестиарии...» являются, с нашей точки зрения, разделы, исследующие четвертый из ранее выявленных жанров криминальной литературы, а именно «расследование жертвы» (где сыщиком является сам объект преступной деятельности, оказывающийся перед необходимостью разрешить загадку для спасения собственной жизни), а также близкие ему жанры — «роман семейной тайны» и готический роман. Этой теме посвящены главы «Классический детектив и “расследование жертвы”» (в разделе «Кругозор героя в криминальном нарративе: жанровый аспект»), «Роман семейной тайны как жанр: инвариант и типология» (блестяще написанный фрагмент!), глава «Расследование жертвы» в романе А. Левина «Щепка» (из раздела «Кошка в криминальном сюжете: функции и жанровые валентности»). О.В. Федунина не только интереснейшим образом анализирует литературные тексты, принадлежащие к этим трем жанрам, но и очень убедительно — и остроумно — демонстрирует как их генетическое и типологическое родство, так и различия между ними. Несомненно, благодаря этой книге обширнейшее поле криминальной литературы приобретет в сознании читателя гораздо более «культивированный», осмысленно «нарезанный» на ряд «наделов» вид, позволяющий не только увидеть ее настоящее, но и проследить важные моменты прошлого, сам путь эволюции жанров криминальной литературы и, на разных этапах, ее пересечений с «большой» литературой.

Не случайно, однако, что, хотя книга называется «Криминальный бестиарий» и в подзаголовке имеется слово «зверь» (причем следы собачьих лап на месте преступления вынесены на обложку), мы до сих пор не сказали об этом ни слова — дело в том, что целый ряд глав, особенно глав сравнительно больших, не содержат «следов зверя». Это касается, например, уже упомянутых глав «Классический детектив и “расследование жертвы”», «Роман семейной тайны как жанр: инвариант и типология», а также «Свернутый» роман (“Медные буки” А. Конан Дойля и “Неподходящее занятие для женщины”

Ф.Д. Джеймс») и «Криминальное событие в “анти-нарративе” (“Английская мята” М. Дюрас)» (где зверь — жертвенный бычок — упоминается на одной странице), что составляет не менее половины книги. Хотя рецензируемое издание, несомненно, являет единство научных интересов автора и последовательное развитие ряда тем (особенно очевидное при знании других работ О.В. Федуниной), оно все-таки лишено единства композиционного: это бестиарий лишь «наполовину», тогда как проблема жанра здесь гораздо более существенна. Что же касается состава этого бестиария, то основное внимание автора направлено на образы собак и кошек, а другие анималистические персонажи появляются редко и на заднем плане. Тем не менее О.В. Федунина делает ряд не только значимых наблюдений над конкретными текстами и функционированием в них анималистической образности, но и важных обобщений, касающихся «криминальной зоологии», в частности делая вывод о том, что «разные криминальные жанры допускают изображение животных только в определенных сюжетных функциях. Амбивалентная по своей природе собака не может заменить Великого сыщика в классическом детективе (и потому пес Тоби терпит комическую неудачу в “Знаке четырех” Конан Дойля), но вполне может быть орудием преступника, жертвой <...> или свидетелем <...>. Зато в полицейском романе собака-сыщик очень даже возможна <...>. В “расследовании жертвы” животное может выполнять и совмещать функции двойника-заместителя жертвы, ее защитника и свидетеля <...>» (с. 145).

Как главные прорывы книги, так и, с нашей точки зрения, наиболее спорный ее фрагмент относятся, в конечном счете, не к исследованию бестиария, а к жанрологии — речь идет о попытке О.В. Федуниной ввести в научный оборот такое понятие, как «свернутый роман». Исследуя произведение А. Конан Дойля «Медные буки», автор книги утверждает, что конструктивные особенности не позволяют отнести его ни к одному из «традиционных» литературных жанров — ни к новелле, ни к повести, ни к рассказу, ни к роману, и предлагает термин «свернутый роман», который исследовательница определяет как роман «редуцированный», имеющий жанровые признаки романа как такового, но «в редуцированном виде» (с. 38). Введение дополнительного термина не вполне убедительно, поскольку он не “качественный”, а, скорее, “количественный”, причем его границы не могут быть точно определены: как измерить редукцию? Да и в целом, анализ «Медных буков» как романа — пусть «редуцированного» — представляется нам несколько форсированным, и на каждый аргумент находится контраргумент. В частности, когда О.В. Федунина

говорит о том, что в «Медных буках» есть «эпилог, что очень свойственно роману как жанру: в самом конце довольно бегло рассказывается о судьбе героев после завершения расследования» (с. 41), возникает мысль о том, что и в рассказах бывают такого рода краткие «эпilogи» – так, нередки они у А.П. Чехова (среди хрестоматийных примеров – «Ионыч», «Дом с мезонином»). Думается, что «Медные буки» вполне вписываются во «внутреннюю меру» (термин Н.Д. Тamarченко) жанра рассказа, что особенно очевидно, если рассматривать его, в духе В.И. Тюпы, как «построманный нарратив», «возникший в результате осуществленной романом радикальной перестройки всей жанровой системы литературы» [2, с. 92] и характеризующийся «взаимодополнительностью диаметрально противоположных интенций жанрового мышления – притчевой и анекдотической» [2, с. 94].

Но это, пожалуй, единственный во всей книге пример аналитической форсированности. В целом, книга отличается взвешенностью суждений, умением автора мыслить сразу в нескольких планах, основательностью при отсутствии длинных теоретических отступлений, наконец – просто увлекательностью, которой, конечно, способствует

избранный материал, но не в меньшей степени и прозрачный, ясный, хотя не лишенный юмора и личной интонации стиль (особенно в менее академичной, чем остальные, главе «Следствие ведет Комиссар Рекс»). Ее можно порекомендовать как профессиональным ученым, занимающимся теорией жанра, так и искренним любителям криминальной литературы: благодаря этому чтению в ней откроются совершенно новые смыслы и горизонты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
2. *Тюпа В.И.* Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.

REFERENCES

1. Tyupa, V.I. *Diskurs. Zhanr* [Discourse. Genre]. Moscow: Intrada Publ., 2013. 211 p. (In Russ.)
2. Schaeffer, J.-M. *Chto takoe literaturnyi zhanr?* [What Is a Literary Genre?]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2010. 192 p. (In Russ.)

В.Б. Зусева-Озкан
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Veronika B. Zuseva-Özkan
Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. <Рец.>. Федунина О.В. Криминальный бестиарий: зверь – текст – жанр. Тула: Аквариус, 2023. 148 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 83. № 2. С. 117–119. DOI: 10.31857/S1605788024020109

For citation: Zuseva-Özkan, V.B. <Rev.> Fedunina O.V. *Kriminalnyj bestiarij: zver – tekst – zhanr*. Tula: Akvarius, 2023. 148 s. [[Review:] Fedunina, O.V. Criminal Bestiary: Beast – Text – Genre. Tula, Aquarius Publ., 2023, 148 p. [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serijâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 83, No. 2, pp. 117–119. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020109

*Дата поступления материала в редакцию: 1 декабря 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 30 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.
Дата публикации: 30 апреля 2024 г.*

*Received by Editor on December 1, 2023
Revised on December 30, 2023
Accepted on February 15, 2024
Date of publication: April 30, 2024*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020114

**Международная научная конференция
«Литературное произведение сквозь призму издательских процессов
1920–1930-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые
годы советской власти и издательство “Всемирная литература”»**

**An International Scholarly Conference
“A Literary Work through the Prism of Publishing Processes in the 1920s and
1930s. Destiny of the Russian Intelligentsia in the Early Years of the Soviet
Rule and the ‘World Literature’ Publishers”**

11–13 октября 2023 г. состоялась Международная научная конференция «Литературное произведение сквозь призму издательских процессов 1920–30-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые годы советской власти и издательство “Всемирная литература”» при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00494) «История издательства “Всемирная литература” в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького».

Организатором выступил Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, соорганизатором – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург). В конференции приняли участие 48 ученых из отечественных научных и образовательных учреждений, архивов, библиотек и музеев Москвы, Петербурга, Великого Новгорода, Благовещенска, а также исследователи из Италии. В ходе конференции исследователи поделились результатами научных поисков и изучения ранее не публиковавшихся архивных источников, хранящихся в российских и зарубежных хранилищах. С приветственным словом к участникам форума обратились заместитель по научной работе директора ИМЛИ РАН, доктор филологических наук Д.С. Московская и член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН Е.Е. Дмитриева.

В рамках конференции были проведены тематические заседания «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода» (при поддержке гранта РНФ № 23-18-00375) и «“Всемирная литература”: издательские проекты и переводческие стратегии», а также состоялась презентация профессором В.Э. Молодяковым каталога собрания рукописей поэта «Мой Брюсов» (М.; СПб.: Нестор-История, 2023) к 150-летию со дня рождения В.Я. Брюсова.

Конференция открылась докладом Екатерины Евгеньевны Дмитриевой (Москва) «Повесть Н.В. Гоголя “Тарас Бульба” – опыт обратного перевода», рассмотревшей изменения в тексте повести 1842 г. по сравнению с редакцией 1835 г., когда произведение впервые было издано в цикле «Миргород», а также печатную историю повести и те причины, по которым в разные времена и в разных регионах (России, Украине, Польше) приоритет отдавался то первой, то второй редакции. Особое внимание уделено рецепции и оценке повести в обеих ее редакциях современных ей читателей и критиков, прошедших мимо «взрывоопасных» моментов, которые позже, в основном с конца XIX в., стали предметом контроверзы. Попытка проанализировать гоголевский текст в его первоначальном виде, уяснив одновременно те семантические приращения и потери, которые позже в нем возникли, представлена в докладе как опыт «обратного перевода» – в том значении, в каком термин этот ввел в научный оборот известный германист и историк культуры

А.В. Михайлов, считавший, что «разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально им чуждые культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания», поэтому «необходимо учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места»¹.

Анна Сергеевна Шолохова (Москва) представила в докладе **«Повесть Н.В. Гоголя “Тарас Бульба” в англоязычной рецепции» (обратный перевод)** обзор значимых переводов повести писателя, осуществленных со времени ее написания до настоящего момента. Рассмотрение разнообразных по времени текстов дало возможность для их сопоставительного анализа, в котором разбирались подходы переводчиков к тексту оригинала и анализировались те изменения, которые неизбежно вносил каждый из них. Особый интерес с точки зрения эволюции восприятия повести в зависимости от конкретных политических и исторических обстоятельств вызвал перевод 2003 г., сделанный Питером Константином.

В докладе Ирины Захаровны Сурат (Москва) **«Неаполитанские песенки” Осипа Мандельштама как лаборатория стиха»** представлены результаты исследования малоизвестных текстов поэта, обойденных вниманием издателей и исследователей — вольные переложения поэтом неаполитанских песен с итальянского языка. Докладчик восстановила историю их создания, уточнила тексты, определив художественную задачу и проанализировав фонетику песен, их образный строй, обозначив их место в творческом наследии поэта и проследив связь переложений с оригинальными сочинениями Мандельштама.

Денис Алексеевич Бережнов (Москва) в докладе **«О некоторых особенностях отбора и публикации текстов Марины Цветаевой в Чехии (1922—1925 гг.)»** проанализировал историю издания, условий и факторов, повлиявших на выбор текстов при публикации произведений поэта «пражского периода».

Доклад Анны Андреевны Шербининой (Москва) **«Мультилингвизм в “Скорбном листе душевнобольных яснополянского госпиталя” Л.Н. Толстого»** был посвящен восстановлению написания иноязычных вкраплений в рукописях писателя и их переводу с учетом аутентичных грамматических форм. Необычный для писателя жанр

произведения и шуточные диагнозы смягчают критику ближайшего окружения. Произведение свидетельствует о том, что в этот период Л.Н. Толстой стремится к преобразованию жизни семьи в соответствии со своими религиозно-нравственными принципами.

Доклад **«“Морис, или Труд”. Рассказ Зульмы Карро в переводе Льва Толстого и его учеников»** Людмилы Викторовны Калюжной (Гладковой) (Москва) был посвящен сравнительному анализу рассказа французской писательницы и повести Толстого «Матвей». Докладчик показала принципы работы над художественным текстом в яснополянской школе для создания нового, коллективного текста. Отголоски повести З. Карро можно найти в рассказе Толстого «Филиппок». В предисловии к повести «Матвей» Толстой сформулировал свои педагогические и просветительские воззрения, а также задачи педагогического журнала «Ясная Поляна».

Александр Дмитриевич Ивинский (ИМЛИ РАН, Москва) в докладе **«К вопросу о французских контекстах русской журналистики 1760-х гг.: Екатерина II, “Всякая всячина” и В.К. Тредиаковский»** представил результаты реконструкции историко-литературных контекстов журнала «Всякая всячина». Для создания публичной сферы в России императрице нужна была журналистика, предлагавшая новый образ аристократа, «честного человека», русского *honnête homme*. Поэтому значительная часть образов, сюжетов, проблем, которые обычно связывали с английской сатирической журналистикой, восходит в первую очередь к многочисленным учебникам *savoir vivre*, которые печатались во Франции в XVII—XVIII вв. Подробно анализируется перевод В.К. Тредиаковского трактата «Истинная политика знатных и благородных особ», который приписывался Ф. Фенелону, текст которого вполне вписывался в культурную программу Екатерины II.

Доклад Алёны Владимировны Хохловой (Москва) **«“Страшась рассказ придумать новый...”: о неполном переводе “Парцифалья” Вольфрама фон Эшенбаха на русский язык»** посвящен анализу перевода на русский язык средневекового немецкого романа, выполненного Л. Гинзбургом для сборника «Средневековый рыцарский роман и повесть» (1974). Из-за множества сокращений в текст русского «Парцифалья» вкрались фактические ошибки, затруднявшие понимание текста, был утрачен ряд деталей, наделявших оригинальный текст дополнительными символическими коннотациями, подверглись искажению характеры персонажей, а их эмоциональные

¹ Михайлов А.В. Надо учиться обратному переводу // Михайлов А.В. Обратный перевод: Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. 852 с. С. 16.

реакции на те или иные события были гиперболизированы, что, в свою очередь, повлекло за собой искажение важных для куртуазного общества XII–XIII вв. социальных ритуалов. Русскоязычный перевод «Парцифалья» следует рассматривать как «переложение» произведения из одного культурного контекста в другой, что позволяет говорить о необходимости «обратного перевода».

В докладе Маргариты Вадимовны Черкашиной (Москва) «**Как переводить Шекспира?**» представлен анализ переводов французского поэта Ива Бонфуа XI–XXII сонетов Шекспира (1996–2007) и их сопоставление с переводами С. Маршака (1949), которые, как показывают исследования, дают «русскую», а не английскую версию Шекспира. Как показывает анализ, методичное упрощение Маршаком сложной метафоричности Шекспира приводит к тому, что подвижный образ природы, связанной с категориями времени, смерти, с человеческой цивилизацией, с обретаемой человеком властью над природой, нивелирован в его переводе до простых аналогий. Более поздние по времени переводы Бонфуа (верлибром, с анжамбеманами и нарушением сонетной формы) демонстрируют большую точность и толкование сонета при его переводе.

Дарья Дмитриевна Якушева (Москва) на материале стихотворения «Незнакомка» А.А. Блока и его перевода на английский язык В.В. Набоковым проанализировала прием антитезы, обеспечившей амбивалентность символических значений в поэтическом тексте. Показана смысловая трансформация отдельных образов-символов в пространстве другого языка. Ритмико-метрическая организация стихотворения также стала предметом исследования, поскольку в оригинале ее своеобразие связано с концептом «двоемирия».

Доклад Инны Валентиновны Малининой (Санкт-Петербург) «**О книге “Путешествия Гулливера” издательства “Academia”**» посвящен изданию Дж. Свифта в серии «Сокровища мировой литературы» в «ленинградский период» работы издательства. Исследовательница отметила характерные переклички между издательскими подходами «Всемирной литературы» и «Academia», преемственность взглядов на качественно подготовленную книгу – хороший перевод, грамотный составитель и редактор, высокохудожественное оформление.

В докладе «**Кавалерственная дама с немецкой овчаркой, или Заметки на полях “Непростого читателя” Алана Беннетта**» Даниил Вячеславович Заботин (Москва) рассмотрел переводческую стратегию В.С. Кулагиной-Ярцевой сквозь призму «обратного перевода». «Трансплантация»

отдельных бытовых и культурных реалий из одной картины мира (британской) в другую (русскую) – посредством их расшифровки, замещения, упрощения и комментирования – подтверждает ключевую мысль теории А.В. Михайлова о том, что «надо учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места».

Утреннее заседание 12 октября «Специфика советских эдиционных и переводных практик первой трети XX в.» открыл доклад Ольги Ростиславовны Демидовой (Санкт-Петербург) «**Властные стратегии и издательские практики**», основанный на документальных текстах эмиграции первой волны. Автор рассматривает основные характеристики власти (эстетизированность, манипулятивность, направленность на Другого и пр.), ее инструментальный аппарат и парадигму участников властных отношений в приложении к издательской деятельности русской эмиграции первой волны (1920–1950-е годы). Кроме того, представлен анализ издательских стратегий и примеры трех типов коллизий, в которых актуализировались властные отношения в эдиционной практике диаспоры.

Доклад «**История издания книги М. Горького “Революция и культура”**» Натальи Николаевны Примочкиной (Москва) посвящен сборнику публицистических статей 1918 г., вышедшему в берлинском издательстве «J. Ladyschnikow Verlag». Показано, что владелец издательства Б.Н. Рубинштейн, действуя без ведома автора, перепечатал в хронологическом порядке 33 статьи Горького за 1917 г. из газеты «Новая жизнь» и сам озаглавил книгу. Сборник вышел не позднее июня 1918 г., то есть на несколько месяцев раньше, чем сборник «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре» (Петроград, октябрь 1918 г.), который составил Горький из 48 статей из «Новой жизни» за 1917–1918 гг.

Ольга Юрьевна Панова (Москва) в докладе «**“Негритянская литература” и расовый вопрос в США: влияние идеологии и политики на советские переводы и издания афроамериканских авторов**» (при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00393) рассмотрела эволюцию принципов издания «негритянской» поэзии, художественной прозы и публицистики в контексте деятельности Коминтерна, Международного объединения революционных писателей (МОРП) и движения от нэпа к централизации издательского дела в СССР. В докладе процитированы и проанализированы малоизвестные материалы о прямом влиянии советских руководителей (Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева) на издания текстов К. Маккея,

о влиянии политической позиции Р. Райта на решения о (не)издании его произведений. Исследовательница пришла к выводу, что отбор, перевод и издание афроамериканской литературы в СССР были тесно увязаны с идеологическими задачами — акцентированием расового вопроса в США как «ахиллесовой пяты американского империализма».

В докладе **«У истоков советского филологического перевода: Андрей Венедиктович Федоров — переводчик Марселя Пруста»** Сергей Леонидович Фокин (Санкт-Петербург) представил результаты изучения творческой эволюции переводчика в контексте литературных и издательских процессов 1920–1930-х годов, которая определяется конфликтным сочетанием основательной научной позиции в области теории перевода, заявленной под знаменем воинственного формализма, и участием в одном из самых грандиозных начинаний советской культуры тех лет — опыте полного перевода эпопеи М. Пруста **«В поисках за утраченным временем»**. Научная позиция А.В. Федорова складывалась в активной полемике с коллективным трудом **«Принципы художественного перевода»** и в развитии новейших положений русской формалистической теории, особенно идей Ю.Н. Тынянова. Предварительный сравнительно-сопоставительный анализ научной эволюции А.В. Федорова в довоенные годы дает основание полагать, что поэтика перевода выстраивалась на поиске компромисса между высокими требованиями теории и усредненными читательскими ожиданиями, господствовавшими в советской культуре того времени.

Известный искусствовед Государственной Третьяковской галереи и куратор выставок Елена Николаевна Рымшина (Москва) в докладе **«Русский да-да» в фото-книгах 1920–1930-х годов, спроектированных Сомоном Телингатером** рассмотрела книжные макеты путеводителя по Всесоюзной Полиграфической выставке (1927, совместно с Эль Лисицким), эпопеи А. Безыменского **«Комсомолия»** (1928), **«Слово предоставляется Кирсанову»** (1930) и **«Иммер Берайт»** Э.М. Эмден (1930), вступление к поэме В.В. Маяковского **«Во весь голос»** (1931), документальный памфлет И. Фейнберга **«1914-й»** (1934), монографию С.М. Третьякова **«Джон Хартфильд»** (1936), где конструктивистские приемы перекликаются с «будетлянскими» и «дадаистскими» при строгом, рациональном и выверенном по пропорциям общем сквозном решении.

Дневное заседание 12 октября «Практики издания и чтения переводной литературы в России

и за рубежом» открыл доклад Викторией Юрьевны Поповой (Москва) **«Советские издания латиноамериканских авторов на рубеже 1920–1930-х гг.»** (при поддержке гранта РФФИ, проект № 23-18-00393). Исследовательница проанализировала особенности издательской политики в СССР в отношении латиноамериканских авторов на примере **«Всемирной литературы»**, **«Круга»**, **«Времени»** и ГИХЛа, проанализировала предисловия к ним, уделила внимание деятельности переводчиков С.С. Игнатова, Д.И. Выгодского, В.В. Рахманова.

Марина Анатольевна Жиркова (Санкт-Петербург) в докладе **«Публикации произведений Саши Черного в 1920–30 гг. в Советской России»** представила результаты исследования издательской активности писателя после эмиграции в 1918 г. Всего за указанный период было выпущено 8 отдельных изданий книг Саши Черного для детей, также его произведения вошли в состав трех сборников.

Анастасия Геннадьевна Плотникова (Москва) в докладе **«Максим Горький и “Библиотека поэта”»** на основе документов и публикаций реконструировала процесс организации знаменитой книжной серии и проследила динамику отношения писателя к своему детищу на протяжении 1931–1936 гг. Большую роль в судьбе серии сыграли личные взаимоотношения Горького с ленинградскими писателями: К.А. Фединым, И.А. Груздевым, В.М. Саяновым, М.Л. Слонимским, Ю.Н. Тыняновым, а также с директором издательства **«Academia»** Л.Б. Каменевым. Первичный замысел Горького, изложенный в его статье **«О “Библиотеке поэта”»**, существенно отличался от книг серии, выпускаемых в **«Издательстве писателей в Ленинграде»**, что обусловило его конфликт с редакцией и поставило под вопрос существование серии в 1934 г. Новаторский подход к подготовке художественных текстов и историко-культурного комментария позволил **«Библиотеке поэта»** выходить на протяжении более 90 лет.

Доклад **«“Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать” М. Горького: издательская практика и комментирование»** Ольги Васильевны Быстровой посвящен текстологической истории брошюры, изданной писателем в 1928 г., в год первого посещения СССР после долгого отсутствия. Проблемы комментирования, затронутые в тексте, позволили исследователю квалифицировать этот текст как своеобразный мемуарный очерк и как специфическую обучающую программу для начинающих писателей.

Александра Леонидовна Семенова (Великий Новгород) рассмотрела в докладе **«Идеи богостроительства**

в русской литературе и публицистике: от 1900-х к 1930-м гг.» динамику религиозных исканий. Исследовательница раскрыла специфику концепции богостроительства, нашедшей отражение в текстах М. Горького и А. Луначарского; объяснила, какое значение для этой теории имела философия А. Богданова; проанализировала факты, подтверждающие верность теории богостроительства в деятельности М. Горького и А. Луначарского в послеоктябрьские годы.

В докладе «Непростая судьба “Миллионерши”, “Простака...” и “Красной императрицы” в СССР: Б.Ф. Лебедев как переводчик и корреспондент Б. Шоу» (при поддержке гранта РФ, проект № 23-18-00393) Юлия Андреевна Скальная (Москва) процитировала и прокомментировала не введенные в научный оборот архивные документы и переписку Б. Шоу с советским журналистом и переводчиком Б.Ф. Лебедевым, которые развенчивают миф о чрезмерной популярности ирландского драматурга в СССР. Исследовательница проследила, какие идеологические, художественные и исторические факторы влияли на переводы произведений, их постановки или отсутствие таковых в отношении многих пьес, включая «Красную императрицу», «Миллионершу» и «Простака с Островов Неожиданности».

Дмитрий Михайлович Цыганов (Москва) в докладе «К построению “читательской истории литературы”: чтение зарубежной литературы в СССР в 1920-е гг.» (при поддержке гранта РФ, проект № 23-18-00393) предпринял попытку проанализировать рецептивные стратегии «чужого» текста на примере чтения зарубежной литературы в СССР в общекультурном контексте пореволюционной эпохи. Исследователь исходил из предположения, что в 1920-е годы появилось множество интеллектуальных практик, позднее определивших пути движения «новой» культуры.

Доклад «История издания сборника “Рассказы о Востоке” Венедикта Марта в Государственном издательстве художественной литературы (по архивным материалам)» Ксении Александровны Землянкой (Благовещенск) посвящен исследованию творческой истории рукописи с произведениями на китайскую тему, отвергнутой редакторским отделом ГИХЛа. Несмотря на старания писателя следовать социально-политической и литературной конъюнктуре, фактография и установка на достоверность стали «ахиллесовой пятой» «Рассказов о Востоке»: финалы большинства из них пессимистичны и исполнены трагического пафоса вследствие неудач коммунистического движения и советской дипломатии на Дальнем

Востоке, захлебнувшейся китайской революции и японской оккупации Маньчжурии.

Ангелина Максимовна Королева (Москва) в докладе «Литературные вечера Александра Блока. 1920–1921 гг.: записки слушателей» проанализировала не введенные в научный оборот 140 записок посетителей творческих вечеров поэта из фонда Российского государственного архива литературы и искусства и предложила классификацию по тематике, разделив их на заказы любимых стихотворений, просьбы разъяснить мировоззренческие и творческие поиски Блока и комментарии об отношениях к другим лицам современного поэту литературного процесса.

В докладе «Библиографические редкости издательства “Картонный домик”: сборник статей “Об Александре Блоке” (1921)» Елена Владимировна Воскобоева (Санкт-Петербург) представила разыскания о первой издательской реакции на гибель поэта и дальнейшей судьбе статей авторов сборника Б.М. Энгельгардта, Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Верховского, В.А. Пяста, Ю.Н. Тынянова, А.Л. Слонимского, Н.П. Анциферова.

Доклад Марии Алексеевны Мизерной (Москва) «Редакторский суд: внутренние рецензии издательства “Советский писатель” (1935–1936 гг.)» посвящен анализу специфики внутреннего рецензирования на примере романа М.Д. Ройзмана «Граница» (основа — документы Российского государственного архива литературы и искусства). Исследовательница рассматривает основные аспекты эстетической и политической критики, соотношение позитивных и негативных рецензий, статистику публикации поступавших текстов и влияние «человеческого фактора» на вердикт рецензии.

Утреннее заседание 13 октября открыл доклад Марины Альбиновны Ариас-Вихиль (Москва) «Горький и “Всемирная литература”: работа над Каталогом издательства» (при поддержке РФ, проект № 21-18-00494). Анализ текста предисловия к Каталогу дал возможность судить не только об умонастроении идейного вдохновителя этого грандиозного издательского проекта, назвавшего Октябрьскую революцию «социальной катастрофой», но и о мировоззрении писателя в целом, восходящем к философии коллективизма А.А. Богданова и к идее А.В. Луначарского о необходимости синкретизма религии и марксизма. Целью его проекта по изданию литературы между двух революций — Великой французской и Октябрьской — является «стремление поднять человека над внешними условиями, вырвать его

из цепей унижительной действительности», показать его «свободным творцом жизни». Предисловие к Каталогу и в целом издательский проект «Всемирная литература» стали важным этапом воплощения планетарной утопии коллективизма, о которой мечтали представители «другого марксизма» (по выражению В. Страда) в начале XX в., к числу которых принадлежал и Горький.

Светлана Михайловна Демкина (Москва) в докладе «**М. Горький — читатель книг издательства “Всемирная литература”**» представила анализ сохранившихся маргиналий на примере нескольких книг. Первая — «Местечко Сегельфос» К. Гамсуна с многочисленными пометами красным карандашом: подчеркивания, вопросительный и восклицательные знаки, галочки, НВ. Горький-читатель соглашается, спорит, раздумывает. Интересны пометы на воспоминаниях Р. Тагора, побывавшего в 1930 г. в доме на Никитской, когда там располагался ВОКС. Простым карандашом отчеркнуты строки и целые абзацы, посвященные раздумьям философа о добре и зле, творчестве, любви и свободе души. «Шагреневую кожу» Балзака Горький тоже читал с карандашом в руках. На страницах поэмы Дж. Байрона «Дон Жуан» отчеркнуты некоторые стихотворные строки, а в книге И. Гердера «Сид» всего одна помета — в начале предисловия переводчика В.А. Зоргенфрея. Горьковские маргиналии свидетельствуют о том, что книги, издаваемые для других, были интересны самому заведующему издательством.

В докладе «**“Дом, который построил Джек” С.Я. Маршака и В.М. Конашевича: к 100-летию первого издания книги**» Дмитрий Владимирович Фомин (Москва) подробно рассмотрел одну из немногих иллюстрированных книг издательства «Всемирная литература» — сборник английского детского фольклора, проанализировал особенности ее построения и графического оформления, а также охарактеризовал некоторые более поздние обращения поэта и художника к этому литературному материалу.

Исследовательница из Италии, одна из первых в постсоветские десятилетия защитившая диссертацию, посвященную горьковскому проекту «Всемирная литература», Франческа Лаццарин в докладе «**Работа в издательстве “Всемирная литература” сквозь призму домашних альбомов и шуточных текстов его сотрудников**» проанализировала специфику источников т.н. домашней литературы, показала, как эти тексты, иногда высокого литературного уровня, отражают работу над переводами в издательстве, а также рецепцию зарубежной литературы.

Александр Генрихович Тимофеев, представитель Союза писателей Санкт-Петербурга, в докладе «**М. Кузмин и издательство “Всемирная литература”**: обзор публикаций и документов» рассмотрел источники, на основании которых можно реконструировать историю взаимоотношений поэта с издательством. Помимо документального фонда «Всемирной литературы» в ЦГАЛИ СПб., к ним относятся деловая переписка М. Кузмина с А.Н. Тихоновым и В.А. Сутугиной (ИРЛИ, РГАЛИ, ЦГАЛИ СПб., Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме), альбомы сотрудников издательства, а также дневник М. Кузмина и его список собственных сочинений за 1920–1928 гг. из рабочей тетради. Разбросанные по разным архивам и, как правило, недатированные письма сотрудников «Всемирной литературы» к М. Кузмину были представлены автором доклада в хронологической последовательности, часть их локализована во времени; датировку январской 1923 г. шуточной стихотворной «Кантаты» («Всемирная литература...») М. Кузмина удалось сузить до конкретного дня. Заключительная часть доклада была посвящена основной работе М. Кузмина для издательства «Всемирная литература» — собранию сочинений А. Франса, для которого поэт написал несколько предисловий и редактировал переводы. Докладчик показал, что интерес М. Кузмина к творчеству А. Франса возник еще в 1890-е годы, когда многие сочинения французского писателя были в Российской империи под запретом.

В докладе «**Гётеана Аркадия Горнфельда во “Всемирной литературе”**: проекты и книги» (при поддержке РФФ, проект № 21-1800494) Марина Юрьевна Любимова (Санкт-Петербург) и Яков Дмитриевич Чечнёв (Москва) представили результаты изучения документов из фондов Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН, РНБ, РГАЛИ и ЦГАЛИ, связанных с деятельностью литературоведа, критика и переводчика А.Г. Горнфельда в 1918–1922 гг. Проанализированы не введенные в научный оборот архивные материалы о подготовке переводов двух романов И.-В. Гёте («Избирательное сродство», «Страдания юного Вертера») и «Разговоров с Гёте» И.П. Эккермана, а также обсуждение редакторской работы Горнфельда на заседаниях редакционной коллегии «Всемирной литературы».

Дневное заседание 13 октября «**“Всемирная литература”**: издательские проекты и переводческие стратегии» открыл доклад Юрия Борисовича Орлицкого (Москва) «**Генрих Гейне в переводах Веры Аренс в блоковской “копилке” “Всемирной**

литературы»». Исследователь проанализировал 26 стихотворных переводов В.Е. Аренс-Гаккель для блоковского собрания сочинений Г. Гейне, работа над которым шла во «Всемирной литературе» в 1919–1923 гг., рассеянных в разных архивных фондах Санкт-Петербурга и Москвы. При этом половина из них была опубликована в собрании стихотворений немецкого поэта, выпущенном издательством «Academia» в 1931 г. на основании результатов работы Блока с переводчиками, среди которых была и Аренс. Остальные ее переводы введены в научный оборот впервые, равно как пометы Блока на рукописях поэтессы, известной своими переводами мировой классики в 1920–1950-х годах.

В докладе **«Три адреса на Моховой: послесловие к истории издательства “Всемирная литература” (по материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН)»** (при поддержке РФФ, проект № 21-18-00494) Лариса Григорьевна Жуховицкая (Москва) представила анализ различных по тематике писем сотрудников издательства Давида Исааковича Выгодского (1893–1943), Сергея Адамовича Колбасьева (1899–1937/1943) и Исаия Бенедиктовича Мандельштама (1885–1954), которые дополняют и уточняют важные факты их научной биографии (письма написаны в 1930-х годах). Пометы Горького свидетельствуют о внимательном прочтении писем и предполагаемом отклике (ответные письма не разысканы). Корреспондентов Горького, бывших сотрудников издательства «Всемирная литература», живших в Ленинграде на улице Моховой, объединяет трагическая судьба репрессированных; адрес на Моховой оказался их последним адресом.

Людмила Геннадьевна Ларионова (Москва) в докладе **«Организация библиотеки “Всемирной литературы” (новые архивные изыскания)»** (при поддержке РФФ, проект № 21-18-00494) рассказала об истории создания и становлении библиотеки издательства. Анализ сохранившихся документов из фондов ЦГАЛИ СПб, РГАЛИ, ОР РГБ позволил пересмотреть основные положения концепции Г.В. Михеевой в ее работах 2015 г. Новые сведения не только дополняют представление о разнообразной деятельности издательства «Всемирная литература», но и позволяют вписать новые страницы в историю русского библиофильства, книжной торговли, библиотечного дела и библиографии после 1917 г.

Доклад Наталии Алексеевны Дровалевой (Москва) **«Обсуждение творчества В.Я. Брюсова сотрудниками издательства “Всемирная литература”»** (при поддержке РФФ, проект № 21-18-00494) посвящен заседанию Редколлегии издательства

от 28 октября 1924 г. памяти скончавшегося 9 октября В.Я. Брюсова. Исследовательница проанализировала содержание не введенного в научный оборот выступления В.М. Жирмунского, подведшего итог творческой деятельности Брюсова и предложившего тематическую классификацию его поэзии, и М.Л. Лозинского, давшего оценку переводческих заслуг Брюсова в рамках сотрудничества со «Всемирной литературой».

Исследовательница Донателла Ди Лео в докладе **«Итальянские переводы и издания произведений Гоголя 1920–30-х гг.»** представила обзор произведений писателя во время установления фашистского режима в Италии. Несмотря на сложное социальное и экономическое состояние, интерес к русской литературе, в том числе к Гоголю, вырос благодаря развитию славистики как академической дисциплины. Издательства «Славия» и «Р. Карабба» публиковали переводы русских классиков и современников, среди которых произведениям Гоголя отводилось немалое место.

В докладе **«Судьбы художников “Всемирной литературы”»** (при поддержке РФФ, проект № 21-18-00494) Софья Вадимовна Полонская (Москва) осветила малоизученные факты сотрудничества с издательством «Всемирная литература» в биографиях художников Ю.П. Анненкова и М.В. Добужинского.

Яков Вениаминович Слепков (Санкт-Петербург) в докладе **«Общественно-литературная деятельность К.М. Жихаревой»** представил результаты исследования писем, сохранившихся в Отделе рукописей РНБ и Рукописном отделе ИРЛИ, на основании которых реконструировал фрагмент биографии Жихаревой – сотрудника «Всемирной литературы».

В докладе Анфисы Даниловны Савиной **«А.А. Блок, А.Ф. Даманская и “Всемирная литература”: дополнения к теме»** на основании протоколов редакционной коллегии «Всемирной литературы» восстанавливается контекст создания блоковского «Отрывка статьи о белоэмигрантской печати». Показано, что в тексте отразилось знакомство автора с журналом «Русская книга» А.С. Яценко и публикациями А.Ф. Даманской в ревельской газете «Народное дело».

Доклад Валентины Валерьевны Коростелиной (Москва) **«Гуманитарная миссия проектов Silent Books. Преемственность гуманистических ценностей серии “Народная библиотека” издательства “Всемирная литература”»** посвящен приемам интеграции в читательское сообщество людей, мало нацеленных на чтение, плохо владеющих

грамотой или не являющихся носителями языка страны пребывания на примере горьковского проекта «Народная библиотека» и современного книгоиздательского феномена, получившего название Silent Books.

Наталья Юрьевна Бакшаева (Москва) и Анна Алексеевна Кудалина (Москва) в докладе «**“Русскому читателю духовный мир Пруста вполне чужероден...”**: о переводах стихотворений М. Пруста И.В. Чинновым (по материалам ОР ИМЛИ)» представили результаты работы с фондом эмигрантского поэта в Отделе рукописей ИМЛИ РАН, уделив внимание редкой для Чиннова роли переводчика. Исследовательницы сопоставили оригиналы стихотворений Пруста с их переводами, реконструировали подходы, которыми руководствовался Чиннов, сопоставили их с постулатами, изложенными в брошюре «Принципы художественного перевода» «Всемирной литературы».

В докладах участников конференции были введены в научный оборот и проанализированы архивные материалы и редкие издания книг, зачастую малодоступные. Исследователи воссоздают историю издания наиболее значительных

для истории мировой литературы произведений, а также анализируют факты и события, связанные со становлением российской переводческой школы в 1920–30-е годы, в частности, связанные с деятельностью первого советского издательства «Всемирная литература». Новизна и актуальность достигнутых научных результатов позволяет говорить о том, что Международная научная конференция «Литературное произведение сквозь призму издательских процессов 1920–30-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые годы советской власти и издательство “Всемирная литература”» имеет не только теоретическое значение, но и практическое, так как выводы исследователей и представленные ими архивные документы, воссоздающие издательский процесс 1920–1930-х годов, будут учтены и использованы в лекционных курсах средней и высшей школы, в историях русской и зарубежной литературы, в новейших научных публикациях по темам, затронутым на конференции. Теоретическая и практическая значимость проведенных исследований не подлежит сомнению и открывает новые пути и подходы в современной гуманитарной науке.

Я.Д. Чечнев

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник

Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ya.d.chechnev@yandex.ru

Н.А. Дровалева

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник

Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ucheniy_sekretar@imli.ru

М.А. Ариас-Вихиль

Доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник Архива А.М. Горького
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская 25а
marina.arias@mail.ru

Yakov D. Chechnev

Cand. Sci. (Philol.),

Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ya.d.chechnev@yandex.ru

Natalia A. Drovaleva
Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ucheniy_sekretar@imli.ru

Marina A. Arias-Vikhil
Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Archive
of the Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia
marina.arias@mail.ru

Благодарность. Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00494 «История издательства “Всемирная литература” в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького») в ИМЛИ РАН. <https://rscf.ru/project/21-18-00494/>

Для цитирования: Чечнев Я.Д., Дровалева Н.А., Ариас-Вихиль М.А. Международная научная конференция «Литературное произведение сквозь призму издательских процессов 1920–1930-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые годы советской власти и издательство “Всемирная литература”» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 83. № 2. С. 120–128. DOI: 10.31857/S1605788024020114

Acknowledgements. The article was prepared at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 21-18-00494 “The History of the ‘World Literature’ Publishers in documents: the fate of the creative intelligentsia of Russia in the post-revolutionary space through the prism of Maxim Gorky’s publishing project”) in the Institute of World Literature of the RAS. <https://rscf.ru/project/21-18-00494/>

For citation: Chechnev, Ya.D., Drovaleva, N.A., Arias-Vikhil, M.A. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Literaturnoe proizvedenie skvoz prizmu izdatelskih processov 1920–1930-h godov. Sudby rossijskoj tvorcheskoj intelligencii v pervye gody sovetsoj vlasti i izdatelstvo Vsemirnaya literatura”* [An International Scholarly Conference “A Literary Work through the Prism of Publishing Processes in the 1920s and 1930s. Destiny of the Russian Intelligentsia in the Early Years of the Soviet Rule and the ‘World Literature’ Publishers”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 83, No. 2, pp. 120–128. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020114

*Дата поступления материала в редакцию: 10 декабря 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.
Дата публикации: 30 апреля 2024 г.*

*Received by Editor on December 10, 2023
Revised on December 23, 2023
Accepted on February 15, 2024
Date of publication: April 30, 2024*